ФЕДЕРАЛИЗМ

Теория. Практика. История

2 (122), 2026, Т. 31

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АНДРИЧЕНКО Людмила Васильевна
д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующая Центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

БАХТИЗИН Альберт Рауфович
член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН

БУХВАЛЬД Евгений Моисеевич
заместитель главного редактора, д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Центра федеративных отношений и регионального развития Института экономики РАН

БУКИНА Ирина Сергеевна
к.э.н., ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

ВАЛЕНТЕЙ Сергей Дмитриевич
главный редактор, д.э.н., профессор, руководитель Научно-исследовательского объединения Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

ГОРЕГЛЯД Валерий Павлович
д.э.н., профессор, главный аудитор Банка России

ДРУЖИНИН Александр Георгиевич
д.г.н., профессор, главный научный сотрудник Южного федерального университета; ведущий научный сотрудник Института географии РАН

ИЛЬИН Владимир Александрович
член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, научный руководитель Вологодского научного центра РАН

КУЗНЕЦОВА Ольга Владимировна
д.э.н., профессор РАН, заместитель директора по научной работе Института народнохозяйственного прогнозирования РАН

КУРБАНОВ Рашад Афатович
д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

ЛЕКСИН Владимир Николаевич
д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ФИЦ «Информатика и управление» РАН

ЛОБАНОВ Иван Васильевич
к.ю.н., доцент, ректор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

ЛЫКОВА Людмила Никитична
д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН

МАЕВСКИЙ Владимир Иванович
академик РАН, д.э.н., профессор, заведующий Сектором теоретических и прикладных проблем воспроизводства Института экономики РАН

МАКАРОВ Валерий Леонидович
академик РАН, д.ф.-м.н., профессор, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН

ОДИНЦОВА Александра Владимировна
д.э.н., заведующий Центром федеративных отношений и регионального развития Института экономики РАН

ПОЛТЕРОВИЧ Виктор Меерович
академик РАН, д.э.н., профессор, руководитель научного направления «Математическая экономика» Центрального экономико-математического института РАН

ШВЕЦОВ Александр Николаевич
д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ФИЦ «Информатика и управление» РАН

ШАКИРОВА Диана Фаридовна
ответственный секретарь

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В.Плеханова»

FEDERALISM

Theory. Practics. History

2 (122), 2026, Vol. 31

EDITORIAL BOARD

ANDRICHENKO Lyudmila V.
Dr. Sc. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Center for Public Law Research of Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

BAKHTIZIN Albert R.
Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc. (Econ.), Professor of the RAS, Director of Central Economics and Mathematics Institute of the RAS

BUKHVALD Eugeny M.
Deputy Editor in Chief, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher of the Center for Federal Relations and Regional Development of Institute of Economics of the RAS

BUKINA Irina S.
Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher of Institute of Economics of the RAS

VALENTEY Sergey D.
Editor in Chief, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of the Research Association of Plekhanov Russian University of Economics

GOREGLIAD Valeriy P.
Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Auditor of Bank of Russia

DRUZHININ Alexander G.
Dr. Sc. (Geography), Professor, Chief Researcher of the Southern Federal University; Leading Researcher of the Institute of Geography of the RAS

ILYIN Vladimir A.
Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Scientific Director of Vologda Research Center of the RAS

KUZNETSOVA Olga V.
Dr. Sc. (Econ.), Professor of the RAS, Deputy Director for Scientific Work of Institute for Economic Forecasting of the RAS

KURBANOV Rashad A.
Dr. Sc. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Civil Law Disciplines of Plekhanov Russian University of Economics

LEKSIN Vladimir N.
Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher of Federal Research Center "Computer Science and Control" of the RAS

LOBANOV Ivan V.
Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Rector of Plekhanov Russian University of Economics

LYKOVA Lyudmila N.
Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher of Institute of Economics of the RAS

MAEVSKIY Vladimir I.
Academician of the RAS, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of the Subcenter of Theoretical and Applied Problems of Reproduction of Institute of Economics of the RAS

MAKAROV Valeriy L.
Academician of the RAS, Dr. Sc. (Physics and Mathematics), Professor, Scientific Adviser of Central Economics and Mathematics Institute of the RAS

ODINTSOVA Alexandra V.
Dr. Sc. (Econ.), Head of the Center for Federal Relations and Regional Development of Institute of Economics of the RAS

POLTEROVICH Victor M.
Academician of the RAS, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of Scientific Research "Mathematical Economics" of Central Economics and Mathematics Institute of the RAS

SHVETSOV Alexander N.
Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher of Federal Research Center "Computer Science and Control" of the RAS

SHAKIROVA Diana F.
Secretary of the Board

Founder:

Plekhanov Russian University of Economics

СОДЕРЖАНИЕ

РЕГИОНЫ И ЦЕНТР

ГОНЧАРОВА К.С.
Институциональный и социально-экономический контексты циклов трансформации государственной региональной политики в России 5

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

НЕКЛЮДОВА Н.П.
Развитие населения как объект управления 31

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПЕТРИКОВ А.В.
Агроэкологическая политика и развитие органического сельского хозяйства в России 52

БАСНУКАЕВ М.Ш.
Региональная налоговая политика как инструмент динамичного развития территории (на примере Чеченской Республики) 68

ВАСИЛЕНКО Д.В.
Результаты мониторинга социально-экономической ситуации в городских округах Донецкой Народной Республики 87

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ДЕМЬЯНЕНКО А.Н., ДЯТЛОВА Л.А.
Районирование и пространственная организация России 102

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

ГЛИГИЧ-ЗОЛОТАРЕВА М.В., КИРЮХИН К.С.
Региональное измерение промежуточных выборов 2026 г. в США 117

КРИВОВ В.Д., САМУСЕВИЧ К.А.
Статистический анализ практики реализации социальных стандартов в англосаксонских странах 141

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ВАЛЕНТЕЙ С.Д., БАХТИЗИН А.Р., БОРИСОВА С.В., КОЛЬЧУГИНА А.В., ЛЫКОВА Л.Н.
Экономики российских регионов в 2025 г. 159

ЖУРА С.Е., ФИЛИППОВА Р.В., ТИТОВА С.С., СУДАРИКОВА Е.В.
Особенности и анализ перехода Республики Саха (Якутия) к экономике замкнутого цикла 197

CONTENTS

REGIONS AND CENTRE

GONCHAROVA K.S.
Institutional and Socio-Economic Contexts of the Transformation Cycles of State Regional Policy in Russia 5

QUESTIONS OF THEORY

NEKLYUDOVA N.P.
Population Development as a Governance Object 31

SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS

PETRIKOV A.V.
Agroecological Policy and the Development of Organic Farming in Russia 52

BASNUKAEV M.Sh.
Regional Tax Policy as a Tool for Dynamic Development of the Territory (on the Example of the Chechen Republic) 68

VASILENKO D.V.
The Results of Monitoring the Socio-Economic Situation in Urban Districts of the Donetsk People's Republic 87

ECONOMIC-GEOGRAPHICAL PROBLEMS

DEM'YANENKO A.N., DYATLOVA L.A.
Zoning and Spatial Organization of Russia 102

FOREIGN EXPERIENCE

GLIGICH-ZOLOTAREVA M.V., KIRJUHIN K.S.
Regional Dimension of the Interim Elections of 2026 in the USA 117

KRIVOV V.D., SAMUSEVICH K.A.
Statistical Analysis of the Practice of Implementing Social Standards in Anglo-Saxon Countries 141

ANALITICAL NOTES

VALENTEY S.D., BAKHTIZIN A.R., BORISOVA S.V., KOL'CHUGINA A.V., LYKOVA L.N.
Economies of Russian Regions in 2025 159

ZHURA S.E., FILIPPOVA R.V., TITOVA S.S., SUDARIKOVA E.V.
Features and Analysis of the Transition of the Republic of Sakha (Yakutia) Towards a Closed-Cycle Economy 197

DOI: http://dx.doi.org/
10.21686/2073-1051-2026-2-5-30

К.С. ГОНЧАРОВА

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ ЦИКЛОВ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ*)

Задачи государственной региональной политики в России в 1990–2022 гг. смещались от стабилизации и выравнивания условий пространственного развития к поддержке внутренней конкуренции регионов, формированию точек роста и стимулированию локализованных инициатив; изменялись цели территориального управления, перераспределялись полномочия между уровнями власти, пересматривались подходы к стратегическому планированию. В настоящем исследовании определяются циклы развития региональной политики в этот период с учетом нормативно-правовой динамики, трансформации институциональных механизмов, перераспределения полномочий и изменений политико-экономических приоритетов. Для комплексного анализа этих преобразований применен структурно-хронологический подход, позволяющий систематизировать циклы развития региональной политики и установить внутренние взаимосвязи между институциональными изменениями, правовыми механизмами и содержательными приоритетами государственной деятельности в разные временные периоды. Предложенный подход основан на сопоставлении этапов региональной политики с нормативной базой, механизмами федеративного взаимодействия и социально-экономическими приоритетами. Сопоставление правовых и административных решений с фазами институционального развития системы управления территориями выявляет логику ее функционирования и способность адаптироваться к меняющимся условиям и вызовам. Выделены основные фазы (периоды) трансформации, раскрыта внутренняя логика смены циклов – от децентрализации и «договорного федерализма» 1990-х гг. до стратегического управления в условиях внешнеполитических ограничений и санкционного давления в 2010–2020-е гг. Полученные результаты позволяют по-новому оценить

*) Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 25-28-00512 «Последствия и риски трансформации моделей территориального социально-экономического развития регионов России в условиях реализации неолиберальной политики» (URL: https://rscf.ru/project/25-28-00512/).

соотношение различных (политических, экономических, социально-демографических и других) факторов на формирование региональной повестки нашей страны.

Ключевые слова: региональная политика, федерализм, пространственное развитие, стратегическое планирование, межбюджетные отношения, нормативно-правовое регулирование, децентрализация, централизация, административная реформа.

JEL: R58, R11

Региональная политика России в последние 30 лет претерпела ряд значительных трансформаций. Изменялись цели территориального управления, перераспределялись полномочия между уровнями власти, пересматривались подходы к стратегическому планированию. Эти изменения происходили как в рамках внутренней логики институциональных реформ, так и под воздействием внешнеполитических и макроэкономических факторов.

В публикациях можно найти исследования этих процессов в рамках либо нормативного подхода, акцентирующего внимание на нормативных и правовых актах, регулирующих отдельные аспекты региональной политики, чаще всего – территорий (например, Дальнего Востока [1],) либо направлений стратегического планирования [2], бюджетной и налоговой политики [3; 4] и других направлений.

При этом наиболее часто критериями выделения этапов в исследованиях выступают смена целей и задач государственного управления пространственным развитием страны [5; 6; 7], трансформация инструментов и институциональных механизмов реализации региональной политики [8], изменение баланса между федеральным центром и регионами [9; 10; 11]. Этапность развития региональной политики при этом рассматривается вне контекста комплексного сравнительного анализа ключевых направлений государственной региональной политики – развития федеративных отношений (включая баланс между централизацией и децентрализацией), экономической и социальной политики, а также влияния внутренних и внешних факторов на трансформацию соответствующих этапов.

Для комплексного анализа данных преобразований мы предлагаем применить *структурно-хронологический подход*, предоставляющий возможность не только систематизировать этапы развития региональной политики, но и установить внутренние взаимосвязи между институциональными изменениями, правовыми механизмами и содержательными приоритетами государственной деятельности в разные временные периоды.

В таком контексте периодизация рассматривается не просто как средство хронологической фиксации, но и *как аналитический инструмент*, позволяющий исследовать преемственность и согласованность государственной региональной политики на различных этапах

ее реализации. Сопоставление правовых и административных решений с фазами институционального развития системы управления территориями выявляет логику ее функционирования и способность адаптироваться к меняющимся условиям и вызовам. Это позволяет не только зафиксировать отдельные этапы трансформации региональной политики, но и раскрыть внутреннюю логику их смены. Указанное принципиально важно, поскольку анализ динамики правового обеспечения региональной политики России на протяжении постсоветского периода выявил неравномерность развития регулирующей ее законодательной базы и сложность процесса трансформации региональной политики (*рис. 1*).

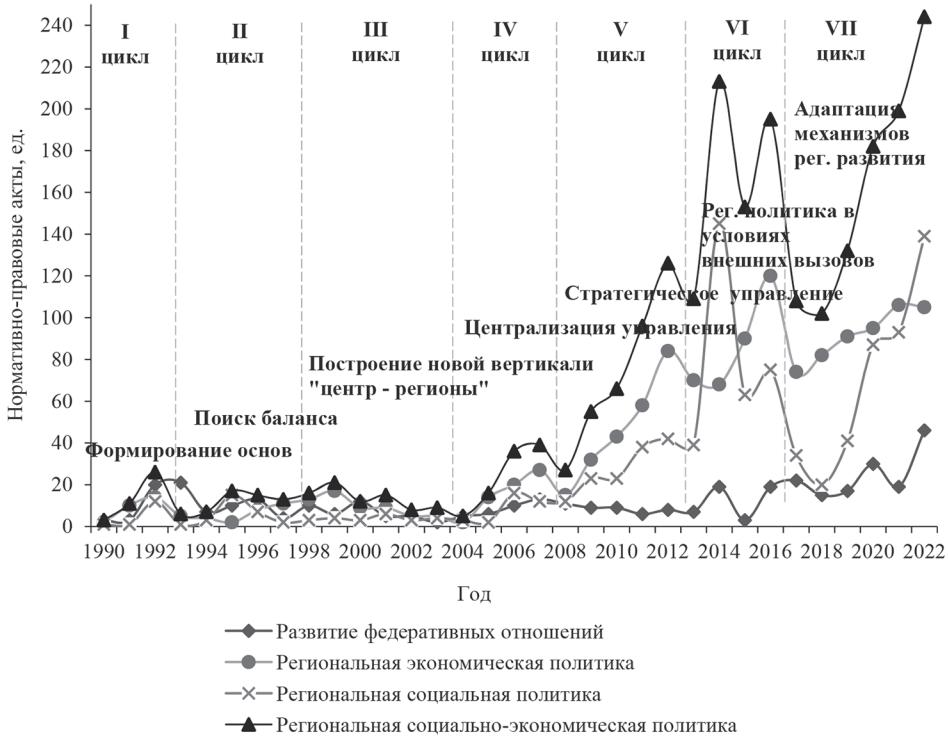

Рис. 1. Динамика интенсивности нормативно-правового регулирования регионального развития субъектов Федерации

Составлено по данным справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

При этом выраженная цикличность интенсивности нормотворческой деятельности коррелирует с ключевыми событиями в политической и экономической сферах государства, позволяя выделить 7 циклов нормативно-правового регулирования регионального развития.

Цикл 1. Формирование основ нормативно-правового регулирования регионального развития (1990–1993 гг.)

В рамках цикла федеральными органами государственной власти решался комплекс взаимосвязанных задач, обусловленных переходом *к новой модели государственности и экономики*. К их числу относились формирование основ федеративного устройства, разграничение предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти, институционализация механизмов межбюджетных отношений, обеспечение финансово-экономической самостоятельности субъектов Федерации, а также адаптация территориальной системы к условиям рыночных преобразований. Так, с 1990 по 1993 г. формировались основы региональной политики в условиях федерализации территориального устройства страны и активного проведения рыночных реформ. Принятые в этот период нормативные и правовые акты *соответствовали неолиберальным принципам* – децентрализации, масштабной приватизации, дерегулирования экономики, в том числе либерализации внешнеэкономической деятельности (включая уровень субъектов Федерации).

Основы федеративного устройства и разграничение предметов ведения и полномочий между федеральными, региональными и местными органами закладывались в Декларации о государственном суверенитете РСФСР (июнь 1990 г.), законе РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» (июль 1991 г.), Постановлении Верховного Совета Российской Федерации № 3020-1 (декабрь 1991), Федеративным договоре (март 1992 г.; не подписали Чеченская Республика и Республика Татарстан), Конституции Российской Федерации (декабрь 1993 г.).

Отметим, что расширение прав субъектов Федерации, в том числе путем повышения их экономической самостоятельности, закрепляемых в документах первого цикла, *привело к разбалансировке отношений между центром и регионами*[1]. С целью стабилизации ситуации был принят Закон Российской Федерации № 3198-1 (июль 1992 г.), введен институт полномочного представителя Президента Российской Федерации в субъекте Федерации (Указ Президента № 186, февраль 1993 г.) и образовано в структуре Администрации Президента Управление по работе с территориями, представителями Президента Российской Федерации, связям с Верховным Советом Российской Федерации (Указ Президента от 22 февраля 1993 г. № 273).

Финансово-экономические преобразования регионального развития обеспечивал закон РСФСР № 1734-1 (октябрь 1991 г.), закрепляю-

[1] В особенности это касалось республик Северного Кавказа (Закон Российской Федерации от 4 июня 1992 г. № 2927-I «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации»).

щий принцип самостоятельности бюджетов субъектов Федерации и их административно-территориальных образований и предусматривающий наличие собственных источников доходов и право самостоятельного определения направлений расходов. Закон Российской Федерации № 2118-1 (декабрь 1991 г.) устанавливал трехуровневую систему налогов (федеральных, региональных и местных) и усиливал таким образом степень финансовой децентрализации страны. Указ Президента РСФСР № 269 (декабрь 1991 г.) *предоставлял регионам возможность создавать локальные модели развития*, функционирующие в рамках единого экономического пространства страны (предусматривающего свободное, беспрепятственное и поэтому конкурентное перемещение ресурсов между территориями). В 1990–1991 гг. федеральное правительство также стало активно поддерживать меры по созданию территорий с преференциальными режимами ведения хозяйственной деятельности – зон свободного предпринимательства и свободных экономических зон.

Региональная социальная политика в рассматриваемый период была сосредоточена преимущественно на сглаживании последствий экономических реформ 1990–1992 гг.

Как показала практика, расширение предметов ведения и полномочий субъектов Федерации при отсутствии четко выстроенных механизмов их реализации и разграничения ответственности за поддержание единства экономического пространства *привело к углублению управленческих и политических противоречий.* В частности, федеральный центр сохранял формальные функции по обеспечению целостности экономического пространства. Однако он не обладал достаточными инструментами их реализации, тогда как регионы, получив расширенные полномочия, не несли институционально закрепленной ответственности за соблюдение единых правил экономического взаимодействия. Это способствовало усилению пространственной дифференциации и развитию «парада суверенитетов».

Вследствие этого именно федеральный центр был вынужден реагировать на усилившуюся конфликтность. Таким образом, первоначальное стимулирование неолиберальной модели управления без формирования адекватных институциональных механизмов ее реализации и координации межуровневого взаимодействия *создавало предпосылки для будущей централизации* и корректировки курса региональной политики.

Цикл 2. Поиск баланса между федерализмом и централизацией (1994–1998 гг.)

На втором цикле трансформации государственной региональной политики федеральными органами власти решался комплекс задач, связанных *с корректировкой и институциональным упорядочением ранее*

сформированных элементов федеративной системы в условиях нарастающих экономических и политических дисбалансов.

Основное внимание было сосредоточено на поиске устойчивого баланса между централизацией и децентрализацией, выработке механизмов разграничения полномочий между уровнями власти, а также формировании устойчивой системы межбюджетных отношений. Существенным направлением выступало также ограничение рисков, связанных с расширением финансово-экономической самостоятельности субъектов Федерации и усилением асимметрии территориального развития.

«Парад суверенитетов» автономных республик РСФСР потребовал поиска баланса между дальнейшим развитием федеративных отношений и необходимостью централизации системы государственного территориального управления [12]. Ключевые вопросы развития федеративных отношений в данный период регулировались *договорами и соглашениями о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий* между федеральными и региональными органами государственной власти.

Первый такой договор был заключен между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан феврале 1994 г.[1] Он предоставлял республике ряд исключительных прав – пользования и распоряжения ее землей, недрами, водными, лесными и другими природными ресурсами и самостоятельного осуществления внешнеэкономической деятельности (ст. II Договора)[2]. Его заключение стало прецедентом для составления и подписания договоров между федеральными и региональными органами государственной власти еще с 46 субъектами Федерации. Региональным органам власти предоставлялся ряд институциональных (административных) и экономических преференций, что повышало степень их самостоятельности в том числе при решении вопросов природопользования[3], лицензирования[4], налогового регу-

[1] В то же время условия, обозначенные в договоре между органами власти Российской Федерации и Татарстана, были схожи с прописанными ранее в Приложении к Федеративному Договору от Республики Башкортостан (Федеративный договор «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации» (вместе с Приложением к Федеративному договору от Республики Башкортостан) от 31 марта 1992 г.).

[2] Договор Российской Федерации и Республики Татарстан о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» от 15 февраля 1994 г.

[3] Постановление Президиума Верховного Совета и Правительства Республики Северная Осетия от 4 сентября 1994 г. № 500/126 «О Договоре Российской Федерации и Республики Северная Осетия “О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Северная Осетия”».

[4] Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Вологодской области от 4 июля 1997 г.

лирования[1], выбора приоритетных направлений социально-экономического развития[2]. Однако договоры, подписанные после 1996 г., *не закрепляли особого статуса регионов*, а лишь подтверждали принцип равноправия субъектов Федерации [11].

В 1999 г. ситуация изменилась. В июне был закреплен приоритет Конституции и федерального законодательства в вопросах распределения полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами (Федеральный закон № 119-ФЗ), а к 2002 г. *большинство договоров было расторгнуто.*

Демонтаж принятой ранее договорной модели федеративных отношений потребовал институционального оформления механизмов финансового выравнивания, направленных на снижение последствий сложившейся асимметрии бюджетной обеспеченности регионов. В этой связи уже в предшествующий период были заложены *основы системы межбюджетного регулирования.* Так, с целью сглаживания последствий разбалансировки региональных бюджетов в период заключения индивидуальных соглашений с регионами, предусматривавших установление для них особых финансово-экономических условий, в 1994 г. был создан Фонд финансовой поддержки регионов (Указ Президента Российской Федерации от 22 декабря 1993 г. № 2268) [13; 14], а в 1998 г. – разработана и принята Концепция реформирования межбюджетных отношений в Российской Федерации в 1999–2001 гг.[3] [15].

Создание механизмов финансовой поддержки регионов и последующая институционализация межбюджетных отношений сформировали основу для дальнейшего развития инструментов финансовой самостоятельности субъектов Федерации. По мере эволюции бюджетной системы акцент постепенно смещался от выравнивающих трансфертов к расширению возможностей регионов по самостоятельному привлечению финансовых ресурсов и формированию собственных источников заимствований. В этих условиях в 1994–1998 гг. были приняты документы, обеспечивающие выпуск субъектами Федерации облигаций, в том числе внешнего займа. Эта возможность стала наиболее активно использоваться именно со второй половины 1990-х гг. [16] в условиях сокращения финансовой поддержки со стороны федерального цен-

[1] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Башкортостан «О бюджетных взаимоотношениях в 1994–1995 годах» от 3 августа 1994 г.; Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Калининградской области от 12 января 1996 г.

[2] Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Хабаровского Края от 24 апреля 1996 г.

[3] Рябухин С.Н. Оценка механизма распределения федеральной финансовой помощи бюджетам субъектов Российской Федерации и направления его совершенствования // Аналитическая записка. Счетная Палата Российской Федерации. URL: https://ach.gov.ru/checks/otsenka-mekhanizma-raspredeleniya-federalnoy-finansovoy-pomoshchi-byudzhetam-subektov-rossiyskoy-fed (дата обращения: 30.04.2025).

тра[1]. В результате проведения такой политики во время кризиса 1998 г. «ряд территорий, осуществлявшие внешние заимствования, объявили о неспособности их своевременного обслуживания и погашения. <...> В Бюджетный кодекс была включена статья, ограничивающая предельный уровень заимствований субъектами Российской Федерации 15% доходов бюджета. Кроме того, Минфином России был подготовлен Указ Президента Российской Федерации от 9 июня 1998 г.»[2].

Многие из регулирующих реализацию региональной социально-экономической политики документов, как и в предыдущем цикле, были направлены на смягчение нарастающих негативных последствий проводимых экономических реформ (1995 г. – Постановление Правительства Российской Федерации № 534; Постановление Правительства Российской Федерации № 530; 1996 г. – Постановление Правительства Российской Федерации № 1256; 1997 г. – Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации № 115; 1998 г. – Постановление Правительства Российской Федерации № 1112).

С 1994 г. также началась реализация федеральных целевых программ социально-экономического развития отдельных регионов, в первую очередь Дальнего Востока (Постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 17 декабря 1993 г. № 1297, Постановление Правительства Российской Федерации от 7 февраля 1995 г. № 115, Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 1996 г. № 480). Данные программы стали одним из первых механизмов практической реализации программно-целевого подхода в государственной региональной политике, отражая переход к более системному управлению территориальным развитием.

Логическим продолжением данного процесса (внедрения программно-целевого подхода к территориальному развитию) стало официальное обозначение федеральными органами власти в июне 1996 г. целей и задач региональной политики России[3]. В документе было определено по-

[1] В 1997 Москва разместила долларовые облигации на сумму до 500 млн долл. США сроком на 3 года под 9,5% годовых, организатором размещения выступил международный банк CS First Boston Limited and Nomura International plc. В том же году для рефинансирования внутреннего долга Санкт-Петербург выпустил еврооблигации на сумму 300 млн долл. США сроком на 5 лет, размещением занимался банк Salomon Brothers [10]. Данные о выпусках государственных ценных бумаг субъектов Российской Федерации и выпусков муниципальных ценных бумаг за 1997 и 1998 гг. представлены на сайте Минфина России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/public_debt/public_debt_arch/subj/registervcb (дата обращения: 03.05.2025).

[2] Об итогах работы Министерства финансов Российской Федерации в 1998 году. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=4985-ob_itogakh_raboty_ministerstva_finansov_rossiiskoi_federatsii_v_1998_godu (дата обращения: 03.05.2025).

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 23 марта 1996 г. № 327 «Об одобрении и представлении на утверждение Президента Российской Федерации Основных положений региональной политики в Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации от 3 июня 1996 г. № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации».

нятие региональной политики[1] и обозначены ее основные направления: развитие федеративных отношений и местного самоуправления, региональная экономическая политика, региональная политика в социальной сфере, региональные аспекты национально-этнических отношений[2]. Но его содержание, по мнению экспертов, имело общий, декларативный характер, что затрудняло его практическую реализацию[3].

Реализуемая федеральной властью социально-экономическая политика в 1994–1998 гг. носила *поэтапно трансформирующийся характер*, в котором сочетались элементы федерализации и последующей централизации.

На начальном этапе в нормотворческой практике преобладали документы, направленные на становление федеративных отношений и расширение самостоятельности регионов, что формировало высокую степень институциональной и целевой неопределенности региональной политики. В этих условиях региональные элиты активно расширяли собственную территориальную экономическую базу. Однако с 1996 г. по мере нарастания кризисных явлений в экономике и обострения отношений между Центром и регионами произошла *корректировка курса в сторону усиления централизации и ужесточения требований бюджетной дисциплины* со стороны субъектов Федерации.

Логика региональной социально-экономической политики – поиск баланса между социальной компенсацией последствий рыночных реформ и усилением контроля со стороны федерального центра. Компенсаторную функцию продолжала выполнять социальная политика: усиливались меры поддержки населения, направленные на смягчение последствий реформ и предотвращение социальной дестабилизации. Одновременно наращивалась экономическая составляющая региональной политики: расширялись полномочия субъектов Федерации в экономической сфере, развивались целевые программы, поддерживались инициативы по внешнеэкономической активности регионов. Однако эффективность этих мер была ограничена общим экономическим кризисом в стране.

---

[1] Под региональной политикой в Российской Федерации понималась «система целей и задач органов государственной власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны, а также механизм их реализации» (п. 1 «Основные цели региональной политики в Российской Федерации») (см.: Указ Президента Российской Федерации от 3 июня 1996 г. № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации»).

[2] Указ Президента Российской Федерации от 3 июня 1996 г. № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации».

[3] Алтынбаев Р.З. Региональная политика в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации. URL: http://council.gov.ru/events/news/23346/ (дата обращения: 30.04.2025).

Цикл 3. Построение новой вертикали власти «центр – регионы» (1999–2004 гг.)

Третий выделяемый нами цикл представлял собой *этап институциональной трансформации модели федерализма и укрепления вертикали власти* «федеральный центр – регионы» посредством реализации комплекса взаимосвязанных реформ.

В данный период на федеральном уровне управления региональным развитием решались задачи, направленные на институциональную консолидацию федеративных отношений и повышение управляемости территориального развития. Ключевыми из них являлись формирование устойчивой вертикали власти, централизация бюджетной системы и усиление контроля за региональными финансами, институционализация надрегионального уровня управления, а также переход к более формализованным и стратегически ориентированным механизмам региональной политики.

Реализация указанных задач институциональной консолидации и централизации потребовала прежде всего пересмотра механизмов межбюджетного регулирования, поскольку именно финансовая система выступала ключевым инструментом перераспределения полномочий и обеспечения управляемости регионального развития. В этой связи центральное значение приобрела *бюджетная реформа*, начало которой было положено Концепцией реформирования межбюджетных отношений в Российской Федерации на 1999–2001 гг.[1], принятой в 1998 г. Она была ориентирована на формализацию и повышение прозрачности решений о выделении трансфертов субъектам Федерации, а также постепенный отказ от индивидуальных соглашений предыдущего цикла, а ее важным направлением стало дальнейшее формирование механизмов, позволяющих федеральному центру не только распределять ресурсы, но и *управлять ликвидностью региональных бюджетов в рамках единой финансовой системы.*

Реализация реформы была поэтапной. С 2004 г. регионам из федерального бюджета стали предоставляться кредиты на покрытие временных кассовых разрывов, реализацию инвестиционных программ, софинансирование региональных программ[2]. Это позволило усилить бюджетную дисциплину территорий и централизовать контроль

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июля 1998 г. № 862 «О Концепции реформирования межбюджетных отношений в Российской Федерации в 1999–2001 годах».

[2] Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования межбюджетных отношений (статья 3535)»; Интервью А. Г. Силуанова журналу «Бюджет». О проблемах обеспечения сбалансированности консолидированных бюджетов субъектов РФ. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=32091 (дата обращения: 10.05.2025).

за региональными долгами, особенно в период кризисов (2009–2010 гг., 2014–2015 гг., 2020 г.[1]).

Одновременно с развитием инструментов финансового регулирования формировалась необходимость институционального закрепления усиливающейся вертикали управления, что требовало уже не только бюджетной, но и административно-территориальной перестройки системы государственного управления. Это обусловило переход к административной реформе, ориентированной на усиление централизованного контроля над реализацией государственной политики в регионах.

Реализация первого этапа административной реформы[2] (2003–2005 гг.) осуществлялась в условиях уже сформированной системы федеральных округов, созданных в 2000 г. в рамках реформы федеративных отношений [17; 18; 19; 20]. Образование 7 федеральных округов, повышение статуса городов – их административных центров и преобразование института полномочного представителя Президента Российской Федерации (переход от представителей в субъектах Федерации к полномочным представителям в федеральных округах)[3] создали предпосылки для последующей административной реформы. Выстраивался дополнительный надрегиональный уровень управления, позволивший установить систему контроля за деятельностью регионов и улучшить координацию действий федеральных органов власти в отношении реализации региональной политики [21].

В 2000 г. в рамках административной реформы началась реформа Совета Федерации (Федеральный закон от 5 августа 2000 г. № 113-ФЗ.): переход от участия по должности к делегированию представителей от регионов позволил обеспечить поддержку большинства проводимых федеральным центром реформ [22].

Таким образом, указанные реформы образовывали единый комплекс, направленный на создание *более управляемой модели взаимодействия* между федеральным центром и субъектами Федерации. В совокупности они задали вектор трансформации российского федерализма в сторону усиления исполнительной вертикали и политической интеграции регионов в единую государственную систему.

Одновременно с институциональной перестройкой системы государственного управления и укреплением вертикали власти в 1999–2004 гг. формировались *новые подходы к региональной экономической политике*, ориентированной на посткризисное восстановление и сокращение межрегиональных дисбалансов и формирование основ стратегического раз-

[1] Краткая ежегодная информация об исполнении консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации (млрд руб.). URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=90143-kratkaya_ezhegodnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_konsolidirovannykh_byudzhetov_subektov_rossiiskoi_federatsii_mlrd._rub. (дата обращения: 10.05.2025).

[2] Указ Президента Российской Федерации от 23 июля 2003 г. № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах».

[3] Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе».

вития (Распоряжения Правительства Российской Федерации от 14 июня 2001 г. № 800-р, от 7 июня 2002 г. № 765-р). К 2006 г. 64 региона из 89 подготовили и утвердили собственные стратегии долгосрочного и среднесрочного социально-экономического развития, однако, по мнению экспертов, это никак не повлияло на динамику экономического развития данных территорий [23].

В области региональной социальной политики в этот период также наблюдался постепенный *переход к стратегическому планированию.* Различные варианты стратегии, разрабатываемые Министерством экономики, Министерством охраны окружающей среды и природных ресурсов и Министерством науки и технической политики, рассматривались Правительством и Государственной Думой на протяжении 1997–2001 гг. Однако они неизменно отклонялись с требованием кардинальной переработки [24].

Сохранялся компенсационный характер региональной социальной политики, но значительная часть социальной нагрузки была передана на региональный уровень, что *дополнительно усиливало рост неравномерности социально-экономического пространства страны* [25].

Цикл 4. Централизация управления региональным развитием (2005–2008 гг.)

Четвертый цикл характеризуется *общим макроэкономическим ростом, обусловленным преимущественно экзогенными факторами*, прежде всего высокими ценами на нефть на мировых рынках, а также переходом к проектному управлению через реализацию национальных проектов [26].

В данный период решался комплекс задач, направленных на повышение управляемости территориального развития и институциональное закрепление централизованной модели региональной политики. К числу основных задач относились оптимизация административно-территориальной структуры, завершение разграничения полномочий между уровнями власти, внедрение механизмов оценки эффективности регионального управления, развитие программно-целевых и проектных инструментов, а также формирование стратегических ориентиров долгосрочного социально-экономического развития.

Реализация обозначенных задач вела к необходимости углубления административно-территориальных преобразований. Усиление требований к эффективности государственного управления и консолидации управленческих функций на региональном уровне стало основанием для перехода *ко второму этапу административной реформы* (2006–2010 гг., Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 г. № 1789-р).

Для оптимизации управления, устранения дублирующих функций властей и повышения экономической устойчивости территорий было

проведено *укрупнение субъектов Федерации* (Красноярского края (2005), Пермского края (2006), Иркутской области (2006), Камчатского края (2006), Забайкальского края (2007)). Вектор политики централизации и территориальной консолидации, направленной на повышение управляемости и экономической эффективности региональной структуры страны, сохраняется до настоящего времени.

Дальнейшая реализация административно-территориальных преобразований на региональном уровне была связана с необходимостью упорядочения системы местного самоуправления, поскольку эффективность централизованной модели во многом зависела от согласованности взаимодействия всех уровней публичной власти. В этих условиях *особое значение приобрела реформа местного самоуправления*, практическая реализация которой началась с вступления в силу в январе 2006 г. Федерального закона № 131-ФЗ от 6 октября 2003 г. Реформа предполагала разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления и включала муниципалитеты в вертикаль власти «центр – регионы». Муниципалитетам было передано значительное количество обязательств без соответствующего финансового обеспечения, что затруднило исполнение новых функций на местах.

Для формирования взаимодействия «федеральный центр – регионы» устанавливалась система комплексной оценки эффективности работы губернаторов и региональных правительств (Указ Президента Российской Федерации от 28 июня 2007 г. № 825) и вводился механизм конкурсного отбора регионов на предоставление грантов (Постановление Правительства Российской Федерации от 14 августа 2008 г. № 608). Система, закрепленная в Указе и Постановлении, формализовала принцип «эффективное управление – увеличение ресурсного обеспечения», который ранее отсутствовал в явном виде в федеральной практике.

В результате к 2008 г. сформировалась обновленная модель региональной политики, основанная на принципах соблюдения экономической эффективности отбора и реализации отдельных проектов, где федеральный центр выступает в роли модератора конкурентной среды между субъектами Федерации (*рис. 2*).

Усиление зависимости ресурсного обеспечения регионов от результатов их управленческой деятельности создало предпосылки для переориентации федеральной политики на задачи инновационного роста и структурной модернизации экономики. В этих условиях в 2008 г. была утверждена Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р), предусматривающая переход к инновационной модели роста, в том числе на уровне субъектов Федерации, и оптимальному распределению ресурсов бюджета путем формирования и развития биоресурсных (Дальневосточный федеральный округ (ДФО), лесопромышленных (ДФО, Сибирский федеральный округ (СФО), энергопромышленных

(СФО), нефтегазохимического и территориально-производственных (Уральский федеральный округ), туристско-рекреационных, высокотехнологичных кластеров и агломераций, международных транспортных коридоров.

Примечание. Значения, указанные на графике – отношение количества документов, направленных на регулирование вопросов регионального развития отдельных субъектов Федерации, к общему числу документов, регулирующих вопросы регионального развития, в %.

Рис. 2. Динамика нормативно-правового регулирования регионального развития по объектам воздействия

Составлено по данным справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Региональная социальная политика в рассматриваемый период сохраняла преимущественно компенсационный и оптимизационный характер. Монетизацию льгот, начатую в 2005 г. (Федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ), можно рассматривать как *третий этап* распределения финансовых полномочий между уровнями власти[1]. Если на первом этапе (1990–1993 гг.) основное внимание уделялось разграничению расходных полномочий между федеральным, региональным и местным уровнями, а на втором этапе (1994–1998 гг.) – формированию и перераспределению доходных источников и механизмов межбюджетного регулирования, то в рамках третьего этапа была предпринята по-

[1] Бутрин Д.Н., Сапожков О. И, Едовина Т., Вислогузов В.В., Крючкова Е. Двадцать лет вместе. Экономическая история времен Владимира Путина. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4337061?from=other_spec (дата обращения: 15.05.2025).

пытка упорядочить систему социальных обязательств государства, включая распределение ответственности за финансирование льгот и мер социальной поддержки населения.

В то же время постепенно усилилось внимание федерального центра к долгосрочным демографическим и миграционным факторам развития территорий, что обусловило формирование отдельного блока стратегических решений в социально-демографической сфере. Так, в 2006 г. была реализована государственная программа содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637), а в 2007 г. – утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. (Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351), направленная на стабилизацию численности населения, повышение рождаемости и поддержку семей.

Цикл 5. Переход к стратегическому управлению региональным развитием (2009–2013 гг.)

Пятый цикл характеризовался переходом *к программно-целевому распределению федеральных ресурсов*, что стало важным этапом укрепления стратегического планирования и институционального оформления целевых подходов к управлению территориальным развитием.

Ключевыми задачами данного цикла являлись институционализация стратегического планирования на макрорегиональном и региональном уровнях, формирование новых инструментов реализации государственной политики, включая институты развития, усиление управляемости проблемных территорий, а также координация долгосрочных приоритетов социально-экономического развития страны.

Официальное завершение второй чеченской кампании стимулировало дальнейшую трансформацию административно-территориального устройства страны. В 2010 г. из состава Южного федерального округа был выделен Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) с административным центром в городе Пятигорске. Для более тесной интеграции вертикали власти и усиления контроля над реализацией государственной политики в регионе полномочный представитель Президента в федеральном округе получил статус заместителя Председателя Правительства Российской Федерации.

Административно-территориальная перестройка и усиление институционального контроля на уровне федеральных округов создали организационные предпосылки для перехода *к более системному стратегическому планированию регионального развития*. Так, на основе перечня государственных программ по направлению «сбалансированное региональное развитие» (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2010 г. № 1950-Р) были разработаны и ут-

верждены стратегические документы долгосрочного развития отдельных территорий (Постановления Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2009 г. № 1087, от 12 апреля 2010 г. № 223) и округов (Распоряжения Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2010 г. № 1485-р и от 17 декабря 2012 г. № 2408-р). К 2011 г. были приняты стратегии социально-экономического развития большинства федеральных округов. Началом реализации данных стратегий стало утверждение планов мероприятий к принятым документам (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2011 г. № 1535-р).

Важным направлением региональной экономической политики с 2009 по 2013 г. стало формирование территориальных институтов развития туризма в СКФО[1]. Предполагалось, что эти организации станут инструментами реализации кластерного развития экономики территорий Северного Кавказа[2]. Однако низкая инвестиционная активность и непрозрачное использование бюджетных средств привели к системной неэффективности их финансово-хозяйственной деятельности[3].

Таким образом, 2009–2013 гг. стал периодом *активного стратегического и институционального переустройства управления пространственным развитием*. В области региональной экономической политики особое внимание уделялось разработке и запуску стратегий социально-экономического развития федеральных округов и субъектов.

Цикл 6. Управление региональным развитием в условиях внешних вызовов (2014–2017 гг.)

В рамках шестого цикла трансформация федеративных отношений осуществлялась *по двум направлениям*:

1. Значительное влияние оказало присоединение Республики Крым к Российской Федерации в 2014 г., что потребовало оперативной адаптации регионального правового поля и формирования механизмов социально-экономической интеграции новых субъектов.

2. Федеральные органы власти сосредоточили внимание на развитии институциональной базы муниципального уровня простран-

---

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 833 «О создании туристического кластера в Северо-Кавказском федеральном округе»; В России упразднили «Корпорацию развития Северного Кавказа». URL: https://ria.ru/20210430/korporatsiya-1730696568.html (дата обращения: 08.07.2025).

[2] В.В. Путин провел заседание Президиума Правительства Российской Федерации // Архив сайта Председателя Правительства РФ В.В. Путина 2008–2012. URL: http://archive.premier.gov.ru/events/news/1467/ (дата обращения: 17.05.2025).

[3] Перчян А.В. Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка обоснованности и эффективности предоставления в 2016–2018 годах бюджетных ассигнований в уставный капитал акционерного общества “Корпорация развития Северного Кавказа” в целях создания медицинского кластера на территории Кавказских Минеральных Вод и реализации инвестиционных проектов на территории Северо-Кавказского федерального округа» // Бюллетень Счетной палаты. 2019. № 1. С. 170–226. URL: https://ach.gov.ru/statements/byulleten-schetnoj-palaty-1-yanvar-2019-g-937 (дата обращения: 17.05.2025).

ственного управления как одного из ключевых элементов федеративной системы.

Вхождение Республики Крым в российское правовое и экономическое пространство сопровождалось глубокой нормативной перестройкой и масштабным перераспределением административных полномочий и бюджетных ресурсов. В 2014 г. на федеральном уровне было принято более 70 нормативно-правовых актов, направленных на институциональную адаптацию новых субъектов Федерации (Республики Крым и г. Севастополя), включая отдельные положения о переходных режимах.

Наряду с масштабной институциональной адаптацией новых субъектов Федерации в рассматриваемый период усилилось внимание к расширению прямых каналов воздействия федерального центра с муниципальным уровнем управления. Так, в 2016–2017 гг. запущен ряд конкурсов и программ для муниципалитетов, реализация которых контролировалась и финансировалась непосредственно из федерального бюджета. Конкурсная поддержка и расширение механизмов участия граждан в развитии территорий повышали управляемость модели локального развития. Это должно было ускорить достижение национальных целей, сделать более видимыми социальные эффекты государственной региональной политики и стать одним из элементов предвыборной компании Президента Российской Федерации в 2018 г.

Развитие механизмов прямого взаимодействия федерального центра с муниципальным уровнем управления и расширение проектных форм поддержки территорий дополнялось институциональным укреплением системы стратегического планирования на федеральном и региональном уровнях. В 2014 г. был принят Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. В рамках стратегического развития к 2014 г. начали реализовываться государственные программы развития геостратегических территорий – СКФО, ДФО, Калининградской области, Республики Крым и г. Севастополя (Постановления Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 309, от 15 апреля 2014 г. № 308, от 15 апреля 2014 г. № 311, от 21 апреля 2014 г. № 366, от 11 августа 2014 г. № 790).

Важным направлением расширения инструментария государственной экономической политики стало формирование условий для повышения предпринимательской активности и укрепления конкурентоспособности экономики, в том числе посредством поддержки малого и среднего предпринимательства и развития промышленного потенциала. Данные приоритеты были закреплены в государственных программах «Экономическое развитие и инновационная экономика» и «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (Постановления Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 316, от 15 апреля 2014 г. № 328).

Помимо этого, в 2014–2017 гг. в региональной политике сохранялось внимание к *этнокультурным аспектам* (Постановление Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г. № 718 ФЦП),

развитию городской и социальной инфраструктуры, поддержке занятости[1]. Также с 2014 г. особое внимание уделялось помощи массово прибывшим гражданам Украины, включая их расселение и социальное обеспечение в регионах[2].

Цикл 7. Адаптация механизмов регионального развития к новым приоритетам государственной политики (2018–2022 гг.)

Седьмой цикл рассматривается нами как период *адаптации механизмов регионального развития к новым приоритетам государственной политики*.

Новым инструментом межрегионального финансового взаимодействия с 2020 г. стали взаимные бюджетные кредиты субъектов Федерации, что частично разгрузило федеральный бюджет в условиях возросших в пандемию *COVID-19* расходных обязательств.

---

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 298 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Содействие занятости населения”».

[2] Правовую и финансовую поддержку, включая предоставление временного убежища и социально-бытовое обустройство, обеспечили следующие постановления и распоряжения Правительства: Постановление Правительства Российской Федерации от 22 июля 2014 г. № 690 «О предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации гражданам Украины и лицам без гражданства, постоянно проживавшим на территории Украины, прибывшим в экстренном массовом порядке на территорию Российской Федерации в поисках убежища», Постановление Правительства Российской Федерации от 22 июля 2014 г. № 691 «Об утверждении распределения по субъектам Российской Федерации граждан Украины и лиц без гражданства, постоянно проживавших на территории Украины и прибывших на территорию Российской Федерации в экстренном массовом порядке», Постановление Правительства Российской Федерации от 12 сентября 2014 г. № 926 «Об отдельных мерах по организации пребывания на территории Российской Федерации граждан Украины и лиц без гражданства, постоянно проживавших на территории Украины, прибывших на территорию Российской Федерации в экстренном массовом порядке», Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2014 г. № 2727-р «Об утверждении распределения иных межбюджетных трансфертов, предоставляемых в 2014 году из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации для оказания адресной финансовой помощи гражданам Украины, имеющим статус беженца или получившим временное убежище на территории Российской Федерации и проживающим в жилых помещениях граждан Российской Федерации». Регуляция квот на выдачу разрешений на работу и приглашений на въезд, а также порядок медицинского освидетельствования граждан Украины были утверждены приказами Минтруда и Минздрава Российской Федерации: Приказ Минтруда России от 21 апреля 2014 г. № 268н «О внесении изменений в приложения № 1 и 2 к приказу Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 16 декабря 2013 г. № 739н “О распределении по субъектам Российской Федерации утвержденной Правительством Российской Федерации на 2014 год квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу”», Приказ Минтруда России от 21 апреля 2014 г. № 269н «О внесении изменений в приложение к приказу Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 16 декабря 2013 г. № 740н “О распределении по субъектам Российской Федерации утвержденной Правительством Российской Федерации на 2014 год квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности”», Приказ Минздрава России от 24 июля 2014 г. № 389н «Об утверждении временного порядка проведения обязательного медицинского освидетельствования граждан Украины и лиц без гражданства, постоянно проживавших на территории Украины, прибывших на территорию Российской Федерации в поисках убежища».

Но объемы таких заимствований оказались незначительными, и применение инструмента не приобрело системного характера[1].

Вертикаль управления укреплялась институциональным усилением канала «центр – муниципалитеты» в обход регионального звена – в субъектах Федерации были созданы Центры управления регионами (Постановление Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2020 г. № 1844). Через АНО «Диалог Регионы» была развернута единая цифровая инфраструктура для сбора, анализа и оперативной обработки обращений граждан и мониторинга исполнения поручений на региональном уровне.

Формой развития федеративных отношений в этот период стали регулярные встречи Президента с представителями субъектов Федерации и их общественности, результатами которых были публикующиеся перечни поручений.

Заключительный этап рассматриваемого цикла также *характеризовался радикальной трансформацией территориального устройства России*. Признание в 2022 г. независимости Донецкой и Луганской народных республик (Указы Президента Российской Федерации от 21 февраля 2022 г. № 71, 72), их включение в состав Российской Федерации и присоединение Запорожской и Херсонской областей (Указы Президента Российской Федерации от 29 сентября 2022 г. № 685, 686) потребовали безотлагательной правовой и институциональной интеграции новых субъектов (Федеральные законы от 4 октября 2022 г. № 372-ФЗ – № 375-ФЗ, Постановления Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2022 г. № 2452; от 28 декабря 2022 г. № 2474 и др.).

В рамках государственной региональной экономической политики продолжалась поддержка приоритетных макрорегионов – Дальнего Востока и Арктики. Принятие Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 г. № 2464-р) и утверждение механизмов поддержки инвестиционных проектов в Арктической зоне Российской Федерации (Постановление Правительства Российской Федерации от 10 октября 2022 г. № 1798) соответствовали целям стимулирования экономического роста.

Для снижения межрегиональной дифференциации были введены программы социально-экономического развития регионов с наименее благоприятными условиями развития и прямое субсидирование инфраструктурных и инвестиционных проектов. Для унификации условий привлечения инвесторов на региональном уровне и формирования базовой инфраструктуры Минэкономразвития разработало региональ-

[1] Бухарова О. Субъектам РФ дадут право кредитовать друг друга. URL: https://rg.ru/2020/04/19/subektam-rf-dadut-pravo-kreditovat-drug-druga.html (дата обращения: 17.05.2025); Климанов В. Неожиданный подарок из центра: смогут ли регионы кредитовать друг друга. URL: https://www.rbc.ru/opinions/finances/24/04/2020/5ea161069a7947069908789e (дата обращения: 08.07.2025).

ный инвестиционный стандарт (Приказ Минэкономразвития России от 30 сентября 2021 г. № 591). Но внедрение инвестиционного стандарта в ряде субъектов Федерации было формальным: стратегии и инвестиционные паспорта разрабатывались без последующего наполнения конкретными проектами и мерами реализации[1].

В рамках социальной политики принимались антиковидные меры (Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ), разрабатывались оперативные инструменты поддержки регионов, испытывающих рост миграционной нагрузки беженцев с территории Украины, принимались нормативные акты, регламентирующие порядок финансирования расходов на размещение, питание, медицинское обслуживание и иные потребности эвакуированных граждан и беженцев (Постановления Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2022 г. № 2231, от 5 декабря 2022 г. № 3750-р; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 июля 2022 г. № 1987-р).

Таким образом, период 2018–2022 гг. характеризовался *усилением управляемого федерализма*, в котором расширение полномочий регионов сопровождалось ростом их подотчетности и институциональной зависимости от федерального центра. Развитие новых инструментов свидетельствовало о стремлении к модернизации механизмов регионального развития. Принятые нормативные акты отражали как внутренние потребности в институциональной адаптации, так и внешнеполитический контекст, формируя новую модель российской федеративной системы – централизованную по сути, но адаптивную в инструментах.

Заключение

Анализ региональной политики России 1990–2022 гг. показал, что институциональные новации, нормативно-правовые преобразования и стратегические цели регулярно корректировались под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. Ни одна из реализуемых реформ и программ *не была доведена до полного завершения*. Многие меры имели реактивный характер, а зафиксированные результаты не соответствовали заявленным целевым индикаторам.

Системный баланс между централизацией и децентрализацией власти так и не был достигнут. Если в 1990-е гг. доминировала модель децентрализованного федерализма, ориентированного на автономию субъектов Федерации, то начиная с 2000-х гг. региональная политика приобрела выраженный централизованный характер. Укрепление вертикали власти сопровождалось переходом от универсалистского подхода к точечной поддержке территорий и формированием нового типа отношений: от обеспечения равенства условий жизни на всей территории страны к обеспечению бюджетной сбалансированности и управляемости.

[1] Галиева Д. Регионы выстраиваются под инвестстандартом. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6280629 (дата обращения: 08.07.2025).

В рамках новой модели макрорегионы стали рассматриваться не как однородные географические зоны, а как управленческие платформы, призванные согласовывать отраслевые и территориальные приоритеты. Это изменение согласуется с переходом к технократической логике управления и реализацией элементов неолиберальной парадигмы – селективной поддержки, конкуренции регионов за ресурсы, институционализации платформ развития.

Анализ нормативно-правовой динамики также показывает, что законодательная активность в сфере регионального развития носила циклический характер и была тесно связана с этапами трансформации модели государственного управления. При этом на протяжении всего исследуемого периода наблюдается постепенный переход от нормативных деклараций к созданию более детализированных инструментов реализации, что свидетельствует об институциональном усложнении системы управления пространственным развитием.

Соответственно, предложенный в работе подход, основанный на сопоставлении этапов региональной политики с нормативной базой, механизмами федеративного взаимодействия и социально-экономическими приоритетами, позволил выделить внутреннюю логику трансформаций и показать, как политические решения, принимаемые на федеральном уровне, формировали контуры регионального развития.

Список литературы

1. *Сидоренко О.В.* Динамика селективной региональной политики развития регионов Дальнего Востока России: этапы реализации, оценка перспективной результативности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. Т. 8. № 21 (162). С. 31–36.

2. *Осейчук В.* Стратегия развития России в контексте нового этапа региональной политики // Закон и право. 2008. № 10. С. 13–17.

3. *Лях О.А., Гринкевич А.М.* Региональная налоговая политика России на современном этапе // Известия Томского политехнического университета. 2008. Т. 312. № 6. С. 16–18.

4. *Кузнецова О.В.* Региональная политика в России в постсоветское время: история развития // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 67–77.

5. *Еремеева Л.Н., Плисецкий Е.Л.* Региональная политика в современной России: особенности формирования и реализации // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 6. С. 4–11.

6. *Зубаревич Н.В.* Эволюция приоритетов региональной политики России // Вопросы географии. 2016. № 141. С. 151–165.

7. *Кузнецова О.В.* Федеральная региональная политика: об идеологии и институтах // Российский экономический журнал. 2013. № 1. С. 32–51.

8. *Рензин О.М.* Институциональные парадигмы и региональные исследования // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 4. С. 1–9.

9. *Кынев А.В.* Губернаторы в России: между выборами и назначениями. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2020. 1030 с.

10. *Пономарева М.А.* Проекты региональной политики России: история и современность (к. XIX – нач. XXI вв.) // Исторические, философские, политиче-

ские и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2008. № 1 (1). С. 55–60.

11. *Туровский Р.Ф.* Политическая регионалистика. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 780 с.

12. *Синцов Г.В., Битюцкий Е.В.* Роль и последствия «парада суверенитетов» 1990–1991 гг. в становлении и развитии российской государственности // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 1 (49). С. 59–66.

13. *Лавровский Б.Л., Новиков А.В.* Региональное выравнивание и межбюджетные отношения: уроки 1990-х // Экономический журнал ВШЭ. 2002. № 1. С. 28–44.

14. *Рыбакова Р.Ю.* Анализ механизма образования и распределения Фонда финансовой поддержки субъектов РФ и пути его совершенствования // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2003. № 6 (78). С. 14–26.

15. Региональная политика России: адаптация к разнообразию: аналит. докл. / [Г. А. Сатаров и др.]; под общ. ред. Г.А. Сатарова. М.: Фонд ИНДЕМ, 2004. 190 с.

16. *Волкова Н.М.* Основные этапы развития российского рынка облигаций субъектов Федерации и муниципальных образований // Финансы и кредит. 2002. № 7 (97). С. 33–45.

17. *Побежимова Н.И.* Административная реформа в России и этапы ее реализации // Философия социальных коммуникаций. 2013. № 2 (23). С. 55–65.

18. *Слатинов В.Б.* Российская административная реформа: основные направления и промежуточные эффекты // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 1. С. 50–65.

19. *Сунгуров А.Ю., Тиняков Д.К.* Административная реформа и ее проекты в современной России: были ли коалиции поддержки? // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 39–51.

20. *Филиппова Н.А.* Реформа федеративных отношений: итоги и перспективы // Конституционализм в современной мировой и российской истории. Вторые Ельцинские чтения: материалы международной научной конференции. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2014. С. 105–114.

21. *Черкасов К.В.* Федеральные округа в механизме модернизации современного российского федерализма // Журнал российского права. 2008. № 8 (140). С. 19–24.

22. *Тев Д.Б.* Члены Совета Федерации: карьера до вхождения в должность и после прекращения полномочий // Мир России. Социология. Этнология. 2021. № 4. С. 53–78.

23. *Николаев И.А., Точилкина О.С.* Стратегии и программы развития регионов (сравнительный анализ). Аналитический доклад департамента стратегического анализа аудиторско-консалтинговой компании ФБК. М.: ФБК, Департамент стратегического анализа, 2006. 29 с.

24. Научная основа стратегии устойчивого развития Российской Федерации / под общ. ред. М.Ч. Залиханова, В.М. Матросова, А.М. Шелехова. М.: Издво Гос. Думы, 2002. 231 с.

25. *Золотарева А.Б.* Закон о монетизации льгот: разграничение полномочий и нефинансируемые мандаты // Финансовый журнал. 2014. № 4 (22). С. 94–104.

26. *Борщевский Г.А.* Становление и развитие проектного управления на федеральном уровне в России // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2020. № 3. С. 3–37.

References

1. Sidorenko O.V. Dinamika selektivnoi regional'noi politiki razvitiya regionov Dal'nego Vostoka Rossii: etapy realizacii, ocenka perspektivnoi rezul'tativnosti [Dynamics of Selective Regional Policy for the Development of the Russian Far East Regions: Implementation Stages, Assessment of Prospective Effectiveness], *Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2012, Vol. 8, No. 21 (162), pp. 31–36. (In Russ.).

2. Oseichuk V. Strategiya razvitiya Rossii v kontekste novogo etapa regional'noi politiki [Russia's Development Strategy in the Context of a New Stage of Regional Policy], *Zakon i pravo* [Law and Right], 2008, No. 10, pp. 13–17. (In Russ.).

3. Lyah O.A., Grinkevich A.M. Regional'naya nalogovaya politika Rossii na sovremennom etape [Regional Tax Policy of Russia at the Present Stage], *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk Polytechnic University], 2008, Vol. 312, No. 6, pp. 16–18. (In Russ.).

4. Kuznecova O.V. Regional'naya politika v Rossii v postsovetskoe vremya: istoriya razvitiya [Regional Policy in Russia in the Post-Soviet Period: A History of Development], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 2005, No. 2, pp. 67–77. (In Russ.).

5. Eremeeva L.N., Pliseckii E.L. Regional'naya politika v sovremennoi Rossii: osobennosti formirovaniya i realizacii [Regional Policy in Modern Russia: Peculiarities of Formation and Implementation], *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Law], 2013, No. 6, pp. 4–11. (In Russ.).

6. Zubarevich N.V. Evolyuciya prioritetov regional'noi politiki Rossii [Evolution of the Priorities of Russia's Regional Policy], *Voprosy geografii* [Questions of Geography], 2016, No. 141, pp. 151–165. (In Russ.).

7. Kuznecova O.V. Federal'naya regional'naya politika: ob ideologii i institutah [Federal Regional Policy: on Ideology and Institutions], *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 2013, No. 1, pp. 32–51. (In Russ.).

8. Renzin O.M. Institucional'nye paradigmy i regional'nye issledovaniya [Institutional Paradigms and Regional Studies], *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Management in the East of Russia], 2011, No. 4, pp. 1–9. (In Russ.).

9. Kynev A.V. Gubernatory v Rossii: mezhdu vyborami i naznacheniyami [Governors in Russia: between Elections and Appointments]. Moscow, Fond "Liberal'naya missiya", 2020, 1030 p. (In Russ.).

10. Ponomareva M.A. Proekty regional'noi politiki Rossii: istoriya i sovremennost' (k. XIX – nach. XXI vv.) [Projects of Russia's Regional Policy: History and Modernity (Late 19th – Early 21st Century)], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political, and Legal Sciences, Cultural Studies, and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues], 2008, No. 1 (1), pp. 55–60. (In Russ.).

11. Turovskii R.F. Politicheskaya regionalistika [Political Regionalistics]. Moscow, Izd. dom GU VShE, 2006, 780 p. (In Russ.).

12. Sincov G.V., Bityuckii E.V. Rol' i posledstviya "parada suverenitetov" 1990–1991 gg. v stanovlenii i razvitii rossiiskoi gosudarstvennosti [The Role and Consequences of the "Parade of Sovereignties" 1990–1991 in the Formation and Development of Russian Statehood], *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki* [News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences], 2019, No. 1 (49), pp. 59–66. (In Rus.).

13. Lavrovskii B.L., Novikov A.V. Regional'noe vyravnivanie i mezhbyudzhetnye otnosheniya: uroki 1990-h [Regional Equalization and Interbudgetary Relations: Lessons

from the 1990s], *Ekonomicheskii zhurnal VShE* [Economic Journal of the Higher School of Economics], 2002, No. 1, pp. 28–44. (In Russ.).

14. Rybakova R.Yu. Analiz mekhanizma obrazovaniya i raspredeleniya Fonda finansovoi podderzhki sub"ektov RF i puti ego sovershenstvovaniya [Analysis of the Mechanism for the Formation and Distribution of the Financial Support Fund for Russian Federation Subjects and Its Improvement], *Buhgalterskii uchet v byudzhetnyh i nekommercheskih organizaciyah* [Accounting in Budgetary and Non-Profit Organizations.], 2003, No. 6 (78), pp. 14–26. (In Russ.).

15. Satarov G.A. et al. Regional'naya politika Rossii: adaptaciya k raznoobraziyu: analit. dokl. [Russia's Regional Policy: Adaptation to Diversity: Analytical Report]. Edited by G.A. Satarova. Moscow, Fond INDEM, 2004, 190 p. (In Russ.).

16. Volkova N.M. Osnovnye etapy razvitiya rossiiskogo rynka obligacii sub"ektov Federacii i municipal'nyh obrazovanii [The Main Stages of Development of the Russian Bond Market of Subjects of the Federation and Municipalities], *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2002, No. 7 (97), pp. 33–45. (In Russ.).

17. Pobezhimova N.I. Administrativnaya reforma v Rossii i etapy ee realizacii [Administrative Reform in Russia and Stages of Its Implementation], *Filosofiya social'nyh kommunikacii* [Philosophy of Social Communications], 2013, No. 2 (23), pp. 55–65. (In Russ.).

18. Slatinov V.B. Rossiiskaya administrativnaya reforma: osnovnye napravleniya i promezhutochnye effekty [Russian Administrative Reform: Main Directions and Intermediate Effects], *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Man. Community. Management], 2006, No. 1, pp. 50–65. (In Russ.).

19. Sungurov A.Yu., Tinyakov D.K. Administrativnaya reforma i ee proekty v sovremennoi Rossii: byli li koalicii podderzhki? [Administrative Reform and its Projects in Modern Russia: Were There Support Coalitions?], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2016, No. 2, pp. 39–51. (In Russ.).

20. Filippova N.A. Reforma federativnyh otnoshenii: itogi i perspektivy [Reform of Federal Relations: Results and Prospects], *Konstitucionalizm v sovremennoi mirovoi i rossiiskoi istorii. Vtorye El'cinskie chteniya, materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Constitutionalism in Modern World and Russian history. The Second Yeltsin Readings. Proceedings of the International Scientific Conference]. Ekaterinburg, Ural'skii federal'nyi universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'cina, 2014, pp. 105–114. (In Russ.).

21. Cherkasov K.V. Federal'nye okruga v mekhanizme modernizacii sovremennogo rossiiskogo federalizma [Federal Districts in the Mechanism of Modernization of Modern Russian Federalism], *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2008, No. 8 (140), pp. 19–24. (In Russ.).

22. Tev D.B. Chleny Soveta Federacii: kar'era do vhozhdeniya v dolzhnost' i posle prekrashcheniya polnomochii [Federation Council: Careers Before Taking Office and After Termination of Powers], *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [The World of Russia. Sociology. Ethnology], 2021, No. 4, pp. 53–78. (In Russ.).

23. Nikolaev I.A., Tochilkina O.S. Strategii i programmy razvitiya regionov (sravnitel'nyi analiz). Analiticheskii doklad departamenta strategicheskogo analiza auditorsko-konsaltingovoi kompanii FBK [Regional Development Strategies and Programs (Comparative Analysis). Analytical Report of the Strategic Analysis Department of the FBK Auditing and Consulting Company]. Moscow, FBK, Departament strategicheskogo analiza, 2006, 29 p. (In Russ.).

24. Nauchnaya osnova strategii ustoichivogo razvitiya Rossiiskoi Federacii [Scientific Basis for the Strategy of Sustainable Development of the Russian Federation], edited by M. Ch. Zalihanova, V.M. Matrosova, A.M. Shelekhova. Moscow, Izd-vo Gos. Dumy, 2002. 231 p.

25. Zolotareva A.B. Zakon o monetizacii l'got: razgranichenie polnomochii i nefinansiruemye mandaty [Law on the Monetization of Benefits: Delineation of Powers and Unfunded Mandates], *Finansovyi zhurnal* [Financial Journal], 2014, No. 4 (22), pp. 94–104. (In Russ.).

26. Borshchevskii G.A. Stanovlenie i razvitie proektnogo upravleniya na federal'nom urovne v Rossii [Formation and Development of Project Management at the Federal Level in Russia], *Vestnik Moskovskogo universiteta Ser. 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)* [Bulletin of Moscow University. Series 21: Management (State and Society)], 2020, No. 3, pp. 3–37. (In Russ.).

INSTITUTIONAL AND SOCIO-ECONOMIC CONTEXTS OF THE TRANSFORMATION CYCLES OF STATE REGIONAL POLICY IN RUSSIA

Over the past 30 years in Russia, the priorities of state regional policy have shifted from the tasks of stabilizing and equalizing the conditions of spatial development to supporting internal competition in regions, creating growth points and stimulating localized initiatives, changing the goals of territorial management, redistributing powers between levels of government, and reviewing approaches to strategic planning. This study defines the cycles of regional policy development, taking into account regulatory dynamics, transformation of institutional mechanisms, redistribution of powers and changes in political and economic priorities in Russia in 1990-2022. For a comprehensive analysis of these transformations, a structural and chronological approach has been applied, which makes it possible to systematize the cycles of regional policy development and establish internal relationships between institutional changes, legal mechanisms and substantive priorities of government activities in different time periods. The proposed approach is based on a comparison of the stages of regional policy with the regulatory framework, mechanisms of federal interaction and socio-economic priorities. Periodization is considered as an analytical tool that makes it possible to study the continuity and consistency of state regional policy at various stages of its implementation. A comparison of legal and administrative decisions with the phases of the institutional development of the territorial management system reveals the logic of its functioning and the ability to adapt to changing conditions and challenges. The structural and chronological approach proposed in the work allows not only to identify the main phases (periods) of transformation, but also to reveal the internal logic of changing cycles - from decentralization and "contractual federalism" in the 1990s to strategic management in the context of foreign policy restrictions and sanctions pressure in the 2010s and 2020s. This, in turn, allows us to re-evaluate the correlation of various (political, economic, socio-demographic and other) factors on the formation of the regional agenda of our country.

Keywords: regional policy, federalism, spatial development, strategic planning, inter-budgetary relations, regulatory regulation, decentralization, centralization, administrative reform.

JEL: R58, R11

Дата поступления – 21.04.2026 *Принята к печати* – 02.06.2026

ГОНЧАРОВА Ксения Сергеевна
кандидат экономических наук, научный сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Югорский государственный университет» / ул. Чехова, д. 16, г. Ханты-Мансийск, 628011.
e-mail: ksenia.gon4arowa@gmail.com

GONCHAROVA Kseniya S.
Cand. Sc. (Econ.), Research Assistant;
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Yugra State University" / 16, Chekhova Str., Khanty-Mansiysk, 628011.
e-mail: ksenia.gon4arowa@gmail.com

Для цитирования:
Гончарова К.С. Институциональный и социально-экономический контексты циклов трансформации государственной региональной политики в России // Федерализм. 2026. Т. 31. № 2 (122). С. 5–30. DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2026-2-5-30

DOI: http://dx.doi.org/
10.21686/2073-1051-2026-2-31-51

Н.П. НЕКЛЮДОВА

РАЗВИТИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНИЯ

Несмотря на высокий запрос на управление демографическим развитием в современной России, целостная теоретическая основа для такого управления до сих пор не сформирована. Для выявления причин этого разрыва и осмысления накопленного теоретического потенциала в статье предпринята ретроспектива отечественных исследований. На основе анализа корпуса работ прослежен генезис понятия «развитие населения» в советской науке 1960–1980-х гг., рассмотрены три основных теоретических направления (социально-экономическое, демографическое и направление «развитие населения») и показано, как в них трактовалась проблема управления. Выявлены ключевые причины разрыва между глубокими теоретическими разработками и практикой управления: методологическая абстракция, дедуктивный характер законов, отсутствие системы индикаторов, идеологические ограничения и институциональная разобщенность. Рассмотрена эволюция исследований в постсоветский период, охарактеризованы ее основные черты – регионализация, инструментализация и поиск новой теоретической парадигмы, важнейшим достижением которой стал институциональный подход. Обоснована необходимость концептуального синтеза системного подхода, концепции качества населения, институционального анализа, категориального моделирования и типологизации демографических состояний как основы для разработки эффективной, научно обоснованной и регионально-дифференцированной демографической политики.

Ключевые слова*:* развитие населения, управление демографическим развитием, демографическая политика, теория народонаселения, системный анализ, региональная демография, регион.

JEL: J18, J11, B41

Современная демографическая ситуация в Российской Федерации характеризуется комплексом взаимосвязанных проблем, являющихся в совокупности *серьезным вызовом национальному развитию.*

Постановка задачи

Сверхнизкая рождаемость, не обеспечивающая простого воспроизводства поколений, высокий уровень смертности в трудоспособных возрастах, особенно среди мужчин, и, как следствие, устойчивая есте-

ственная убыль населения, лишь частично компенсируемая миграционным притоком, – устойчивые тренды последних десятилетий [1]. К этим процессам добавляется прогрессирующее старение возрастной структуры, влекущее за собой рост демографической нагрузки на трудоспособное население и дополнительные вызовы для систем здравоохранения и пенсионного обеспечения [2]. Особую остроту проблеме придает *ярко выраженная региональная дифференциация*: демографические траектории субъектов Российской Федерации существенно различаются, что требует применения в рамках единой государственной политики гибких, адаптированных к местным условиям управленческих решений [3].

В ответ на эти вызовы в научном и политическом дискурсе прочно утвердилось понятие «управление демографическим развитием». Оно активно используется в стратегических документах федерального и регионального уровня, в диссертационных исследованиях и научных статьях. Анализ корпуса современных работ (например, [4–8]) показывает, что под этим термином понимается целенаправленное воздействие государства на демографические процессы с целью изменения их тенденций в желательном направлении. Казалось бы, налицо консенсус относительно необходимости и возможности такого управления. Однако здесь мы сталкиваемся с парадоксом, который и составляет основную проблему данной статьи.

Запрос на управление, будучи чрезвычайно высоким и институционально оформленным, *существенно* опережает теоретическую готовность *к его реализации*. Демографическая политика на практике зачастую сводится к набору разрозненных, хотя и дорогостоящих, мер (материнский капитал, льготная ипотека, региональные пособия), эффективность которых остается предметом дискуссий [9–10]. За этими мерами не всегда просматривается целостное понимание того, что же такое «развитие населения», каковы его глубинные механизмы и закономерности, и как именно можно на них воздействовать, не нарушая внутренней логики демографической системы. Иными словами, сегодня мы имеем дело с ситуацией, когда еще не сложилось ни целостного понимания закономерностей развития населения, ни стройной системы взглядов на то, как этим развитием управлять.

Необходимо подчеркнуть, что проблема – не в отсутствии глубоких теоретических изысканий. Как будет показано ниже, в 1960–1980-е гг. в советской науке сформировалась мощная традиция изучения народонаселения, в рамках которой понятие «развитие населения» трактовалось чрезвычайно широко и содержательно, во многом предвосхитив современные концепции человеческого развития и человеческого потенциала. Однако по ряду причин, которые станут предметом нашего анализа, этот теоретический багаж не был в полной мере востребован и адаптирован для решения управленческих задач. В постсоветский период, напротив, произошла бурная прагматизация исследований, но с частичной утратой теоретической глубины, хотя и появились новые прорывные подходы.

Данная статья опирается на широкий круг источников.

Во-первых, это фундаментальные труды классиков отечественной демографии Д.И. Валентея, А.Г. Вишневского, А.Я. Кваши и их школ [11–17].

Во-вторых, работы, анализирующие становление общей теории народонаселения, прежде всего исследования Н.В. Зверевой [18–19], которые задают аналитическую рамку для понимания внутренней логики развития научной мысли в советский период[1].

В-третьих, корпус современных научных исследований, посвященных проблемам управления демографическим развитием на региональном уровне, охватывающих широкий спектр вопросов: от анализа территориальной специфики и отраслевых инструментов до изучения государственно-политических механизмов регулирования и сравнительного анализа международного и постсоветского опыта [20–31]. Наконец, важную роль играют работы, предлагающие новые теоретические перспективы, в частности институциональный подход М.А. Клупта [32].

Статья построена следующим образом. В первой части мы реконструируем теоретические дискуссии советского периода: рассматриваются три основных направления в общей теории народонаселения и показывается, как в них трактовалось понятие «развитие». Во второй части анализируется эволюция взглядов на проблему управления развитием и выявляются причины разрыва между теорией и практикой. Третья часть посвящена постсоветскому периоду, прагматическому повороту и поиску новой теоретической основы, включая институциональный подход. В заключении сформулированы выводы и предложены возможные пути синтеза для формирования теоретически обоснованной и регионально-дифференцированной модели управления демографическим развитием.

Теоретические истоки: развитие и качество населения в отечественной науке 1960–1980-х гг.

Становление общей теории народонаселения в СССР в 1960–1980-е гг. происходило целенаправленно, с активным использованием достижений философии и политической экономии. Как отмечала Н.В. Зверева, в этот период сформировались три основных теоретических направления, различавшихся взглядами на природу народонаселения и методологическими подходами: социально-экономическое, демографическое и направление «развитие населения» [18].

Социально-экономическое направление (Ю.А. Бжилянский, В.С. Стешенко, В.П. Пискунов) исходило из примата экономических

[1] Разумеется, отечественная демографическая мысль не исчерпывалась этими направлениями: существовали также сильные региональные школы, внесшие вклад в изучение демографических процессов. Однако в фокусе данной статьи – эволюция теоретических представлений о развитии населения как объекте управления, что наиболее полно отражено в работах Центра по изучению проблем народонаселения.

отношений. Народонаселение трактовалось прежде всего как «основная производительная сила общества», а его развитие – как производное от способа производства. Ключевым понятием выступала «рабочая сила». Через анализ ее воспроизводства предполагалось объяснить демографические закономерности. Сильной стороной подхода было понимание населения как органической части воспроизводственного процесса. Однако платой стал жесткий экономический детерминизм, при котором специфика демографических отношений нередко растворялась в экономических категориях [18].

Демографическое направление (А.Г. Вишневский, В.А. Борисов) стремилось выявить внутреннюю логику демографических процессов. А.Г. Вишневский предложил рассматривать население как «демографическую систему» – открытую подсистему общества, обладающую относительной самостоятельностью и механизмами саморегуляции (гомеостаз) [15, с. 7–8, 15–19]. Ключевым стало понимание воспроизводства населения как процесса смены поколений в рамках исторически определенных социальных отношений. Была разработана концепция исторических типов воспроизводства (архетип, традиционный, современный) и демографических революций [15, с. 44–46]. Сильной стороной направления стало осознание системности и самоценности демографической сферы. Однако попытка абстрагировать естественное воспроизводство от целостного социального развития таила опасность методологической ограниченности [18, с. 123].

Направление «развитие населения» (Д.И. Валентей, Н.В. Зверева, О.В. Лармин, Д.К. Шелестов, В.М. Медков) представляло собой попытку синтеза первых двух подходов. Центральным понятием здесь было «развитие населения», трактуемое как целостный, многомерный процесс количественных и качественных изменений, который включает в себя воспроизводство, но не сводится к нему. Д.И. Валентей, определяя народонаселение как производительную силу, в отличие от социально-экономического направления не сводил развитие к экономическим показателям, акцентируя увеличение, усложнение и возвышение способностей и потребностей населения [14].

Важной составной частью теоретических дискуссий была проблема определения *качества населения*.

Интерес к ней был обусловлен как внутринаучной логикой, так и практическими обстоятельствами: замедлением роста населения, дефицитом трудовых ресурсов, требованиями НТР к качеству работника. Спектр трактовок колебался от узких до предельно широких.

Узкие трактовки сводили качество к ограниченному набору характеристик, прежде всего связанных с экономической активностью, здоровьем, образованием и квалификацией. При этом из анализа нередко исключались такие параметры, как возрастно-половая структура. Как отмечала Н.В. Зверева, подобное сужение приводило к тому, что качество фактически переставало быть характеристикой населения как такового, а становилось атрибутом того или иного общественного строя [18].

Широкие трактовки стремились охватить многообразие составляющих: половозрастную, брачную, образовательную, классовую, этническую и профессиональную структуру, здоровье, миграционную подвижность. В рамках этого направления качество населения стали рассматривать *как многоуровневое понятие*, раскрываемое через демографические, социально-экономические и управленческие аспекты. Особое внимание уделялось взаимодействию демографической и социальной структур, опосредованному традициями, нормами и механизмами управления.

Как мы полагаем, наиболее системный взгляд складывался в рамках концепции «развития населения», где качество трактовалось как сложная субординированная система. Ее системообразующей основой выступает способ сохранения соответствия между субъективными и объективными факторами жизнедеятельности. Качество населения проявляется в различных функциях – естественном воспроизводстве, взаимодействии с производством, – и включает в себя классовые, образовательные, квалификационные характеристики, здоровье, а также миграционную подвижность.

Таким образом, в эволюции представлений прослеживается переход от фрагментарных, преимущественно экономически ориентированных определений *к комплексным*, учитывающим взаимосвязь демографических, социальных и управленческих процессов. Важным теоретическим вкладом стала *постановка проблемы соотношения качества и количества*. Было отмечено, что за количеством всегда стоит качество (например, высокая рождаемость качественно отлична от низкой), а качественные характеристики в свою очередь выражаются в количественной форме. Кроме того, подчеркивалось, что в разграничении количественного и качественного аспектов развития народонаселения нет резких граней.

Подводя итог, сделаем несколько общих выводов.

Первый. Во всех трех направлениях признавалась центральная роль воспроизводства населения, связывавшего демографию с другими сферами общественной жизни и позволявшего перейти от статического описания к динамическому анализу.

Второй. Отмечалось, что качество населения отражает его специфику как объекта, но может характеризоваться различными показателями в зависимости от задач исследования.

Третий. Среди качественных характеристик особое внимание уделялось образованию, здоровью, продолжительности жизни – параметрам, которые впоследствии войдут в индекс развития человеческого потенциала[1].

Таким образом, к началу 1980-х гг. в отечественной науке сложилось понимание воспроизводства населения *как ключевого процесса*, связывающего демографическую, экономическую и социальную сферы, а категории «развитие» и «качество» населения стали фундаментом для последующей постановки вопроса об управлении этими процессами.

[1] Как отмечала Н.В. Зверева, «понятие “качество населения” непосредственно связывалось с понятием “развитие населения”» [18, с. 145].

Проблема управления в теоретических дискуссиях советского периода

Вопрос о возможности и границах управления демографическими процессами занимал важное место в советской теории народонаселения, особенно с конца 1970-х гг., когда вышли коллективные монографии под редакцией Д.И. Валентея [12], А.Я. Кваши [16], а также работа Н.В. Зверевой [17]. Однако, несмотря на растущее внимание к указанной теме, управленческая проблематика так и *не стала магистральной в теоретических дискуссиях*, уступая место вопросам сущности народонаселения, законов его развития и воспроизводства. Исследования в области управления развитием народонаселения *носили преимущественно постановочный характер* и не были подкреплены эмпирическим инструментарием. Анализ работ, которые рассматривались в ходе исследования, позволяет проследить эволюцию взглядов на управление – от его фактического отсутствия как предмета рассмотрения или признания вторичным до глубокой теоретической рефлексии о целях, средствах и ограничениях демографической политики.

В рамках политэкономического (марксистского) подхода, наиболее последовательно представленного Д.И. Валентеем и его школой, проблема управления демографическим развитием трактовалась как производная от социально-экономического базиса, а не как самостоятельная функция. Это не означало отрицания возможности регулирования демографических процессов, напротив, в работах Д.И. Валентея и его коллег обсуждались меры воздействия на рождаемость, миграцию, качество населения [11–12]. Однако сама логика подхода предполагала, что существенные изменения в населении могут быть следствием лишь глубинных социально-экономических преобразований. Как отмечал Д.И. Валентей, «управление демографическими процессами нельзя понимать, как разработку какого-то обязательного “плана”, выражающегося в определенных систематических характеристиках. Это не только противоречило бы сути социалистической демократии, но и просто невозможно, по существу» [14, с. 143]. Таким образом, речь шла не об отрицании управления, а о его принципиальной ограниченности рамками объективных законов. Более того, сама логика научного обоснования неизбежно вступала в противоречие с существовавшим в то время режимом секретности и цензуры. Поэтому, оставаясь частью партийно-государственной системы, Д.И. Валентей в 1968 г. обратился к руководству СССР с требованием раскрыть демографические данные, аргументируя это тем, что секретность сдерживает решение важнейших проблем. Он и его коллеги выступали против ограничений, видя в них препятствие для профессиональной свободы, международного признания и в конечном счете для самой возможности эффективного регулирования и управления [33]. Таким образом, значимость работ Д.И. Валентея для теории и практики управления народонаселением состояла *в создании научного фундамента и в отстаивании условий, необходимых для получения достоверного знания о населении.*

Эволюция взглядов на управление демографическим развитием получила импульс в 1970-е гг. в связи с обострением реальных демографических проблем (снижение рождаемости, старение населения, региональные диспропорции). В этот период формируется программно-целевой подход, связанный прежде всего с именами А.Я. Кваши и Н.В. Зверевой.

А.Я. Кваша одним из первых в советской науке поставил вопрос о необходимости целенаправленной демографической политики как составной части социально-экономической политики государства. В его работах мы находим развернутое определение демографической политики как «системы мер государственного воздействия на демографические процессы» [16, с. 5]. Он обосновывал необходимость такой политики не только теоретически, но и практически, анализируя конкретные тенденции воспроизводства населения и предлагая меры воздействия: экономические стимулы, социальные гарантии, развитие инфраструктуры, пропаганду семейных ценностей.

Особое значение А.Я. Кваша придавал *региональной дифференциации политики*, подчеркивая, что меры, эффективные в одних республиках (например, в Прибалтике или России), могут быть совершенно неприменимы в других (Средней Азии). Однако, будучи прагматиком, он проявлял научную осторожность, предупреждая, что прямые финансовые меры (пособия, льготы) *не решат проблему низкой рождаемости*, если не созданы более широкие социально-экономические условия. Важным теоретическим вкладом А.Я. Кваши стало введение понятия «демографическое поведение» как передаточного механизма между социально-экономическими условиями и демографическими процессами [16, с. 26]. Это означало признание того, что внешние воздействия не прямо определяют рождаемость или смертность, а преломляются через мотивы, установки, ценностные ориентации людей.

Н.В. Зверева внесла значительный вклад в разработку методологических принципов управления развитием народонаселения [17]. Источник развития народонаселения она определяла как противоречие между субъективным и объективным элементами производственных сил, которое находится на границе демографической и экономической систем. Управление, по ее мнению, должно базироваться на познании системы законов народонаселения и их взаимодействии с другими социально-экономическими законами, что требует комплексного подхода к исследованию демографических процессов, позволяющего преодолеть узкоэмпирический анализ и рассматривать население как целостную систему. Н.В. Зверева сформулировала две основные функции управления развитием народонаселения:

- служить формой реализации законов народонаселения;
- устранять препятствия для их наиболее полного проявления.

Управление развитием народонаселения трактовалось ею как *необходимое звено в системе общегосударственного планирования*, требующее концентрации ресурсов, сбалансированности и разработки целевых

программ. В этом плане взгляды Н.В. Зверевой созвучны позиции Д.И. Валентея относительно опоры на объективные законы, но одновременно развивают ее в сторону более активной, инструментальной роли управления.

Дальнейшая теоретическая глубина была привнесена системно-историческим подходом А.Г. Вишневского. В работе 1982 г. он *подверг критическому анализу* саму постановку вопроса о целях демографической политики, предложив различать два принципиально разных подхода: инструментальный (количественный) и ценностный (качественный) [15].

Инструментальный подход, по Вишневскому, рассматривает население *как ресурс, средство для достижения внедемографических целей* (экономических, военных, политических). В рамках этого подхода цель политики формулируется как достижение некоторого «демографического оптимума» – численности или структуры населения, максимизирующих недемографический эффект (например, доход на душу населения). А.Г. Вишневский убедительно показывает ограниченность и опасность такого подхода: он игнорирует внутренние закономерности демографической системы, сводит человека к функции и может вести к волюнтаристскому вмешательству, разрушающему устойчивые демографические отношения.

Ценностный подход, напротив, исходит из признания самоценности демографической системы. Его цель – не улучшение количественных показателей для экономики, а обеспечение качественного функционирования системы, поддержание ее равновесия, воспроизводство демографических отношений и ценностей. Вишневский подчеркивает, что демографические отношения и ценности складываются объективно, независимо от воли людей, и служат главными социальными ориентирами, задающими границы демографического поведения. Задача политики – не ломать эти механизмы, а способствовать их адаптации к меняющимся условиям, повышению качества функционирования системы, под которым понимается рост ее управляемости и расширение «полезного разнообразия» (свободы выбора) [15].

Таким образом, А.Г. Вишневский не отрицал управление как таковое. Он отрицал лишь *инструментальное, волюнтаристское* вмешательство, нацеленное на внешние количественные показатели. В противовес он предлагал *ценностное* управление, которое учитывает внутреннюю логику демографической системы, адаптирует институты и расширяет свободу выбора. Таким образом, его позиция представляет собой третий, самостоятельный взгляд на управление, отличный и от ортодоксально-марксистского (минимальное регулирование), и от прагматического (активная политика).

Таким образом, к середине 1980-х гг. в отечественной науке сложились три различных взгляда на проблему управления демографическим развитием:

1. Ортодоксально-марксистский. Управление воспроизводством населения как целенаправленное воздействие на демографическое по-

ведение напрямую не допускалось в силу идеологии того времени, где господствовала жесткая формационная логика: базис (экономика) определяет надстройку (включая демографическое поведение). Вмешательство в демографические процессы без изменения социально-экономических условий считалось не просто бесполезным, а идеологически чуждым, поскольку противоречило тезису об объективном характере народонаселения. Однако отдельные идеи регулирования (например, влияние на рождаемость через жилищную политику или пособия) не отрицались как инструменты «социалистического строительства», но они не квалифицировались как подлинное управление воспроизводством населения. Таким образом, запрет был скорее категориальным, чем полным: управление отрицалось как самостоятельная сфера, но его элементы молчаливо допускались на периферии социальной политики.

2. Прагматический. Управление необходимо и возможно, требуется целенаправленная демографическая политика с использованием экономических стимулов, региональной дифференциации и программно-целевого планирования.

3. Ценностно-системный. Управление необходимо, но его цели должны определяться не извне, а изнутри демографической системы; инструментальное вмешательство опасно, предпочтительна адаптация институтов и поддержание равновесия.

Внутри марксистской школы произошло движение от минимального регулирования к развернутой демографической политике (от Д.И. Валентея к А.Я. Кваше и Н.В. Зверевой). А.Г. Вишневский же, опираясь на теорию демографического перехода, предложил принципиально иную оптику, которая не отрицает управление, но переопределяет его цели и границы. Несмотря на их глубину этих парадигм управления, ни одна из них не привела к созданию операциональной модели управления, что требует отдельного объяснения.

Почему глубокая теоретическая традиция советской демографии 1980-х гг. не привела к созданию эффективной модели управления?

Проведенный нами анализ позволяет выделить причины разрыва между теорией и практикой, которые можно сгруппировать в три уровня.

Методологический уровень. Высокий уровень абстракции теоретических построений сочетался с дедуктивным характером законов народонаселения, выводившихся из общих положений марксистской философии, а не из анализа реальных связей. Дискуссии о законах велись на уровне сущностей, не доходя до операционализации понятий и проверки гипотез. Это порождало схематизм и не позволяло учесть многовариантность развития.

Инструментальный уровень. Отсутствие разработанной системы индикаторов стало прямым следствием методологической абстракции. Ключевые понятия вроде «качества населения» не были переведены

в практическую плоскость. Попытки создать измерители оставались фрагментарными и не сложились в целостную систему.

Институционально-идеологический уровень. Идеологические ограничения (критика западных концепций, таких как теория демографического перехода) блокировали заимствование полезного инструментария. Кроме того, исследования были разобщены: разные школы слабо взаимодействовали, что усиливало фрагментарность.

В итоге возник парадокс: мощная теоретическая традиция осталась умозрительной конструкцией, не обеспеченной эмпирикой и прикладным инструментарием, и разрыв между знанием и практикой управления так и не был преодолен.

Постсоветский период: прагматизация, регионализация и поиск новой теории

Распад СССР и отказ от марксистско-ленинской идеологии как единственной методологической основы кардинально изменили ландшафт отечественных исследований народонаселения. При этом важно подчеркнуть, что в советский период, особенно в 1970–1980-е гг., уровень демографических исследований в СССР, включая теоретическую и методологическую базу, по праву считался одним из лучших в мире. Исчезновение идеологического контроля, с одной стороны, открыло возможности для заимствования западных концепций и методов, а с другой – поставило перед наукой новые вызовы, связанные с острыми демографическими проблемами, обнажившимися в 1990-е гг. (резкое падение рождаемости, рост смертности, депопуляция). В этих условиях произошла кардинальная смена исследовательской парадигмы. Поиск «всеобщих законов» и теоретические дискуссии в рамках заданной парадигмы сменила прагматическая, проблемно-ориентированная повестка, центральным понятием которой стало управление демографическим развитием.

Анализ корпуса научных исследований 1990–2020-х гг., представленный в *таблице 1*, позволяет выделить несколько устойчивых трендов. Наиболее яркий из них – регионализация *исследований*[1]. Управление демографическим развитием осмысливается прежде всего как проблема субнационального уровня, требующая учета уникального сочетания факторов в каждом конкретном субъекте Федерации.

Как показано в *таблице 1*, в работах ряда исследователей управление демографическим развитием анализируется применительно к конкретным регионам – Воронежской области, республикам Сибирского федерального округа, субъектам Российской Федерации в целом [20–24]. Этот тренд отражает объективную потребность: демографическая ситуация в России настолько дифференцирована, что универсальные, единые для всей страны меры политики заведомо неэффективны.

[1] В *таблице 1* приведен не полный перечень работ, а типичные примеры, носящие иллюстративный характер.

Таблица 1

Основные аспекты изучения управления демографическим развитием в современных отечественных исследованиях

Аспект рассмотрения	Содержательный фокус	Примеры научных работ
Региональное управление и территориальная специфика	Исследование механизмов управления на уровне субъектов Федерации, анализ региональной дифференциации, разработка моделей для конкретных территорий	[20–24, 30]
Отраслевые и инструментальные аспекты	Управление через конкретные сферы и инструменты: здравоохранение, спорт, рынок труда, статистический учет	[8; 25–27]
Государственно-политическое и институциональное регулирование	Анализ демографической политики как функции государства, исследование правовых и политических механизмов	[6; 28–29]
Сравнительный и международный опыт	Осмысление зарубежного опыта (особенно Китая), сравнительный анализ на постсоветском пространстве	[5; 8; 31]

Составлено по: [5–6; 8; 20–31].

Параллельно с регионализацией происходит *инструментализация* исследований. Демография все чаще выступает не как самостоятельная теоретическая дисциплина с единой методологической платформой (какой она была в советский период), а как поставщик данных и методов для других сфер управления, что ведет *к методологической раздробленности*. Исследования носят ярко выраженный фрагментарный и междисциплинарно-прикладной характер, распадаясь на отраслевые сегменты: экономику, географию, социологию, политологию и медицину. Каждый из исследователей работает в своей предметной нише, не опираясь на общую теорию управления демографическим развитием. И.Т. Рубцова рассматривает управление демографическим развитием через мониторинг смертности [25]; М.В. Игошев анализирует развитие демографического потенциала через совершенствование управления сферой физической культуры и спорта [26]; Б.Ч. Муртозаев исследует методологические основы формирования рынков труда [8]; И.Е. Калабихина изучает гендерные аспекты экономико-демографического развития [27].

Можно выделить несколько устойчивых аспектов, в контексте которых рассматривается управление демографическим развитием в постсоветский период.

В советский период термин «управление демографическим развитием» не получил широкого распространения, однако многие его содержательные элементы – необходимость целенаправленного воздействия государства на демографические процессы, связь с социально-экономическими целями – были детально проработаны. В 2000-е гг.

происходит своего рода возвращение к этим наработкам, оформленное в новой терминологической оболочке. Наиболее развернутое определение дает Б.Ч. Муртозаев в своей докторской диссертации: «Управление демографическим развитием – это воздействие государства на демографические процессы с целью изменения тенденций их протекания в желательном направлении» [8, с. 97]. При внешней новизне это определение, по сути, *воспроизводит логику, заложенную еще в советских работах* по демографической политике (в частности, у А.Я. Кваши, определявшего демографическую политику как систему мер государственного воздействия на демографические процессы). Б.Ч. Муртозаев также обосновывает необходимость такого управления двумя ключевыми факторами:

- необходимостью удовлетворения общественной потребности в воспроизводстве населения;
- потребностью в регулировании демографических процессов для достижения целей социально-экономического развития [8].

Оба эти аргумента были известны советской демографической школе еще в 1970–1980-е гг. Однако разработка эффективной демографической политики требует не просто декларации целей, но и методологии изучения ее эффективности. Этот методологический аспект, к сожалению, долгое время оставался на периферии исследований. Большинство работ носили описательный или рекомендательный характер, не будучи подкрепленными строгим анализом причинно-следственных связей и оценкой результативности предлагаемых мер.

К середине 2000-х гг. в отечественной науке вызревает *потребность в новой теоретической парадигме*, способной объяснить усложнившуюся картину мирового демографического развития и предоставить адекватные инструменты для анализа региональной специфики. Наиболее яркой и концептуально оформленной попыткой дать такой ответ стала работа М.А. Клупта [32], которая констатирует, что господствовавшая в мировой демографии теория демографического перехода, генетически связанная с концепциями модернизации, исчерпала свой объяснительный потенциал. Она хорошо описывала ситуацию, когда в одних странах переход уже начался, а в других – еще нет. Однако новейшие реалии – расхождение траекторий между странами, находящимися на сходном уровне социально-экономического развития (например, США и страны Европы с их разными уровнями рождаемости), – эта теория объяснить не может.

Вместо линейного перехода М.А. Клупт предлагает концепцию «бифуркаций демографического развития» – моментов, когда его конвергентный (сближающийся) характер сменяется дивергентным (расходящимся). Эти бифуркации требуют не просто уточнения старых теорий, а новой методологии. В качестве ее ключевых компонентов он видит синергетику, регионоведение и прежде всего институциональный анализ.

Суть институционального подхода, по М.А. Клупту, заключается в том, что специфику демографических процессов в разных странах и регионах определяют не абстрактные стадии развития, а конкретная

конфигурация социальных институтов и характер их взаимодействия. Он рассматривает семью, государство, церковь, рынок труда, право как институты, чьи взаимоотношения формируют уникальную демографическую модель территории. В статье убедительно демонстрируется этот подход на конкретных примерах. Различия в динамике смертности в постсоциалистических странах М.А. Клупт связывает с эффективностью и скоростью реформирования институтов – правоохранительных, здравоохранительных, а также с устойчивостью таких неформальных институтов, как алкогольная субкультура [32].

Значение институционального подхода М.А. Клупта для развития отечественной теории трудно переоценить, поскольку он выполняет сразу несколько ключевых функций, обеспечивая преемственность с предшествующей традицией и одновременно предлагая принципиально новую оптику. Развивая традицию А.Г. Вишневского, М.А. Клупт рассматривает демографию как сложную систему, но смещает фокус с внутренних закономерностей и гомеостаза на анализ внешних по отношению к системе, однако структурирующих ее институтов. Тем самым институциональный подход становится прямым вызовом как ортодоксальному марксизму, так и упрощенным версиям теории демографического перехода, сводящим все к экономическому развитию: он возвращает в центр анализа культуру, религию, право и политику, которые советская наука долгое время рассматривала лишь как надстройку. Наконец, этот подход дает мощный теоретический инструмент для обоснования региональной специфики демографической политики, необходимость которой эмпирически обосновывалась в прикладных работах 2000-х гг., авторы которых объясняют, почему простой перенос политик, например европейских, в российский контекст обречен на неудачу.

Дискуссия: почему до сих пор нет целостной теории управления демографическим развитием?

Проведенный анализ генезиса понятия «развитие населения» и эволюции представлений об управлении демографическими процессами заставляет задуматься о том, почему, обладая столь богатым теоретическим наследием, отечественная наука так и не создала целостной, операциональной и эмпирически верифицируемой теории управления демографическим развитием. Ответ, по-видимому, кроется в пересечении нескольких факторов, уже обозначенных выше (методологический, инструментальный, институционально-идеологический уровни). К ним добавляются новые обстоятельства постсоветского периода.

Во-первых, сохраняется методологическая фрагментация исследований: современные работы носят преимущественно прикладной и узконаправленный характер, анализируя либо отдельные инструменты, либо регионы, либо аспекты, но не складываясь в единую теоретическую картину. Отсутствие общей рамки заставляет каждое новое исследование начинаться во многом с чистого листа.

Во-вторых, несмотря на появление институционального подхода М.А. Клупта, его влияние на прикладные исследования остается ограниченным: большинство работ по-прежнему тяготеют к экономическому детерминизму, тогда как роль институтов – семьи, религии, права, традиций – учитывается недостаточно и часто декларативно. Между тем именно институциональная конфигурация во многом объясняет расхождение демографических траекторий стран со сходным уровнем экономического развития, и ее игнорирование ведет к неэффективности региональной политики, строящейся по универсальным шаблонам.

В-третьих, сохраняется разрыв между ценностным и инструментальным подходами, отмеченный А.Г. Вишневским. Современная политика ориентирована на количественные показатели, рассматривая население как ресурс, тогда как ценностное измерение – поддержание демографического равновесия и учет внутренних закономерностей системы – остается на периферии, что чревато волюнтаристским вмешательством.

В-четвертых, сохраняется теоретическая неопределенность самого понятия «управление демографическим развитием». Существующие дефиниции фиксируют скорее общую интенцию, нежели раскрывают механизмы, границы и условия эффективности такого воздействия, оставляя неясными объект управления, критерии эффективности и способы отделения результатов от влияния внешних факторов.

В итоге возникает парадоксальная ситуация: мощное теоретическое наследие советского периода и обширный массив прикладных региональных исследований существуют параллельно, и *синтез между ними не состоялся*. Теоретические разработки не операционализированы, а прикладные работы не интегрированы в единую рамку.

Выход из этой ситуации видится на пути концептуального синтеза следующих линий.

1. Системного подхода советской школы (А.Г. Вишневский и др.), дающего понимание целостности, саморегуляции и исторической изменчивости демографической системы.

2. Концепции развития и качества населения (Д.И. Валентей, Н.В. Зверева, В.М. Медков и др.), позволяющей интегрировать социальные, экономические и собственно демографические аспекты и связать их с современными представлениями о человеческом потенциале.

3. Институционального анализа (М.А. Клупт.), объясняющего расхождение демографических траекторий через конфигурацию социальных институтов и дающего ключ к пониманию региональной специфики.

4. Категориального анализа и системного моделирования, позволяющих представить население региона как целостную самоорганизующуюся систему, выявить иерархию ее качеств, внутренние противоречия и базовые траектории развития [34].

5. Концептуальной типологизации демографических состояний, обеспечивающей переход от разрозненных показателей к интегральной диагностике регионов через строгий понятийный аппарат, описывающий

все возможные комбинации количественных, качественных и поведенческих характеристик населения [35].

Представляется, что такой синтез способен преодолеть фрагментацию знания и создать теоретическую основу для эффективного, научно обоснованного и регионально-дифференцированного управления демографическим развитием.

Заключение

Проведенный анализ генезиса понятия «развитие населения» в отечественной науке позволяет сделать ряд принципиальных выводов, имеющих значение как для понимания истории демографической мысли, так и для решения современных проблем управления демографическими процессами.

В 1960–1980-е гг. в советской науке сложилась мощная и внутренне дифференцированная теоретическая традиция изучения народонаселения. Три основных направления – социально-экономическое, демографическое и направление «развитие населения» – при всех методологических различиях внесли существенный вклад в формирование понятийного аппарата и понимание сложной природы демографических процессов. Особое значение имело направление «развитие населения», в рамках которого была предложена наиболее интегративная трактовка, связывающая демографическое воспроизводство, социально-экономические изменения и качественные характеристики населения в единую теоретическую конструкцию. Фактически советская теория развития населения во многом предвосхитила современные концепции человеческого развития и человеческого потенциала, разрабатываемые под эгидой ПРООН с 1990-х гг.

Вместе с тем выявлен ключевой парадокс, составляющий основную проблему исследования: несмотря на глубину теоретических разработок, они не привели к созданию целостной, операциональной и эмпирически верифицируемой теории управления демографическим развитием. Причины этого разрыва носят комплексный характер: на методологическом уровне – высока степень абстракции и дедуктивный характер законов; на инструментальном уровне – отсутствие разработанной системы индикаторов, отрыв от эмпирических исследований; на институционально-идеологическом уровне – идеологические ограничения на заимствование западного концептуального аппарата и разобщенность исследовательских школ.

Анализ постсоветского периода показал кардинальную трансформацию исследовательской повестки: на смену теоретическим дискуссиям пришла прагматическая, проблемно-ориентированная программа, центральным понятием которой стало управление демографическим развитием. Определяющими чертами этого этапа стали регионализация исследований, инструментализация и оформление понятийного аппарата. Важнейшим теоретическим достижением постсоветского периода стал институциональный подход, предложивший объяснение расхождения

демографических траекторий стран и регионов через конфигурацию социальных институтов и создавший недостающее звено между системным анализом советской школы и прикладными региональными исследованиями.

Главный вывод статьи заключается в том, что дальнейшее развитие теории управления демографическим развитием требует концептуального синтеза нескольких линий: системного подхода, концепции развития и качества населения, институционального анализа, категориального моделирования и типологизации демографических состояний. Такой многоуровневый синтез способен преодолеть сохраняющийся разрыв между богатым теоретическим наследием отечественной демографии и насущными потребностями управленческой практики.

Эффективная демографическая политика в регионах России должна строиться не на универсальных шаблонах, а на глубоком анализе региональной институциональной среды и системных свойств населения, формирующих демографическое поведение. Задача управления в этой перспективе – не ломать сложившуюся демографическую систему через прямое административное или финансовое вмешательство, а корректировать институциональные условия, способствуя реализации ценностного подхода к развитию населения и создавая среду, в которой демографически ответственное поведение становится естественным и социально одобряемым.

Список литературы

1. *Рыбаковский Л.Л.* Демографическое будущее России: прогнозы и реальность // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 3. С. 4–15.

2. *Локосов В.В.* Демографическое развитие России: динамика и социально-экономические риски // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 3. С. 251–258.

3. *Безвербный В.А.* Диспропорции демографического развития России на региональном уровне: современные тенденции // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Т. 21. № 2. С. 197–211.

4. *Резер Т.М., Григоренко Я.А.* Государственное управление демографической ситуацией в Уральском федеральном округе // Вопросы управления. 2023. № 1 (80). С. 75–89.

5. *Еремин А.А., Астрелин А.М.* Управление демографическим развитием на постсоветском пространстве // Мир Большого Алтая. 2019. № 5 (3). С. 446–457.

6. *Евсеенко О.И.* Государственное управление демографическим развитием субъектов Российской Федерации // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2010. № 1 (27). С. 17–24.

7. *Ростовская Т.К., Золотарева О.А.* Демографическое развитие: концептуализация модели кадрового потенциала в области исследования и управления // Россия реформирующаяся. 2022. № 20. С. 200–225.

8. *Муртозаев Б.Ч.* Методологические основы формирования рынков труда Российской Федерации и Республики Узбекистан: сопоставительный анализ: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2004. 288 с.

9. *Архангельский В.Н., Золотарева О.А., Кучмаева О.В.* Два подхода к измерению результативности демографической политики (на примере федерального материнского капитала) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 6. С. 77–97.

10. *Вакуленко Е.С., Ивашина Н.В., Свистильник Я.О.* Региональные программы материнского капитала: влияние на рождаемость в России // Экономика региона. 2023. Т. 19. № 4. С. 1077–1092.

11. *Валентей Д.И.* Система знаний о народонаселении. М.: Высшая школа, 1991. 254 с.

12. Управление демографическими процессами: сборник статей / под ред. Д.И. Валентея. М.: Статистика, 1980. 119 с.

13. Развитие населения / под ред. Д.И. Валентея. М.: Статистика, 1974. 92 с.

14. *Валентей Д.И.* О системе демографических знаний (1973) // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2016. № 4. С. 134–148.

15. *Вишневский А.Г.* Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982. 287 с.

16. Управление развитием народонаселения в СССР / под ред. А.Я. Кваши. М.: Статистика, 1977. 212 с.

17. *Зверева Н.В.* Основы управления развитием народонаселения. М.: Финансы и статистика, 1982. 189 с.

18. *Зверева Н.В.* Изучение народонаселения в отечественной науке в 1960–1980-е гг. (Становление общей теории народонаселения): дис. ... д-ра экон. наук. М., 2000. 348 с.

19. *Зверева Н.В.* Университетская школа исследований народонаселения Д.И. Валентея // Федерализм. 2015. № 2 (78). С. 113–124.

20. *Белова В.А.* Географические аспекты естественного воспроизводства населения Воронежской области: дис. ... канд. геогр. наук. Воронеж, 2001. 207 с.

21. *Садовникова Ю.Ю., Тимейчук Л.Н.* Региональная дифференциация процессов управления демографическим развитием // Экономические науки. 2011. № 76. С. 216–220.

22. *Мостахова Т.С.* Совершенствование управления демографическим развитием региона: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2010. 378 с.

23. *Рязанцев С.В., Вазиров З.К., Гарибова Ф.М., Рязанцев Н.С.* Демографическое развитие этнонациональных регионов сибирского федерального округа // Уфимский гуманитарный научный форум. 2025. Т. 23. № 3. С. 182–195.

24. *Глушкова В.Г., Хорева О.Б.* Управление демографическим развитием России: региональный аспект // Региональные исследования. 2013. Т. 1. № 39. С. 68–73.

25. *Рубцова И.Т.* Медико-организационные подходы к снижению смертности от предотвратимых причин на региональном уровне: дис. ... канд. мед. наук. М., 2008. 173 с.

26. *Игошев М.В.* Развитие демографического потенциала региона на основе совершенствования управления сферой физической культуры и спорта: дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2011. 184 с.

27. *Калабихина И.Е.* Экономико-демографическое развитие России: гендерный аспект: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2010. 43 с.

28. *Бутова А.С.* Государственное регулирование демографических процессов в регионе: политологический анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов-н/Д, 2010. 22 с.

29. *Попова С.М., Яник А.А., Шахрай С.М., Карпова С.Ф.* Институционально-правовые механизмы управления демографической сферой в Российской Федерации // Право и политика. 2025. № 10. С. 43–65.

30. *Елизаров В.В.* Демографическое развитие России и ее регионов: общее и особенное // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 1 (191). С. 57–72.

31. *Макеева С.Б.* Особенности китайской региональной демографической политики на северо-востоке КНР (на примере провинции Хэйлунцзян) // Вопросы управления. 2024. Т. 18. № 3 (88). С. 81–92.

32. *Клупт М.А.* Теория демографического развития: институциональная перспектива // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 139–149.

33. Д.И. Валентей в воспоминаниях коллег и учеников: к 40-летию создания Лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: ООО «МАКС Пресс», 2006. 124 с.

34. *Неклюдова Н.П.* Системное моделирование демографического развития региона // Пространственная экономика. 2025. Т. 21. № 4. С. 163–180.

35. *Неклюдова Н.П.* Демографическое развитие региона: разработка понятийно-категориального аппарата // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Т. 22. № 1. С. 142–154.

References

1. Rybakovskii L.L. Demograficheskoe budushchee Rossii: prognozy i real'nost' [Russia's Demographic Future: Forecasts and Reality], *Narodonaselenie* [Population], 2023, Vol. 26, No. 3, pp. 4–15. (In Russ.).

2. Lokosov V.V. Demograficheskoe razvitie Rossii: dinamika i social'no-ekonomicheskie riski [Demographic Development of Russia: Dynamics and Socio-Economic Risks], *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2020, Vol. 90, No. 3, pp. 251–258. (In Russ.).

3. Bezverbnyi V.A. Disproporcii demograficheskogo razvitiya Rossii na regional'nom urovne: sovremennye tendencii [Disproportions of Demographic Development of Russia at the Regional Level: Current Trends], *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 2025, Vol. 21, No. 2, pp. 197–211. (In Russ.).

4. Rezer T.M., Grigorenko Ya.A. Gosudarstvennoe upravlenie demograficheskoi situaciei v Ural'skom federal'nom okruge [State Management of the Demographic Situation in the Ural Federal District], *Voprosy upravleniya* [Management Issues], 2023, No. 1 (80), pp. 75–89. (In Russ.).

5. Eremin A.A., Astrelin A.M. Upravlenie demograficheskim razvitiem na postsovetskom prostranstve [Management of Demographic Development in the Post-Soviet Space], *Mir Bol'shogo Altaya* [World of the Great Altai], 2019, No. 5 (3), pp. 446–457. (In Russ.).

6. Evseenko O.I. Gosudarstvennoe upravlenie demograficheskim razvitiem sub"ektov Rossiiskoi Federacii [State Management of Demographic Development of the Subjects of the Russian Federation], *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologii upravleniya i ekonomiki* [Scientific Notes of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics], 2010, No. 1 (27), pp. 17–24. (In Russ.).

7. Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A. Demograficheskoe razvitie: konceptualizaciya modeli kadrovogo potenciala v oblasti issledovaniya i upravleniya [Demographic Development: Conceptualization of the Model of Human Resources Potential in the Field of Research and Management], *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia Reforming], 2022, No. 20, pp. 200–225. (In Russ.).

8. Murtozaev B.Ch. Metodologicheskie osnovy formirovaniya rynkov truda Rossiiskoi Federacii i Respubliki Uzbekistan: sopostavitel'nyi analiz. Dis. doct. ekon. nauk [Methodological Foundations of the Formation of Labor Markets in the Russian Federation and the Republic of Uzbekistan: A Comparative Analysis. Dr. econ. sci. diss.]. Moscow, 2004, 288 p. (In Russ.).

9. Arhangel'skii V.N., Zolotareva O.A., Kuchmaeva O.V. Dva podhoda k izmereniyu rezul'tativnosti demograficheskoi politiki (na primere federal'nogo materinskogo kapitala) [Two Approaches to Measuring the Effectiveness of Demographic Policy (on the Example of the Federal Maternity Capital)], *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2024, Vol. 17, No. 6, pp. 77–97. (In Russ.).

10. Vakulenko E.S., Ivashina N.V., Svistil'nik Ya.O. Regional'nye programmy materinskogo kapitala: vliyanie na rozhdaemost' v Rossii [Regional Maternity Capital Programs: Impact on Fertility in Russia], *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2023, Vol. 19, No. 4, pp. 1077–1092. (In Russ.).

11. Valentei D.I. Sistema znanii o narodonaselenii [System of Knowledge about the Population]. Moscow, Vysshaya shkola, 1991. 254 p. (In Russ.).

12. Upravlenie demograficheskimi processami: sbornik statei [Management of Demographic Processes: Collection of Articles], edited by D.I. Valentei. Mosciw, Statistika, 1980. 119 p. (In Russ.).

13. Razvitie naseleniya [Population Development], edited by D.I. Valentei. Moscow, Statistika, 1974. 92 p. (In Russ.).

14. Valentei D.I. O sisteme demograficheskih znanii (1973) [Population knowledge system (1973)], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika* [Moscow University Economics Bulletin], 2016, No. 4, pp. 134–148. (In Russ.).

15. Vishnevskii A.G. Vosproizvodstvo naseleniya i obshchestvo: istoriya, sovremennost', vzglyad v budushchee [Population Reproduction and Society: History, Modernity, View of the Future]. Moscow, Finansy i statistika, 1982. 287 p. (In Russ.).

16. Upravlenie razvitiem narodonaseleniya v SSSR [Management of Population Development in the USSR], edited by A.Ya. Kvasha. Moscow, Statistika, 1977. 212 p. (In Russ.).

17. Zvereva N.V. Osnovy upravleniya razvitiem narodonaseleniya [Fundamentals of Managing Population Development]. Moscow, Finansy i statistika, 1982. 189 p. (In Russ.).

18. Zvereva N.V. Izuchenie narodonaseleniya v otechestvennoi nauke v 1960–1980-e gg. (Stanovlenie obshchei teorii narodonaseleniya). Dis. dokt. ekon. nauk [Study of Population in Russian Science in the 1960s–1980s (Formation of the General Theory of Population). Dr. econ. sci. diss.]. Moscow, 2000, 348 p. (In Russ.).

19. Zvereva N.V. Universitetskaya shkola issledovanii narodonaseleniya D.I. Valenteya [University School of Population Studies of D.I. Valentei], *Federalizm* [Federalism], 2015, No. 2 (78), pp. 113–124. (In Russ.).

20. Belova V.A. Geograficheskie aspekty estestvennogo vosproizvodstva naseleniya Voronezhskoi oblasti. Dis. kand. geogr. nauk [Geographical Aspects of Natural Population Reproduction in the Voronezh Region. PhD geogr. sci. diss.]. Voronezh, 2001, 207 p. (In Russ.).

21. Sadovnikova Yu.Yu., Timeichuk L.N. Regional'naya differenciaciya processov upravleniya demograficheskim razvitiem [Regional Differentiation of Demographic Development Management Processes], *Ekonomicheskie nauki* [Economic Sciences], 2011, No. 76, pp. 216–220. (In Russ.).

22. Mostahova T.S. Sovershenstvovanie upravleniya demograficheskim razvitiem regiona. Dis. dokt. ekon. nauk [Improving the Management of Demographic Development of a Region. Dr. econ. sci. diss.]. Moscow, 2010, 378 p. (In Russ.).

23. Ryazancev S.V., Vazirov Z.K., Garibova F.M., Ryazancev N.S. Demograficheskoe razvitie etnonacional'nyh regionov sibirskogo federal'nogo okruga [Demographic Development of Ethno-National Regions of the Siberian Federal District], *Ufimskii gumanitarnyi nauchnyi forum* [Ufa Humanitarian Scientific Forum], 2025, Vol. 23, No. 3, pp. 182–195. (In Russ.).

24. Glushkova V.G., Horeva O.B. Upravlenie demograficheskim razvitiem Rossii: regional'nyi aspekt [Management of Demographic Development of Russia: Regional Aspect], *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], 2013, Vol. 1, No. 39, pp. 68–73. (In Russ.).

25. Rubcova I.T. Mediko-organizacionnye podhody k snizheniyu smertnosti ot predotvratimyh prichin na regional'nom urovne. Dis. kand. med. nauk [Medical and Organizational Approaches to Reducing Mortality from Preventable Causes at the Regional Level. PhD med. sci. diss.]. Moscow, 2008, 173 p. (In Russ.).

26. Igoshev M.V. Razvitie demograficheskogo potenciala regiona na osnove sovershenstvovaniya upravleniya sferoi fizicheskoi kul'tury i sporta. Dis. kand. ekon. nauk [Development of the Demographic Potential of a Region Based on Improving the Management of Physical Culture and Sports. PhD econ. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2011, 184 p. (In Russ.).

27. Kalabihina I.E. Ekonomiko-demograficheskoe razvitie Rossii: gendernyi aspect. Avtoref. dis. doct. ekon. nauk [Economic and Demographic Development of Russia: Gender Aspect. Dr. econ. sci. abstract diss.]. Moscow, 2010, 43 p. (In Russ.).

28. Butova A.S. Gosudarstvennoe regulirovanie demograficheskih processov v regione: politologicheskii analiz. Avtoref. dis. kand. polit. nauk [State Regulation of Demographic Processes in the Region: Political Science Analysis. PhD polit. sci. abstract diss.]. Rostov-on-Don, 2010, 22 p. (In Russ.).

29. Popova S.M., Yanik A.A., Shahrai S.M., Karpova S.F. Institucional'no-pravovye mekhanizmy upravleniya demograficheskoi sferoi v Rossiiskoi Federacii [Institutional and Legal Mechanisms for Managing the Demographic Sphere in the Russian Federation], *Pravo i politika* [Law and Politics], 2025, No. 10, pp. 43–65. (In Russ.).

30. Elizarov V.V. Demograficheskoe razvitie Rossii i ee regionov: obshchee i osobennoe [Demographic Development of Russia and Its Regions: General and Specific], *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in Russian Regions], 2014, No. 1 (191), pp. 57–72. (In Russ.).

31. Makeeva S.B. Osobennosti kitaiskoi regional'noi demograficheskо politiki na severo-vostoke KNR (na primere provincii Heilunczyan) [Features of Chinese Regional Demographic Policy in the Northeast of the PRC (on the Example of Heilongjiang Province)], *Voprosy upravleniya* [Management Issues], 2024, Vol. 18, No. 3 (88), pp. 81–92. (In Russ.).

32. Klupt M.A. Teoriya demograficheskogo razvitiya: institucional'naya perspektiva [Theory of Demographic Development: An Institutional Perspective], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 2005, No. 2, pp. 139–149. (In Russ.).

33. D.I. Valentei v vospominaniyah kolleg i uchenikov: k 40-letiyu sozdaniya Laboratorii ekonomiki narodonaseleniya i demografii ekonomicheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova [D.I. Valentey in the Memoirs of Colleagues and Students: On the 40th Anniversary of the Establishment of the Laboratory of Population Economics and Demography at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University]. Moscow, OOO "MAKS Press", 2006. 124 p. (In Russ.).

34. Neklyudova N.P. Sistemnoe modelirovanie demograficheskogo razvitiya regiona [System Modeling of the Regional Demographic Development], *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2025, Vol. 21, No. 4, pp. 163–180. (In Russ).

35. Neklyudova N.P. Demograficheskoe razvitie regiona: razrabotka ponyatiino-kategorial'nogo apparata [Regional Demographic Development: Elaborating a Conceptual and Categorical Framework], *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 2026, Vol. 22, No. 1, pp. 142–154. (In Russ.).

POPULATION DEVELOPMENT AS A GOVERNANCE OBJECT

The article analyzes a fundamental paradox: despite the high demand for managing demographic development in contemporary Russia, a comprehensive theoretical framework for such management has yet to be established. Based on an analysis of Russian scholarly works, the genesis of the concept of "population development" in Soviet science during the 1960s–1980s is traced, three main theoretical approaches (socio-economic, demographic, and population development) are examined, and the way the problem of management was interpreted within each is shown. The key reasons for the gap between profound theoretical developments and management practice are identified: methodological abstraction, the deductive nature of laws, the absence of an indicator system, ideological constraints, and institutional fragmentation. The evolution of research in the post-Soviet period is considered, its main features-regionalization, instrumentalization, and the search for a new theoretical paradigm – are characterized, with the institutional approach being its most important achievement. The necessity is substantiated for a conceptual synthesis of the systems approach, the concept of population quality, institutional analysis, categorical modeling, and typologization of demographic states as a foundation for developing an effective, scientifically grounded, and regionally differentiated demographic policy.

Keywords: population development, demographic development governance, demographic policy, population theory, systems analysis, regional demography, region.

JEL: J18, J11, B41

Дата поступления – 24.03.2026 *Принята к печати* – 01.06.2026

НЕКЛЮДОВА Наталья Павловна
кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики УрО РАН / ул. Московская, д. 29., г. Екатеринбург, 620014.
e-mail: neklyudova.np@uiec.ru

NEKLYUDOVA Natalia P.
Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor, Senior Researcher;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences / 29, Moskovskaya Str., Ekaterinburg, 620014.
e-mail: neklyudova.np@uiec.ru

Для цитирования:
Неклюдова Н.П. Развитие населения как объект управления // Федерализм. 2026. Т. 31. № 2 (122). С. 31–51. DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2026-2-31-51

DOI: http://dx.doi.org/
10.21686/2073-1051-2026-2-52-67

А.В. ПЕТРИКОВ

АГРОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И РАЗВИТИЕ ОРГАНИЧЕСКОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РОССИИ

Достижение продовольственной независимости страны и импортозамещение на агропродовольственном рынке происходили путем интенсификации сельскохозяйственного производства, что с неизбежностью обострило экологические проблемы сельского хозяйства. Одновременно с постепенным ростом благосостояния населения растет спрос на качественное продовольствие. Все это актуализирует решение экологических проблем сельского хозяйства и развитие производства органической продукции. В статье анализируется современная экологическая ситуация в аграрном секторе – состояние сельскохозяйственных земель, влияние сельского хозяйства на загрязнение окружающей природной среды, уровень развития органического земледелия. Обосновывается необходимость перехода к устойчивому развитию сельского хозяйства и основные направления совершенствования экологической политики в отрасли (стимулирование использования почвозащитных технологий, рост инвестиций в сферу охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов в сельском хозяйстве, поддержка производителей органической продукции).

Ключевые слова: устойчивое сельское хозяйство, экологическая политика в аграрном секторе, почвозащитные технологии, стимулирование производства органической продукции.

JEL: Q10, Q35, Q54, Q57, R11

Важнейшим направлением формирования технологического суверенитета и технологического лидерства в сельском хозяйстве является обеспечение *экологического благополучия отрасли* и развитие органического сельского хозяйства. Это важно по нескольким причинам. Во-первых, в силу того, что сельское хозяйство строится на использовании продуктивных качеств агробиоценозов, экологические риски по определению угрожают самим основам аграрного производства. Во-вторых, важно уменьшить отрицательное воздействие отрасли на природную среду и сократить выброс парниковых газов. В-третьих, по мере экономического роста и повышения доходов населения растет спрос на качественное продовольствие и прежде всего

органическую продукцию. В-четвертых, на мировом рынке Россия заслуженно зарекомендовала себя как поставщик качественных продуктов, страна, свободная от ГМО, и укрепление этой репутации – ключевое условие роста продовольственного экспорта.

Характеризуя современную экологическую ситуацию в сельском хозяйстве России, начнем с состояния земли – основного средства производства в сельском хозяйстве.

Состояние сельскохозяйственных земель

Основным источником для характеристики состояния сельскохозяйственных земель являются данные обследования агрохимической службы Минсельхоза России, ежегодно проводимого на 8–10% площади сельхозугодий. В 2024 г. было обследовано 44 48,4 тыс. га используемой пашни на содержание в ней гумуса (органического вещества) (*табл. 1*). Из представленных данных следует, что значительная часть сельскохозяйственного производства ведется у нас на слабоплодородных землях, что естественно неблагоприятно сказывается на урожайности и *требует внесения значительных объемов минеральных и органических удобрений.* Удельный вес слабогумуссированной пашни и пашни с содержанием гумуса меньше минимального составляет в целом по Российской Федерации 52,9%.

Таблица 1

Распределение почв с различным содержанием гумуса на используемых пахотных угодьях в федеральных округах по отношению к обследованной площади в 2024 г. *(в %)*

Федеральный округ	**Почвы**			
	Сильно-гумуссированные	**Средне-гумуссированные**	**Слабо-гумуссированные**	**С содержанием гумуса меньше минимального**
1	2	3	4	5
Российская Федерация	13,6	33,5	36,6	16,3
Центральный ФО	7,3	36,7	39,4	16,7
Северо-Западный ФО	35,2	29,0	30,2	5,5
Южный ФО	8,9	28,2	41,9	21,1
Северо-Кавказский ФО	6,7	21,7	58,6	12,9

Составлено по: [1, с. 58].

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
Приволжский ФО	12,2	28,1	34,6	25,1
Уральский ФО	27,6	18,8	22,9	30,7
Сибирский ФО	18,7	46,3	28,5	6,5
Дальневосточный ФО	12,9	38,6	34,3	14,2

Нерациональные способы землепользования обусловливают развитие на сельскохозяйственных землях различного рода дефляционных процессов – водной и ветровой эрозии, переувлажнения и засоления (*табл. 2*). Особенно распространена водная эрозия, вызывающая нарушение структуры почвы, потерю гумуса и других питательных веществ.

Таблица 2

Распространение негативных процессов на обследованных сельскохозяйственных угодьях, 2024 г., Минсельхоз России
(в % к обследованной площади)

Федеральный округ	**Сельскохозяйственные угодья, подверженные**			
	ветровой эрозии	**водной эрозии**	**переувлажнению**	**засолению**
Российская Федерация	5,25	10,34	4,75	2,73
Центральный ФО	1,09	11,09	2,56	0,43
Северо-Западный ФО	0,0	1,25	25,03	0,0
Южный ФО	4,40	0,24	3,86	8,37
Северо-Кавказский ФО	16,26	13,12	8,49	10,84
Приволжский ФО	1,14	26,77	1,16	1,56
Уральский ФО	0,81	0,0	3,30	1,43
Сибирский ФО	15,48	7,58	3,74	2,51
Дальневосточный ФО	6,37	4,50	6,24	0,54

Составлено по: [1, с. 68–69].

Нерешенной проблемой земледелия остается повышенная кислотность пахотных угодий (*табл. 3*), которая отрицательно влияет на плодородие почвы и развитие сельскохозяйственных культур, снижая окупаемость применяемых удобрений и, соответственно, урожайность.

На улучшение состояния сельскохозяйственных земель направлена Государственная программа эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации, реализуемая с 2022 г.[1] До этого меры в области рационального землепользования и повышения плодородия почв осуществлялись в рамках специальных федеральных и ведомственных программ как части Государственной программы развития сельского хозяйства. На эти же цели направлены мероприятия в рамках Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения».

Таблица 3

Доля почв по степени кислотности
(в % к общей обследованной площади используемых пахотных угодий)

Федеральный округ	Кислотность пахотных угодий					
	Очень сильно-кислотные	Сильно-кислотные	Средне-кислотные	Слабо-кислотные	Близкие к нейтральному	Нейтральные
Российская Федерация	0,5	3,6	13,8	24,5	17,7	20,6
Центральный ФО	0,7	6,0	24,7	32,2	19,8	16,6
Северо-Западный ФО	1,2	8,3	18,9	26,8	21,6	23,3
Южный ФО	0,4	0,02	2,5	3,8	4,5	19,5
Северо-Кавказский ФО	0,08	0,8	2,6	2,3	3,0	23,8
Приволжский ФО	0,4	2,5	15,4	29,7	24,7	17,7
Уральский ФО	0,0	1,1	11,4	43,2	16,1	25,6
Сибирский ФО	0,0	1,0	6,0	27,5	27,8	28,0
Дальневосточный ФО	2,3	15,5	26,9	32,1	10,3	12,9

Составлено по: [1, с. 61].

Основной мерой при этом было *стимулирование применения удобрений*. Объем внесения минеральных удобрений под посевы в сельскохозяйственных организациях увеличился с 2,0 млн т в 2015 г.

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 14 мая 2021 г. № 731 (ред. от 27.01.2026) «О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации».

до 3,5 млн т в 2024 г. (в 1,75 раза), органических удобрений, соответственно, – с 64,2 млн т до 74,3 млн т (в 1,16 раза) [2, с. 31].

Наряду с этим почвозащитные технологии, способные улучшить состояние сельскохозяйственных земель за счет естественных механизмов восстановления плодородия, применяются в незначительных масштабах. Росстат отслеживает применение таких технологий в сельскохозяйственных организациях и не проводит соответствующего учета в крестьянских (фермерских) хозяйствах. Как свидетельствуют данные *таблицы 4*, сельскохозяйственные организации используют почвозащитные агротехнологии только на 7% посевов.

Лидерами по применению почвозащитных технологий являются сельскохозяйственные организации Белгородской области. Они применяют их на площади 709,4 тыс. га (19,2% всех посевов с использованием почвозащитных технологий). В Белгородской области с 2011 г. успешно реализуется региональная программа биологизации земледелия[1]. Выше, чем в среднем по стране, уровень распространения почвозащитных технологий в сельскохозяйственных организациях 12 субъектов Российской Федерации (*табл. 5*).

Таблица 4

Посевная площадь, на которой сельскохозяйственные организации применяют почвозащитные агротехнологии производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, 2024 г.

Технологии	Посевная площадь, на которой применяются почвозащитные агротехнологии		% всех посевов
	Тыс. га	% к итогу	
Смешанная почвозащитная технология	1 539	41,7	2,9
Технология mini-till	960	26,0	1,8
Технология с использованием адаптивно-ландшафтной системы земледелия	1 195	32,3	2,3
Итого	3 694	100	7,0

Составлено по: [3].

[1] Постановление Правительства Белгородской области от 29 августа 2011 года № 324-пп «Об утверждении Долгосрочной целевой программы «Внедрение биологической системы земледелия на территории Белгородской области на 2011–2018 годы». В 2013 г. меры данной программы стали частью государственной программы Белгородской области «Развитие сельского хозяйства и рыбоводства в Белгородской области».

Таблица 5

Использование почвозащитных технологий сельскохозяйственными организациями по субъектам Российской Федерации

Доля площадей с почвозащитными технологиями, %	**Число субъектов**	**Субъекты (доля площадей с почвозащитными технологиями, %; площадь с почвозащитными технологиями, тыс. га)**
40,1 и более	1	Белгородская область (68; 709,4)
20,1–40,0	3	Челябинская область (37,3; 320,9), Республика Марий Эл (32,1; 80,6), Хабаровский край (25; 8,7)
10,1–20,0	8	Самарская область (19,9; 318,4), Омская область (19,6; 274,8), Тюменская область (16,3; 131,6), Нижегородская область (15,8; 130,7), Липецкая область (14,6; 157,4), Курганская область (14,3; 113,5), Краснодарский край (11,6; 284,4), Воронежская область (10,4; 193,6)
5,1–10,0	5	Калининградская область (9,5; 24,6), *Российская Федерация* (7; 3 694,1), Рязанская область (6,7; 63,7), Орловская область (6,4; 66), Красноярский край (6,3; 70,6), Томская область (5,4; 10,9)
2,1–5,0	16	Ставропольский край (4,4; 99,5), Новосибирская область (4,4; 70,2), Алтайский край (4,1; 134,1), Удмуртская Республика (3,9; 27,8), Саратовская область (3,2; 70,2), Кемеровская область – Кузбасс (3,2; 16,5), Республика Татарстан (2,8; 57,1), Пензенская область (2,8; 32,3), Республика Адыгея (2,7; 2,4), Кировская область (2,5; 18,2), Свердловская область (2,5; 14,2), Карачаево-Черкесская Республика (2,5; 1,2), Кабардино-Балкарская Республика (2,4; 2,6), Республика Мордовия (2,3; 5,7), Пермский край (2,3; 12), Вологодская область (2,1; 6,3)
1,1–2,0	9	Чувашская Республика (2; 6,1), Тульская область (1,9; 3,4), Московская область (1,8; 7,9), Республика Крым (1,6; 6,5), Тверская область (1,6; 5,5), Республика Бурятия (1,4; 1), Волгоградская область (1,3; 24,6), Ульяновская область (1,3; 10,3), Ростовская область (1,2; 35,8)
0,1–1,0	7	Оренбургская область (1; 20,2), Тамбовская область (0,8; 11,3), Республика Башкортостан (0,5; 8,7), Калужская область (0,4; 1,2), Республика Дагестан 0,4; 0,4 тыс. га), Владимирская область (0,3; 0,7), Смоленская область (0,2; 0,6)

Составлено по: [3].

Только 8% пашни в России мелиорировано, и при этом *используется в производстве только три четверти мелиорированных земель*, остальные требуют реконструкции (*табл. 6*).

Таблица 6

Мелиорированные земли России, Минсельхоз России

Мелиорированные земли	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Тыс. га	9 448,1	9 455,4	9 465,6	9 459,2	9 469,7	9 380,4	9 394,0
% к пашне	8,1	8,1	8,2	8,2	8,1	8,1	8,1
% используемых мелиорированных земель	75,4	75,5	7,6	74,8	74,7	74,2	73,7

Составлено по: [1, с. 15, 88].

В силу вышеизложенного, а также вследствие недостаточной фондовооруженности сельского хозяйства в России наблюдается довольно *сильная волатильность растениеводства* и, как следствие, всего сельского хозяйства. Например, волатильность производства зерновых у нас в 2 раза выше, чем в США (*табл. 7*). Из всех зерновых культур только производство ячменя и овса у нас более устойчиво, чем в США.

Влияние неустойчивости сказывается в следующем:

- она вызывает волатильность агропродовольственных рынков;
- снижает гарантии получения сельскохозяйственными товаропроизводителями стабильных доходов;
- снижает инвестиционную привлекательность отрасли;
- создает проблемы выполнения экспортных контрактов и пр.

Таблица 7

Волатильность производства с/х культур в России и США, по данным за 1992–2024 гг.

Культура	Коэффициент вариации	
	Россия	США
1	2	3
Ячмень	24,2	36,0
Гречиха	33,2	11,2
Зерновые	28,1	14,9
Кукуруза	81,9	21,1
Просо	57,0	33,4
Овес	39,4	54,3

Составлено по: [4].

Окончание табл. 7

1	2	3
Рис	35,8	10,7
Рожь	65,1	23,5
Сорго	99,2	33,7
Пшеница	36,6	12,4

По нашему мнению, повышение устойчивости сельского хозяйства, – задача не менее, если не более, важная, чем наращивание производства.

Влияние сельского хозяйства на окружающую природную среду

Хотя доля сельхозтоваропроизводителей в выбросах в атмосферу загрязняющих веществ, сбросе в открытые водоемы сточных вод, образовании отходов производства и потребления минимальна (*табл. 8*), одной из целей экологической политики в сельском хозяйстве является *уменьшение отрицательного влияния отрасли на окружающую среду.*

Таблица 8

***Доля сельского хозяйства в загрязнении окружающей среды, Росстат** (в %)*

Виды загрязнений	**2005**	**2010**	**2015**	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**
Выбросы в атмосферу загрязняющих веществ от стационарных источников	0,66	0,71	1,14	2,49	2,60	2,33	2,58	2,55
Сброс загрязненных сточных вод	5,75	–	5,35	4,07	5,29	6,74	0,77	1,03
Отходы производства и потребления	0,47	0,64	0,91	0,65	0,60	0,51	0,18	0,17
Парниковые газы	4,59	4,48	4,74	5,09	4,99	5,02	4,86	–

Составлено по: [5].

В 2024 г. доля выбросов в атмосферу была ниже, чем удельный вес отрасли в валовом внутреннем продукте[1]. Исключение составляет доля сельского хозяйства в эмиссии парниковых газов, которая превышает удельный вес аграрного сектора в ВВП. При этом выбросы парниковых газов в сельском хозяйстве за 2018–2024 гг. увеличились на 6,2% (*табл. 9*). Их основными источниками являются сельскохозяйственные земли и внутренняя ферментация сельскохозяйственных животных.

[1] В 2024 г. доля валовой добавленной стоимости по виду экономической деятельности «Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях» в валовом внутреннем продукте составила 2,6% [2, с. 14].

Таблица 9

Выбросы парниковых газов в сельском хозяйстве
(в млн т CO2-эквивалента в год)

Источники выбросов	2018	2019	2020	2021	2022	2022 / 2018, %	% к итогу в 2022
Всего	96,38	97,28	100,10	101,91	102,34	106,2	100,0
В том числе:							
Внутренняя ферментация сельскохозяйственных животных	44,71	44,46	44,86	44,43	43,58	97,5	42,6
Сбор и хранение навоза и помета	12,79	12,20	12,84	13,37	13,03	101,9	12,7
Рисоводство	0,62	0,67	0,68	0,66	0,59	95,2	0,6
Сельскохозяйственные земли	37,28	39,01	40,60	42,47	44,26	118,7	43,2
Известкование и внесение карбамида в почвы	0,98	0,93	1,11	0,98	0,87	88,8	0,9

Составлено по: [6, с. 36].

Отмечая в целом слабое общее влияние сельскохозяйственной деятельности на загрязнение окружающей природной среды, следует тем не менее подчеркнуть, что выбросы в атмосферу загрязняющих веществ от стационарных источников в сельском хозяйстве и отходы производства и потребления за 2005–2024 гг. увеличились (*табл. 8*). Растет также эмиссия парниковых газов (*табл. 9*). Кроме того, сельскохозяйственные предприятия часто являются источниками острых экологических проблем на локальном и региональном уровне. Прежде всего речь идет о хозяйствах, использующих химические средства защиты растений, а также о крупных животноводческих комплексах.

Уровень развития органического сельского хозяйства

Хотя Федеральный закон о производстве органической продукции был принят в России в августе 2018 г. и вступил в силу с 1 января 2020 г.[1], *рынок органических продуктов только складывается*. Его объем, по данным Роскачества, составил в 2024 г. 248 млн евро, а доля импортных продуктов на нем – около 67%. Удельный вес органики

[1] Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

на общем продовольственном рынке России – 0,08%. Площадь сельскохозяйственных угодий, занятых сертифицированными производителями сельскохозяйственной продукции, – 1,5 млн га (0,2% к их общей площади)[1].

В реестре сельхозтоваропроизводителей, занимающихся органическим производством, который ведет Минсельхоз России, на начало 2026 г. состояли 253 хозяйства и переработчика, из них 38 – иностранных (15%) [7]. Среди 215 отечественных производителей – 133 предприятия (62%) и 82 крестьянских (фермерских) хозяйства и индивидуальных предпринимателей (38%), хотя ряд экспертов полагали, что органическое производство – удел прежде всего фермеров.

Органическим сельским хозяйством занимаются в 56 регионах, в числе которых лидерами являются Воронежская Белгородская Московская области и Краснодарский край (*табл. 10*).

Таблица 10

Органические производители России по регионам по состоянию на 16.01.2026

Регионы с наличием органического сельского хозяйства	**Число производителей, ед.**	**% к итогу**
1	2	3
Воронежская обл.	23	9,1
Белгородская обл.	17	6,7
Московская обл.	14	5,5
Краснодарский край	11	4,3
Ханты-Мансийский АО – Югра	11	4,3
Новосибирская обл.	10	4,0
Ярославская обл.	8	3,2
Калужская обл.	8	3,2
Самарская обл.	7	2,8
Тульская обл.	6	2,4
Республика Мордовия	6	2,4
Республика Татарстан	5	2,0
Пермский край	5	2,0

Составлено по: [8].

[1] Число производителей органической агропродукции в РФ в 2024 г. выросло на 8,7%. URL: https://www.finmarket.ru/news/6397714 (дата обращения: 17.06.2026).

Окончание табл. 10

1	2	3
Ставропольский край	5	2,0
4 региона с 4 производителями: Алтайский край, Пензенская обл., Севастополь, Республика Крым	4 (16)	1,6 (6,3)
8 регионов с 3 производителями: Республика Адыгея, Ростовская обл., Санкт-Петербург, Приморский край, Ямало-Ненецкий АО, Республика Башкортостан, Ивановская обл., Новгородская обл.	3 (24)	1,2 (9,5)
9 регионов с 2 производителями: Липецкая обл., Тамбовская обл., Кабардино-Балкарская Республика, Иркутская обл., Ульяновская обл., Тверская обл., Республика Алтай, Рязанская обл., Омская обл.	2 (18)	0,8 (7,1)
21 регион с 1 производителем: Томская обл., Калининградская обл., Красноярский край, Хабаровский край, Костромская обл., Нижегородская обл., Орловская обл., Смоленская обл., Свердловская обл., Ленинградская обл., Амурская обл., Сахалинская обл., Чувашская Республика, Волгоградская обл., Республика Хакасия, Карачаево-Черкесская Республика, Брянская обл., Челябинская обл., Республика Карелия, Псковская обл., Республика Саха (Якутия)	1 (21)	0,4 (8,3)

Меры по совершенствованию экологической политики в аграрном секторе

Подводя итог, можно констатировать, что в России *преобладает интенсивная модель сельскохозяйственного производства.* Это связано прежде всего с тем, что после провала 1990-х гг. стояла задача насыщения рынка отечественным продовольствием, которая решалась за счет интенсивных факторов. Это отрицательно повлияло на состояние сельскохозяйственных земель, хотя в целом негативный вклад сельского хозяйства в загрязнение окружающей природной среды невысок. Производство органической продукции находится в начальной стадии.

В условиях, когда задача формирования продовольственной независимости страны в основном решена, все более актуальным становится развитие экологически ориентированных хозяйств. А это требует дальнейшего *совершенствования экологической политики в аграрном секторе.*

В Российской Федерации сформирована солидная нормативно-правовая база для экологического развития сельского хозяйства. Она включает ряд доктрин, федеральных законов, стратегий и государственных

программ[1]. Но, к сожалению, целостного федерального документа по развитию экологически ориентированного, устойчивого сельского хозяйства, к сожалению, нет. Таким документом может быть долгосрочная «Стратегия перехода к устойчивому сельскому хозяйству в Российской Федерации». Ее основу составит теория устойчивого развития, в соответствии с которой развитие сельского хозяйства должно отвечать критериям экономической, социальной и экологической эффективности. В прикладной части стратегия должна содержать механизмы обеспечения устойчивого развития отрасли – организационные, экономические, информационные, кадровые и др. В соответствии со стратегией необходимо разработать проекты перехода к устойчивому сельскому хозяйству в регионах и предприятиях.

Важной задачей является привлечение инвестиций в сферу охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов в сельском хозяйстве. Сейчас их объем недостаточный, а удельный вес в общем объеме соответствующих инвестиций по экономике в целом составляет всего около 1% (*табл. 11*). Их объемы необходимо увеличить, чтобы доля природоохранных инвестиций в сельское хозяйство была сопоставима с удельным весом отрасли в ВВП. Учитывая актуальность борьбы с дефляцией почв целесообразно ввести субсидии по внедрению почвосберегающего земледелия.

В целях роста производства органической продукции необходима *на настоящий момент отсутствующая* федеральная поддержка органических хозяйств. Между тем в регионах накоплен довольно интересный опыт такой поддержки. Это и субсидии на производство органической продукции, прежде всего животноводческой, и возмещение затрат на сертификацию предприятий, и развитие рыночной инфраструктуры сбыта (*табл. 12*). Ряд из этих мер целесообразно включить в федеральный бюджет при условии софинансирования из регионов.

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации»; Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»; Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения»; Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»; Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 19 июля 1997 г. № 109-ФЗ «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами»; Постановление Правительства Российской Федерации от 14 мая 2021 г. № 731 (ред. от 27.01.2026) «О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации»; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 4 июля 2023 г. № 1788-р (ред. от 08.05.2025) «Об утверждении Стратегии развития производства органической продукции в Российской Федерации до 2030 года»; Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 326 (ред. от 23.04.2026) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Охрана окружающей среды”».

Таблица 11

Инвестиции в основной капитал на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в сельском хозяйстве, в текущих ценах, Росстат

Инвестиции	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023	2024
Млн руб.	553,9	320,1	740,9	2301,1	2 025,2	2 533,6	1 835,7	4 067,9
% от всех инвестиций на охрану окружающей среды	0,94	0,36	0,49	1,17	0,68	0,83	0,49	1,08

Составлено по: [9].

Таблица 12

Меры поддержки органического сельского хозяйства в субъектах Российской Федерации, 2026 г.

Регионы	Вид поддержки
Московская область	Субсидия за органическое коровье и (или) козье молоко
Воронежская область	Компенсация затрат на сертификацию и ежегодные инспекции; компенсация затрат на разрешенные в органическом производстве препараты
Республика Татарстан	Субсидии с/х товаропроизводителям на развитие органической продукции
Приморский край	Повышающий коэффициент (1,5) возмещения части затрат с/х товаропроизводителей, связанных с технической и технологической модернизацией
Новосибирская область	Возмещение части затрат на подтверждение соответствия производства органической продукции межгосударственным и международным стандартам
Республика Мордовия	Субсидия на поддержку производства органического молока
Ямало-Ненецкий АО	Субсидия на оплату работ (услуг) по сертификации органической продукции
Томская область	Возмещение части затрат на посевы, где применяются технологии органического производства, а также затрат на сертификацию плодовых и ягодных насаждений
Ханты-Мансийский АО – Югра	Повышающий коэффициент 1,10 субсидии за реализацию органической продукции
Краснодарский край	Субсидии на возмещение части затрат субъектам АПК на производство и (или) сертификацию органической продукции

Одним из направлений экологической политики в сельском хозяйстве является совершенствование размещения сельскохозяйственного производства, его постепенное перемещение из регионов с высокими климатическими рисками в регионы, где такие риски меньше. Для этого *необходимо проведение сельскохозяйственного районирования страны.* Такие работы проводились в дореформенной экономике научно-исследовательскими институтами Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина и географическим факультетом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Этот опыт необходимо учесть, возродив практику районирования с использованием современных геоинформационных технологий и разработать комплекс мер по оптимизации размещения сельского хозяйства в рамках реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года.

Список литературы

1. Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2024 г. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2025. 352 с.

2. Сельское хозяйство в России. 2025: статистический сборник / Росстат. М., 2025. 81 с.

3. Площади, на которых применяются почвозащитные агротехнологии производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия // ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/62527 (дата обращения: 17.06.2026).

4. Сельскохозяйственные культуры и продукты животноводства // Фаостат. URL: https://www.fao.org/faostat/en/#data/QCL (дата обращения: 17.06.2026).

5. Окружающая среда // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11194 (дата обращения: 17.06.2026).

6. Охрана окружающей среды в России. 2024: статистический сборник / Росстат. М., 2024. 118 с.

7. Единый государственный реестр производителей органической продукции // Союз органического земледелия. URL: https://soz.bio/edinyy-gosudarstvennyy-reestr-proiz-3 (дата обращения: 17.06.2026).

8. Все органические производители России по регионам и зарубежные компании, сертифицированные по ГОСТ 33980-2016. URL: https://soz.bio/vse-organicheskie-proizvoditeli-ross/ (дата обращения: 17.06.2026).

9. Статистический бюллетень Росстата «Основные показатели охраны окружающей среды» за 2025 г., 2023 г., 2017 г., 2011 г., таблица «Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов» // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13294 (дата обращения: 17.06.2026).

10. Регионы // Фонд поддержки производителей органической продукции. URL: https://organicfund.ru/region (дата обращения: 17.06.2026).

References

1. Doklad o sostoyanii i ispol'zovanii zemel' sel'skohozyaistvennogo naznacheniya Rossiiskoi Federacii v 2024 g. [Report on the Status and Use of Agricultural Land in the Russian Federation in 2024]. Moscow, FGBNU "Rosinformagrotekh", 2025, 352 p. (In Russ.).

2. Sel'skoe hozyaistvo v Rossii. 2025: statisticheskii sbornik [Agriculture in Russia. 2025: Statistical Collection], Rosstat. Moscow, 2025, 81 p. (In Russ.).

3. Ploshchadi, na kotoryh primenyayutsya pochvozashchitnye agrotekhnologii proizvodstva sel'skohozyaistvennoi produkcii, syr'ya i prodovol'stviya [Areas Where Soil-Conserving Agricultural Technologies Are Used for the Production of Agricultural Products, Raw Materials, and Food], *EMISS*. (In Russ.). Available at: https://www.fedstat.ru/indicator/62527 (accessed 17 June 2026).

4. Sel'skohozyaistvennye kul'tury i produkty zhivotnovodstva [Agricultural Crops and Livestock Products], *Faostat*. (In Russ.). Available at: https://www.fao.org/faostat/en/#data/QCL (accessed 17 June 2026).

5. Okruzhayushchaya sreda [Environment], *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: https://rosstat.gov.ru/folder/11194 (accessed 17 June 2026).

6. Ohrana okruzhayushchei sredy v Rossii. 2024: statisticheskii sbornik [Environmental Protection in Russia. 2024: Statistical Collection], Rosstat. Moscow, 2024, 118 p. (In Russ.).

7. Edinyi gosudarstvennyi reestr proizvoditelei organicheskoi produkcii [Unified State Register of Organic Product Producers]. (In Russ.). Available at: https://soz.bio/edinyy-gosudarstvennyy-reestr-proiz-3 (accessed 17 June 2026).

8. Vse organicheskie proizvoditeli Rossii po regionam i zarubezhnye kompanii, sertificirovannye po GOST 33980-2016 [All organic producers in Russia by region and foreign companies certified according to GOST 33980-2016], *Soyuz organicheskogo zemledeliya* [Organic Farming Union]. (In Russ.). Available at: https://soz.bio/vse-organicheskie-proizvoditeli-ross/ (accessed 17 June 2026).

9. Statisticheskii byulleten' Rosstata "Osnovnye pokazateli ohrany okruzhayushchei sredy" za 2025 g., 2023 g., 2017 g., 2011 g., tablica "Investicii v osnovnoi kapital, napravlennye na ohranu okruzhayushchei sredy i racional'noe ispol'zovanie prirodnyh resursov" [Rosstat Statistical Bulletin "Key Environmental Protection Indicators" for 2025, 2023, 2017, 2011, Table "Investments in Fixed Capital Aimed at Environmental Protection and Rational Use of Natural Resources"], *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13294 (accessed 17 June 2026).

10. Regiony [Regions], *Fond podderzhki proizvoditelei organicheskoi produkcii* [Organic Producers Support Fund]. (In Russ.). Available at: https://organicfund.ru/region (accessed 17 June 2026).

AGROECOLOGICAL POLICY AND THE DEVELOPMENT OF ORGANIC FARMING IN RUSSIA

The achievement of the country's food independence and import substitution in the agro-food market happened through the intensification of agricultural production, which inevitably worsened the environmental problems of farming. At the same time, as people's well-being gradually increases, so does the demand for quality food. All of this brings the need to

tackle the environmental issues in agriculture and develop organic production into focus. The article looks at the current environmental situation in the agricultural sector – the condition of farmland, the impact of agriculture on pollution of the natural environment, and the level of development of organic farming. The need to move toward sustainable agricultural development is explained, along with the main directions for improving environmental policy in the sector (encouraging the use of soil protection technologies, increasing investment in environmental protection and the efficient use of natural resources in agriculture, and supporting organic product producers).

Keywords: sustainable agriculture, environmental policy in the agricultural sector, soil protection technologies, promotion of organic production.

JEL: Q10, Q35, Q54, Q57, R11

Дата поступления – 18.06.2026 *Принята к печати* – 25.06.2026

ПЕТРИКОВ Александр Васильевич

академик РАН, доктор экономических наук, профессор, руководитель; Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства» / Большой Харитоньевский пер., д. 21, стр. 1, г. Москва, 107078.
e-mail: av_petrikov@mail.ru

PETRIKOV Alexander V.

Academician RAS, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head;
All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics. A. A. Nikonov – branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Federal Scientific Center for Agrarian Economics and Social Development of Rural Territories – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics" / 21, Building 1, Bolshoy Kharitonevsky Lane, Moscow, 107078.
e-mail: av_petrikov@mail.ru

Для цитирования:

Петриков А.В. Агроэкологическая политика и развитие органического сельского хозяйства в России // Федерализм. 2026. Т. 31. № 2 (122). С. 52–67. DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2026-2-52-67

DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2026-2-68-86

М.Ш. БАСНУКАЕВ

РЕГИОНАЛЬНАЯ НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ДИНАМИЧНОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Региональная налоговая политика является стратегическим инструментом стимулирования экономического роста и развития территории. Механизмы применения льготных налоговых режимов (УСН 1%, АвтоУСН) влияют на динамику валового регионального продукта, инвестиционную активность и налоговые поступления в бюджет. Исследование по Чеченской Республике за 2015–2025 гг. демонстрирует, что целенаправленная налоговая политика способствует росту ВРП с 154,4 млрд руб. в 2015 г. до 397,0 млрд руб. в 2025 г. (прирост 116,6%), увеличению налоговых поступлений на 41% в 2024 г. и привлечению инвестиций в объеме 198,8 млрд руб. в 2024 г. Чеченская Республика занимает лидирующие позиции в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) по темпам роста налоговых доходов, превышая среднерегиональный показатель на 17,5 процентных пунктов.

Ключевые слова: региональная налоговая политика, Чеченская Республика, специальные налоговые режимы, инвестиции, малое и среднее предпринимательство.

JEL: H21, H71, R11, R58

Региональная налоговая политика в современных условиях представляет собой один из ключевых рычагов государственного воздействия на социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации. В ситуации усиления роли регионов в обеспечении устойчивого экономического развития страны особенно значимым становится вопрос *о результативности применения налоговых инструментов* для стимулирования предпринимательства, привлечения инвестиций и расширения налоговой базы территорий.

Значимость рассматриваемой проблематики возрастает на фоне масштабной налоговой реформы 2025 г., ставшей одной из наиболее глубоких и комплексных трансформаций российского налогового законодательства за последние двадцать лет. Проведенные изменения, нацеленные прежде всего на увеличение доходов федерального бюджета

за счет введения прогрессивной шкалы НДФЛ, повышения ставки налога на прибыль организаций с 20 до 25%, увеличения ставки налога на добавленную стоимость с 20 до 22%[1], а также расширения сферы применения упрощенной системы налогообложения, существенно трансформируют структуру финансовых ресурсов региональных бюджетов и изменяют условия функционирования предпринимательского сектора.

Чеченская Республика представляет особый интерес для анализа региональной налоговой политики ввиду особенностей ее социально-экономического развития. Регион, прошедший сложный этап посткризисного восстановления, в последние годы демонстрирует устойчивый рост ключевых макроэкономических показателей и усиление деловой активности.

Использование льготных налоговых режимов, в том числе упрощенной системы налогообложения со сниженной ставкой 1% от дохода[2], а также внедрение с 2025 г. автоматизированной упрощенной системы налогообложения (АвтоУСН)[3], способствовало заметному уменьшению налоговой нагрузки на малые и средние предприятия. Это создало дополнительные стимулы для легализации предпринимательской деятельности, повышения инвестиционной привлекательности региона и расширения налоговой базы без увеличения фискального давления на бизнес.

По итогам 2024 г. рост налоговых поступлений в бюджет Чеченской Республики составил 41% к уровню предыдущего года – наибольший показатель среди субъектов СКФО. Инвестиционная активность также демонстрирует позитивную тенденцию: объем инвестиций в основной капитал в 2024 г. составил 198,8 млрд руб., что на 36,3 млрд руб. больше, чем в предыдущем году [1].

В статье предпринята попытка комплексного анализа региональной налоговой политики Чеченской Республики и оценка ее эффективности как инструмента стимулирования динамичного социально-экономического развития территории.

Теоретические основы региональной налоговой политики

В экономической теории налоговая политика рассматривается как важнейший инструмент фискального регулирования, обеспечивающий баланс между фискальной функцией (мобилизацией доходов в бюджет) и регулирующей функцией (стимулированием экономической активности). Региональный уровень налоговой политики характеризуется особой спецификой, обусловленной необходимостью учета терри-

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ).

[2] Закон Чеченской Республики от 27 ноября 2015 г. № 49-РЗ «О ставках налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения».

[3] Закон Чеченской Республики от 29 ноября 2024 г. № 59-РЗ «О введении на территории Чеченской Республики специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения».

ториальных особенностей экономического развития при ограниченных полномочиях субъектов в области налогового регулирования.

Развитие региональной налоговой политики в современной России связано с углублением фискальной децентрализации и одновременно с высокой степенью централизации наиболее доходных налогов на федеральном уровне. Региональная налоговая политика в этих условиях выступает важнейшим инструментом воздействия на налоговый потенциал территории, структуру налоговых поступлений и условия хозяйствования для налогоплательщиков. Теоретическое осмысление данной категории в отечественной науке опирается на общую теорию налогов и налогообложения, разработанную в трудах В.Г. Панскова [2], Л.И. Гончаренко[1], И.А. Майбурова[2], Л.Н. Лыковой [3] и других исследователей.

Остановимся на региональном срезе этой проблемы. С позиций российской финансовой науки, *региональная налоговая политика* представляет собой системно организованный комплекс мер, реализуемых органами государственной власти субъекта Российской Федерации в рамках предоставленных ему налоговых полномочий. К таким мерам относятся установление и дифференциация ставок по региональным налогам, определение условий и порядка применения налоговых льгот и преференций, выбор параметров специальных налоговых режимов, а также выработка подходов к администрированию и контролю за поступлением налоговых доходов в региональный бюджет. При этом региональная налоговая политика призвана обеспечить баланс между фискальной функцией налогов (формирование устойчивой доходной базы бюджета субъекта) и их регулирующей функцией (стимулирование структурной модернизации, инвестиций и сбалансированного территориального развития).

Эффективность региональной налоговой политики оценивается по комплексу критериев, включающих динамику валового регионального продукта, объем налоговых поступлений в бюджет, уровень инвестиционной активности, показатели развития малого и среднего предпринимательства, уровень безработицы и доходов населения. Инструменты региональной налоговой политики систематизированы в *таблице 1.*

При этом успешная региональная налоговая политика характеризуется оптимальным сочетанием фискальной достаточности и стимулирующего воздействия на экономику: регионы, применяющие льготные налоговые режимы для малого и среднего бизнеса, демонстрируют более высокие темпы экономического роста по сравнению с территориями, ориентированными исключительно на максимизацию текущих налоговых поступлений.

---

[1] Налоги и налоговая система Российской Федерации: учебник для вузов / отв. ред. Л.И. Гончаренко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2026. 465 с.

[2] Налоговая политика. Теория и практика: учебник для магистрантов, обучающихся по специальностям «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Мировая экономика» / под ред. И.А. Майбурова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 519 с.

Таблица 1

Инструменты региональной налоговой политики

Инструмент	Характеристика
Региональные налоговые ставки	Установление ставок по налогу на имущество организаций, транспортному налогу в пределах, определенных федеральным законодательством
Налоговые льготы	Предоставление освобождений, вычетов, сниженных ставок для отдельных категорий налогоплательщиков или видов деятельности
Специальные налоговые режимы	Применение упрощенных систем налогообложения (УСН, ЕСХН, АвтоУСН) с региональными особенностями
Налоговые каникулы	Временное освобождение от уплаты региональных налогов для стимулирования приоритетных видов деятельности
Инвестиционный налоговый кредит	Предоставление отсрочки уплаты налогов для реализации инвестиционных проектов

Особое значение в современных условиях приобретает способность региональной налоговой политики адаптироваться к факторам неопределенности, таким как экономические кризисы, пандемии, внешние санкции. Гибкость налоговой системы, выражающаяся в возможности оперативного введения антикризисных мер поддержки бизнеса, становится важнейшим условием устойчивости регионального развития. Среди ключевых факторов, влияющих на эффективность региональной налоговой политики, выделяют экономический потенциал региона, институциональную среду, демографические характеристики, географическое положение, инвестиционный климат.

Институциональное исследование, охватившее 85 субъектов Российской Федерации за период 2020–2024 гг., выявило *существенную пространственную неоднородность* результатов налогового стимулирования: корреляционный анализ показал усиление синхронной динамики ВРП и налоговой нагрузки ($r \approx 0{,}867$); при этом формальное снижение налоговой нагрузки без развития институциональной инфраструктуры не гарантирует достижения экономических эффектов.

Налоговая реформа 2025 г. внесла существенные коррективы в конфигурацию налоговых полномочий регионов. Проведенный анализ [4] свидетельствует, что в первом полугодии 2025 г. мероприятия реформы более выраженно сказались на доходах федерального бюджета, нежели на доходах субфедеральных бюджетов: поступления налога на прибыль в региональные бюджеты сократились, тогда как рост НДФЛ был более выражен для федерального уровня. Это подтверждает тенденцию к дальнейшей централизации налоговых доходов.

Рассмотрим ситуацию в Чеченской Республике в этих условиях.

Динамика ключевых показателей социально-экономического развития Чеченской Республики

Анализ социально-экономического развития Чеченской Республики в период 2015–2025 гг. свидетельствует о последовательном наращивании экономического потенциала региона и формировании устойчивых предпосылок для динамичного роста.

ВРП Чеченской Республики демонстрирует устойчивую положительную динамику на протяжении анализируемого периода (*табл. 2*). Ключевые данные свидетельствуют о следующей динамике: в 2005 г. – 22,9 млрд руб.; 2015 г. – 154,4 млрд руб.; 2020 г. – 251,9 млрд руб.; 2023 г. – 397,2 млрд руб. Согласно итогам 2025 г., ВРП Чеченской Республики составил 397 млрд руб. – на 16,6% больше, чем за 2024 г. Таким образом, за восемнадцать лет (2005–2023 гг.) номинальный объем ВРП увеличился в 17,3 раза, а за последние восемь лет (2015–2023 гг.) – в 2,6 раза, что свидетельствует о высоких темпах экономического развития Республики.

Таблица 2

Динамика валового регионального продукта Чеченской Республики, 2005–2025 гг.

Год	ВРП всего, млн руб.	Численность населения (на конец года), тыс. чел.	ВРП на душу населения, руб.
2005	22 898,9	1 152,3	20 038,4
2010	70 694,9	1 275,1	55 995,7
2015	154 401,4	1 394,7	111 676,6
2019	241 643,4	1 477,7	164 713,8
2020	251 873,2	1 496,6	169 364,1
2021	278 784,6	1 514,6	185 164,8
2022	314 434,5	1 533,2	206 334,5
2023	397 223,4	1 552,9	257 429,5
2025*)	~397 000	1 576,6*)	~251 900*)

Источник: [1].

*) Предварительные данные по итогам 2025 г.

ВРП на душу населения показывает позитивную динамику: с 20,1 тыс. руб. в 2005 г. до 257,4 тыс. руб. в 2023 г. (прирост на 1 184,7%). Экономика Чеченской Республики характеризуется диверсифицированной отраслевой структурой с преобладанием строительства, сельского хозяйства и туризма. Объем строительных работ в 2024 г. составил 167 894,6 млн руб. против 121 138,8 млн руб. в 2023 г. (прирост 38,6%); сельскохозяйственное производство достигло 60 879,8 млн руб. (прирост

7,4%). Индекс промышленного производства в 2024 г. составил 106,6% к уровню 2023 г.

Инвестиции в основной капитал – ключевой драйвер экономического роста Чеченской Республики (*табл. 3*).

Таблица 3

Инвестиции в основной капитал

Год	Сумма, млн руб.	% к предыдущему году
2010	50 369,4	—
2015	58 844,0	116,8
2019	79 776,6	135,6
2020	76 462,8	95,8
2021	83 282,3	108,9
2022	118 560,3	142,3
2023	162 505,3	137,1
2024	198 826,5	122,4

Источник: [5].

С 2020 г. инвестиции в основной капитал имеют нарастающую динамику. В январе – сентябре 2025 г. в Чеченской Республике использовано 170 849,0 млн руб. инвестиций в основной капитал, что на 4,7% в сопоставимых ценах больше, чем в аналогичном периоде 2024 г.

В Стратегии социально-экономического развития Чеченской Республики до 2035 г. отмечается реализация 639 проектов стоимостью свыше 252 млрд руб. с созданием более 21 тыс. рабочих мест[1]. С начала 2025 г. в городе Грозном завершена реализация 90 инвестиционных проектов на общую сумму 45,46 млрд руб. В активной стадии находятся еще 114 новых проектов с совокупным объемом финансирования свыше 124 млрд руб. и созданием более 9 370 рабочих мест. Среди ключевых объектов – «Ахмат-Тауэр», битумное производство на базе ПАО «НК “Роснефть”», мраморный цех, проекты по переработке труб компании «Трубный поток».

Примечательно, что консолидированный бюджет Чеченской Республики (*табл. 4*) в 2025 г. исполнен с профицитом в размере 3 157,1 млн руб. Доходы консолидированного бюджета республики в 2025 г. сложились в сумме 176 353,1 млн руб. и выросли по сравнению с 2024 г. на 11,1%; расходы профинансированы в объеме 173 196,0 млн руб. (рост 7,7%). Консолидированный бюджет по налоговым и неналоговым доходам перевыполнен на 22%, поступления по налогу на прибыль превысили план на 424 млн руб.

[1] Стратегия социально-экономического развития Чеченской Республики до 2035 года. (утв. Распоряжением Правительства Чеченской Республики от 4 марта 2021 г. № 145).

Таблица 4

***Консолидированный бюджет Чеченской Республики** (в млн руб.)*

Год	Доходы	Расходы	Профицит / дефицит
2010	67 184,1	68 028,7	-844,6
2015	84 294,4	85 052,0	-757,5
2019	114 717,6	114 887,6	-170,0
2020	145 860,4	147 116,8	-1 256,4
2021	157 862,0	159 584,4	-1 722,4
2022	171 549,0	177 485,7	-5 936,7
2023	179 774,4	191 003,1	-11 228,7
2024	186 633,0	188 811,4	-2 178,4
2025	176 353,1	173 196,0	+3 157,1

Источник: [1].

Налоговые поступления в консолидированный бюджет Чеченской Республики демонстрируют устойчивый рост (*табл. 5*).

Таблица 5

***Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации по Чеченской Республике** (в млн руб.)*

Налог	2020	2021	2022	2023	2024
Всего	18 728,1	21 653,3	25 275,5	24 163,5	35 165,1
Налог на прибыль организаций	1 207,8	1 849,2	1 725,4	1 743,8	2 275,2
НДФЛ	11 394,6	11 963,8	13 602,7	14 349,3	19 295,1
НДС	1 522,9	2 404,8	3 569,5	2 424,7	3 666,6
Платежи за природные ресурсы	425,3	663,7	376,0	12,6	18,8
Налоги на имущество	3 579,3	3 833,2	4 485,2	3 521,9	5 832,1
Прочие	598,2	938,6	1 516,7	2 111,2	4 077,3

Источник: [1].

Общий объем поступлений вырос с 18,7 млрд руб. в 2020 г. до 35,2 млрд руб. в 2024 г. (почти в 1,9 раза), что свидетельствует о расширении налоговой базы региона и росте налоговой нагрузки в абсолютном выражении. По итогам 2025 г. налоговые поступления достигли

39,3 млрд руб. при плановом значении 35,5 млрд руб. (исполнение 110,6%), причем рост к уровню 2024 г. составил 122%.

Наиболее значимым источником доходов выступает НДФЛ: его поступления увеличиваются с 11,4 млрд руб. в 2020 г. до 19,3 млрд руб. в 2024 г. Это отражает ведущую роль фонда оплаты труда в формировании налоговой базы региона, а также рост официальной занятости и уровня заработной платы. Аналогичную общероссийскую тенденцию фиксирует Счетная палата Российской Федерации: по итогам 2025 г. именно НДФЛ обеспечил 75,7% совокупного прироста всех поступлений в консолидированные бюджеты субъектов Федерации[1].

Налоги на имущество демонстрируют устойчивый рост с 3,58 млрд руб. в 2020 г. до 5,83 млрд руб. в 2024 г., что указывает на расширение имущественной базы и совершенствование кадастровой оценки. НДС существенно увеличился – с 1,52 млрд руб. до 3,67 млрд руб. за 2020–2024 гг., что свидетельствует об укреплении налоговой базы по косвенным налогам и росте объема облагаемых оборотов.

Развитие малого и среднего предпринимательства в Чеченской Республике характеризуется одновременным ростом занятости и более быстрым увеличением оборота (*табл. 6*).

Таблица 6

Оборот и средняя численность работников малых предприятий (включая микропредприятия), 2023–2024 гг.

Вид деятельности	Числ. работников, 2023, чел.	Оборот, 2023, млн руб.	Числ. работников, 2024, чел.	Оборот, 2024, млн руб.
Всего	26 181	182 890,9	28 523	233 986,3
Строительство	6 837	53 328,8	7 914	69 307,1
Торговля оптовая и розничная	7 674	89 507,1	7 378	107 480,1
Транспортировка и хранение	1 142	4 508,8	1 675	10 483,8
Обрабатывающие производства	1 922	12 304,3	1 958	13 422,3
Здравоохранение и соц. услуги	1 852	1 879,0	2 166	2 619,8
Деятельность в области инф. и связи	302	1 160,6	385	2 217,3
Прочие виды деятельности	6 452	20 201,3	7 047	28 455,8

Источник: [1].

[1] Оперативный доклад о ходе исполнения консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации за январь – декабрь 2025 года. URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/a17/zr1us2ahf2g6b9b6z3k4ij6kdwim0dmr/Operdoklad-IV-2025-KBS-20260306.pdf

Средняя численность работников малых предприятий увеличилась с 26,2 тыс. до 28,5 тыс. чел., тогда как оборот вырос с 182,9 до 234,0 млрд руб. (+27,9%), что свидетельствует о повышении производительности труда в секторе МСП. В 2025 г. количество субъектов МСП выросло на 18%, а число самозанятых – на 22%.

Крупнейшими по масштабу оборота остаются строительство и оптово-розничная торговля: в сумме они формируют значительную часть оборота МСП, причем в обоих видах деятельности наблюдается рост и занятости, и выручки. Это подтверждает ведущую роль строительного комплекса и торговли в экономике малого бизнеса региона.

Таким образом, комплексный анализ социально-экономического развития Чеченской Республики *свидетельствует о формировании устойчивых тенденций экономического роста,* наращивании производственного и инвестиционного потенциала, что создает благоприятные предпосылки для дальнейшего динамичного развития территории.

Механизмы и инструменты региональной налоговой политики Чеченской Республики

Региональная налоговая политика Чеченской Республики характеризуется *системным применением широкого спектра налоговых инструментов,* направленных на стимулирование предпринимательской активности, привлечение инвестиций и формирование устойчивой доходной базы регионального бюджета [6].

Ключевым инструментом является применение льготной ставки УСН в размере 1% от дохода для индивидуальных предпринимателей и организаций[1]. Данная мера была введена для создания максимально благоприятных условий для развития малого и среднего бизнеса в республике. Льготная ставка 1% применяется к налогоплательщикам, выбравшим в качестве объекта налогообложения «доходы», что существенно снижает налоговое бремя по сравнению со стандартной ставкой 6%, действующей в большинстве регионов России. Опрос предпринимателей, проведенный в 2022 г., показал, что 67% респондентов назвали льготную ставку УСН ключевым фактором при принятии решения о регистрации бизнеса в Чеченской Республике.

С 1 января 2025 г. в Чеченской Республике введен специальный налоговый режим «Автоматизированная упрощенная система налогообложения»[2]. Введение данного режима вписывается в логику расширения эксперимента по АвтоУСН, запущенного в России с 1 июля 2022 г., согласно Федеральному закону от 25 февраля 2022 г. № 17-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального

[1] Закон Чеченской Республики от 27 ноября 2015 г. № 49-РЗ «О ставках налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения».

[2] Закон Чеченской Республики от 29 ноября 2024 г. № 59-РЗ «О введении на территории Чеченской Республики специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения».

налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения». Параметры режима АвтоУСН в Чеченской Республике представлены в *таблице 7.*

Таблица 7

Параметры режима АвтоУСН в Чеченской Республике

Параметр	Характеристика
Налоговые ставки	8% от доходов или 20% от разницы между доходами и расходами
Периодичность уплаты	Ежемесячно (вместо ежеквартально при обычной УСН)
Страховые взносы	Освобождение от уплаты страховых взносов за работников
Отчетность	Автоматизированный учет через систему налогового органа
Лимиты	Численность работников до 5 чел., доход до 60 млн руб. в год
Расчеты	Только через онлайн-кассы, подключенные к ФНС

Источник: ФНС России; Закон Чеченской Республики от 29 ноября 2024 г. № 59-РЗ.

Внедрение АвтоУСН ориентировано на предельное упрощение налогового учета и администрирования для микропредприятий, снижение регуляторной нагрузки и создание стимулов для вывода бизнеса из тени. Исследование А.М. Садыкова [7], посвященное трансформации налогового режима для малых форм предпринимательства, показывает, что расширение специальных режимов с минимизированными требованиями к отчетности *формирует реальную мотивацию* к легализации деятельности микробизнеса. Показательно, что с 1 января 2025 г. в рамках расширения пилотного проекта налогоплательщикам, применяющим УСН или налог на профессиональный доход, предоставлена возможность перехода на АвтоУСН с первого числа любого месяца, что повышает гибкость выбора режима.

Налоговая политика региона в части налога на имущество организаций строится на принципе адресного стимулирования инвестиций. При базовой ставке 2,2% предусмотрены пониженные ставки для крупных инвестиционных проектов стоимостью свыше 1 млрд руб. на уровне от 0,2 до 1%, а также специальные льготы для компаний, реализующих приоритетные инвестиционные проекты[1]. Такая модель позволяет создавать ощутимые финансовые преимущества для инвесторов, вкладывающих средства в масштабные проекты, и тем самым способствует притоку капитала и расширению производственной базы региона.

[1] Закон Чеченской Республики от 13 октября 2006 г. № 33-рз «О налоге на имущество организаций» (с изменениями и дополнениями).

Правительством Чеченской Республики утверждена Программа по развитию и реализации налогового потенциала региона на 2024–2026 гг.[1] Основные направления программы следующие: стимулирование инвестиционной активности через налоговые преференции; развитие приоритетных отраслей экономики (АПК, туризм и др.); повышение собираемости налогов через цифровизацию налогового администрирования; снижение задолженности по налоговым платежам; расширение налогооблагаемой базы за счет легализации теневого оборота. Программа предусматривает прирост налоговых доходов на 225,6 млн руб. за счет активизации инвестиционной деятельности. В 2026 г. запланирована реализация 73 проектов на сумму 42,7 млрд руб.

Эффективность налогового администрирования подтверждается высокими темпами роста налоговых поступлений и лидирующими позициями республики в СКФО по динамике доходов бюджета.

В период пандемии COVID-19 и в условиях внешних санкционных ограничений региональные власти оперативно реагировали на изменение экономической ситуации, внедряя антикризисные меры поддержки бизнеса. Несмотря на рост недоимки на 25,9% в период пандемии, целенаправленные меры по поддержке налогоплательщиков позволили восстановить позитивную динамику налоговых поступлений.

В целом налоговая политика Чеченской Республики отличается *комплексным применением разнообразных налоговых инструментов* и взвешенным сочетанием фискальных и стимулирующих целей. Такой подход формирует благоприятную налоговую среду и способствует ускоренному социально-экономическому развитию региона.

Влияние налоговой политики на динамику экономического развития

Анализ взаимосвязи проводимой налоговой политики с динамикой основных социально-экономических показателей Чеченской Республики позволяет судить об эффективности используемых налоговых инструментов. Важно не только фиксировать изменения налоговой нагрузки, но и сопоставлять их с результатами в сфере производства, занятости и инвестиционной активности.

Практика применения льготных налоговых режимов в республике показывает устойчивую положительную связь с ростом валового регионального продукта. С начала активного использования УСН со ставкой 1% (с 2015 г.) объем ВРП увеличился с 154,4 млрд руб. до 315,1 млрд руб. в 2022 г. (рост на 104,1%), а по предварительным итогам 2025 г. достиг 397 млрд руб. Такая динамика объясняется следующей логикой воздействия: снижение налоговой нагрузки ведет к высвобождению финансовых ресурсов у хозяйствующих субъектов; эти средства направляются на расширение и модернизацию бизнеса, что способ-

[1] Распоряжение Правительства Чеченской Республики от 29 декабря 2023 г. № 442-р «Об утверждении Программы развития экономического и налогового потенциала Чеченской Республики на 2024–2026 годы».

ствует росту объемов производства и занятости, а в конечном итоге увеличению ВРП региона.

Результаты проведенных исследований показывают, что налоговые преференции обладают *выраженным мультипликативным эффектом*. Каждый рубль выпадающих доходов бюджета за счет предоставленных льгот обеспечивает прирост валового регионального продукта порядка 2,5–3 руб. [8]. Это подтверждает, что при грамотной настройке налоговых стимулов потери бюджета в краткосрочном периоде компенсируются более высоким темпом экономического роста и расширением налоговой базы в среднесрочной перспективе.

Парадоксальным, на первый взгляд, результатом налоговой политики Чеченской Республики является то, что *снижение налоговых ставок привело к значительному росту абсолютного объема налоговых поступлений*. Это явление соответствует концепции кривой Лаффера: снижение ставок ниже определенного уровня стимулирует экономическую активность настолько, что общий объем налоговых поступлений возрастает. Динамика подтверждает данный эффект: 2023 г. – 27,9 млрд руб. (базовый уровень); 2024 г. – 37,1 млрд руб. (рост 33,4%); 2025 г. – факт на 1 декабря 2025 г. составил 39,3 млрд руб. при плане 35,5 млрд руб. (исполнение 110,6%). Таким образом, за два года (2023–2024) абсолютный прирост налоговых поступлений составил 9,2 млрд руб., или 33,4%, что значительно превышает темпы инфляции.

Благоприятная налоговая среда является одним из ключевых факторов, определяющих инвестиционную привлекательность региона. По данным за 2022 г. объем инвестиций составил 119,5 млрд руб. (рост 41,8%); 2023 г. – 135 млрд руб. (рост 12,7%); 2024 г. – 198,8 млрд руб. (рост 22,4%); январь – сентябрь 2025 г. – 170,8 млрд руб. (рост 4,7% в сопоставимых ценах). Реализация 562 инвестиционных проектов до 2030 г. на сумму 537 млрд руб. с созданием 53 тыс. рабочих мест стала возможной благодаря, в том числе, конкурентоспособной налоговой системе.

Сравнение динамики экономического развития Чеченской Республики с другими субъектами Северо-Кавказского федерального округа подтверждает эффективность реализуемой налоговой политики (*табл. 8*).

Таблица 8

Сравнительные показатели Чеченской Республики и регионов СКФО, 2024 г.

Показатель	Чеченская Республика	Средний показатель СКФО
Темп роста налоговых поступлений, %	133,4 (41 – в абсолютном выражении)	115,9
Превышение среднего показателя, процентных пунктов	–	+17,5
Место в СКФО по динамике налоговых доходов	1 место	–
Рост собственных доходов, %	33	16

Источник: [9].

По данным совещания полпреда Президента России в СКФО, рост налоговых поступлений в Чеченской Республике за 2024 г. составил 41% – наибольший показатель в макрорегионе. Рост собственных (налоговых и неналоговых) доходов в Чеченской Республике достиг 33%, против 16% в среднем по округу.

По итогам девяти месяцев 2025 г. доходы бюджетов республик СКФО составили 628,74 млрд руб. (+9,7% к аналогичному периоду 2024 г.). Собственные налоговые и неналоговые доходы по округу выросли на 15%, причем пять из семи субъектов округа завершают год с профицитом бюджета. Чеченская Республика является одним из регионов-лидеров этой тенденции, завершив 2025 г. с профицитом в 3,16 млрд руб.[1]

Экономический рост, стимулируемый льготной налоговой политикой, транслируется в улучшение социальных показателей: создание новых рабочих мест в малом и среднем бизнесе; рост доходов населения за счет развития предпринимательства; увеличение поступлений НДФЛ в бюджет, что позволяет финансировать социальные программы. В 2025 г. количество субъектов МСП выросло на 18%, а число самозанятых – на 22%. Прибыль крупных и средних организаций выросла на 13,6% в 2024–2025 гг., что создает основу для повышения заработной платы работников.

Несмотря на общую позитивную динамику, необходимо учитывать *потенциальные риски* реализуемой налоговой политики.

Во-первых, это риск «налогового демпинга», когда привлечение компаний в регион осуществляется преимущественно за счет пониженных ставок и льгот, но не сопровождается реальным расширением производственного сектора и созданием добавленной стоимости.

Во-вторых, серьезным ограничением остается высокая зависимость республиканского бюджета от межбюджетных трансфертов: доля безвозмездных поступлений из федерального бюджета в структуре доходов Чеченской Республики достигает 83,6%, что свидетельствует о недостаточной сформированности собственной доходной базы.

В-третьих, существует риск виртуальной релокации налоговых баз, когда юридические лица регистрируются в регионе для использования льгот, не перенося при этом фактическую хозяйственную деятельность и занятость.

В-четвертых, влияние налоговой реформы 2025 г. проявляется через сохранение опережающего роста бюджетных расходов по отношению к доходам, что, как показывают исследования, ведет к увеличению дефицитов региональных бюджетов и усилению долговой нагрузки субфедерального уровня [4].

Наконец, результаты современных работ подчеркивают выраженную пространственную неоднородность в результативности применения на-

[1] Рассмотрены вопросы бюджетной и налоговой политики в субъектах Северо-Кавказского округа. URL: http://www.skfo.gov.ru/press/events/2921/

логовых стимулов: само по себе снижение налоговой нагрузки не гарантирует достижения заметных экономических эффектов без параллельного развития институциональной среды, повышения качества управления и формирования благоприятного инвестиционного климата [10].

Проблемы и перспективы развития региональной налоговой политики

Несмотря на достигнутые результаты, действующая региональная налоговая политика Чеченской Республики сталкивается *с целым рядом ограничений и вызовов,* преодоление которых требует комплексного и системного подхода к ее дальнейшему совершенствованию.

Проблема 1. Высокая зависимость от федеральных трансфертов. Доля безвозмездных поступлений из федерального бюджета в структуре доходов республиканского бюджета составляет 83,6%. Налоговая реформа 2025 г. усиливает эту тенденцию: по данным Счетной палаты Российской Федерации, по итогам 2025 г. сдерживающее влияние на динамику доходов регионов оказало значительное снижение поступлений налога на прибыль организаций (-8,6% в целом по стране)[1].

Проблема 2. Наличие налоговой задолженности. Несмотря на активную работу по снижению задолженности (сокращение более чем на 2 млрд руб. по итогам 2025 г.), проблема остается актуальной. В период пандемии COVID-19 недоимка выросла на 25,9%, что потребовало дополнительных усилий по ее погашению.

Проблема 3. Теневой сектор экономики. Сохраняется значительная доля теневого сектора экономики, не охваченного налоговым учетом. По экспертным оценкам, легализация теневого оборота может увеличить налоговые поступления на 15–20%.

Проблема 4. Ограниченность полномочий регионального уровня. Субъекты Российской Федерации имеют ограниченные полномочия в области налогового регулирования. В.Г. Пансков [8] указывает, что основные налоги (НДС, налог на прибыль, НДФЛ) регулируются федеральным законодательством. Налоговая реформа 2025 г. дополнительно централизует налоговые доходы: в частности, сохранение «временного» с 2017 г. закрепления 1 процентного пункта ставки налога на прибыль за федеральным бюджетом и повышение федеральной составляющей ставки с 2025 г. ограничивают региональный налоговый суверенитет.

В качестве перспективных направлений снижения степени негативных последствий перечисленных проблем выделим шесть.

1. Расширение специальных налоговых режимов. Успешный опыт внедрения АвтоУСН с 2025 г. открывает перспективы для постепенного повышения лимитов (по численности работников – с 5 до 10 чел.;

[1] Оперативный доклад о ходе исполнения консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации за январь – декабрь 2025 года. URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/a17/zr1us2ahf2g6b9b6z3k4ij6kdwim0dmr/Operdoklad-IV-2025-KBS-20260306.pdf

по годовому доходу – с 60 до 100 млн руб.); распространения освобождения от страховых взносов на более широкие категории микробизнеса. Проводимые в 2025–2026 гг. реформы УСН (расширение верхней границы базы с 250 млн до 450 млн руб. в год) уже привели к росту поступлений налога на совокупный доход в регионах на 11,1% в январе – августе 2025 г.

2. Дифференциация налоговых льгот по территориальному признаку. Учитывая географические особенности республики, целесообразно введение дополнительных налоговых преференций для бизнеса, ведущего деятельность в горных районах с ограниченной транспортной доступностью: дополнительное снижение ставки УСН до 0,5%; налоговые каникулы на 3 года для вновь создаваемых предприятий в горных районах; льготы по земельному и имущественному налогам. Данный подход согласуется с международным опытом пространственно-дифференцированного налогового стимулирования.

3. Усиление цифровизации налогового администрирования. Программа развития налогового потенциала в 2024–2026 гг. предусматривает активное внедрение цифровых технологий. Л.И. Гончаренко и А.С. Адвокатова [11] констатируют, что синергия цифровых технологий и сервисной модели деятельности налоговых органов выступает драйвером развития налогового администрирования. Перспективные направления: расширение использования онлайн-сервисов ФНС; системы автоматического мониторинга налоговой нагрузки; создание единой цифровой платформы для инвесторов; развитие предиктивной аналитики.

4. Стимулирование приоритетных отраслей экономики. Целевое применение налоговых льгот: туризм и рекреация (ОЭЗ «Ведучи») – освобождение от налога на имущество и земельного налога на 10 лет; промышленное производство (ОЭЗ «Грозный») – инвестиционный налоговый кредит на срок до 5 лет; сельское хозяйство и переработка – применение ЕСХН с нулевой ставкой на первые 5 лет; высокотехнологичные производства – полное освобождение от региональных налогов на период окупаемости проекта.

5. Легализация теневого сектора. Комплекс мер по выводу бизнеса из тени: налоговая амнистия для добровольно легализовавшихся налогоплательщиков; упрощение процедур регистрации и отчетности; информационные кампании; контроль за соблюдением среднеотраслевой налоговой нагрузки.

6. Создание системы мониторинга и оценки эффективности. Разработка системы KPI для оценки результативности налоговых льгот; регулярный анализ соотношения «выпадающие доходы бюджета / прирост ВРП»; публикация ежегодных отчетов об эффективности налоговой политики. Данная мера приобретает особую актуальность в условиях налоговой реформы 2025 г., последствия которой для региональных бюджетов оцениваются неоднозначно.

С учетом объявления 2026 г. в Чеченской Республике Годом малого и среднего предпринимательства (МСП), целесообразно реализовать по-

этапную программу развития региональной налоговой политики: 2026 г. (Год МСП) – максимальное расширение льгот для малого бизнеса, налоговая амнистия; 2027 г. – фокус на инновационном предпринимательстве; 2028 г. – стимулирование экспортно-ориентированных производств; 2029 г. – развитие туристского и рекреационного кластера; 2030 г. – комплексная оценка результатов и формирование стратегии до 2035 г.

* * *

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

1. Участие регионов в реализации налоговой политики на их территории является эффективным инструментом стимулирования экономического роста. Опыт Чеченской Республики демонстрирует, что целенаправленное применение налоговых льгот и специальных режимов способствует значительному ускорению темпов экономического развития: по итогам 2025 г. ВРП составил 397 млрд руб. – на 16,6% больше, чем в 2024 г.

2. Снижение налоговых ставок при определенных условиях приводит к росту абсолютного объема налоговых поступлений. Применение льготной ставки УСН 1% и внедрение АвтоУСН способствовали расширению налоговой базы: по итогам 2025 г фактическое исполнение плана по налоговым поступлениям составило 110,6% при росте к 2024 г. на 22%. Это подтверждает действие эффекта Лаффера в региональном контексте.

3. Чеченская Республика демонстрирует лидирующие позиции среди регионов СКФО по динамике экономического развития. По темпам роста налоговых доходов республика в 2024 г. заняла первое место в макрорегионе, превысив среднерегиональный показатель на 17,5 процентного пункта.

4. Налоговая политика оказывает мультипликативное воздействие на экономику региона. Снижение налогового бремени стимулирует рост числа субъектов МСП (+18%) и самозанятых (+22%), активизирует инвестиционную деятельность (объем инвестиций в основной капитал достиг 198,8 млрд руб. в 2024 г.).

5. Специальные налоговые режимы (УСН 1%, АвтоУСН) являются наиболее действенными инструментами стимулирования МСП. Внедрение АвтоУСН с 2025 г. открывает новые возможности для развития микробизнеса.

6. Сохраняются системные вызовы: высокая зависимость регионального бюджета от федеральных трансфертов (83,6% доходов), воздействие налоговой реформы 2025 г., усиливающее централизацию налоговых доходов, наличие теневого сектора экономики.

7. Перспективы развития региональной налоговой политики связаны с расширением специальных налоговых режимов, дифференциацией

льгот по территориальному признаку (горные районы), усилением цифровизации налогового администрирования, целевым стимулированием приоритетных отраслей, легализацией теневого сектора и созданием системы мониторинга эффективности налоговой политики.

Практическая значимость исследования заключается в формировании научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию региональной налоговой политики, которые могут быть использованы органами государственной власти Чеченской Республики при разработке программ социально-экономического развития, а также применены в других регионах Российской Федерации с учетом их специфики.

Таким образом, региональная налоговая политика Чеченской Республики представляет собой успешный пример использования налоговых инструментов для стимулирования динамичного экономического развития территории, демонстрируя возможность достижения высоких темпов роста ВРП, увеличения налоговых поступлений и активизации предпринимательской деятельности за счет создания благоприятной налоговой среды для бизнеса.

Список литературы

1. Чеченский статистический ежегодник. 2025 / Чеченстат. Грозный 2025. 253 с.

2. *Пансков В.Г.* Проблемы и перспективы налоговой политики в целях устойчивого развития регионов // Экономика. Налоги. Право. 2024. № 17 (1). С. 34–43.

3. *Лыкова Л.Н.* Налоговая политика и возможности экономического роста: региональный аспект // Федерализм. 2016. № 1. С. 107–120.

4. *Лыкова Л.Н.* Налоговая реформа сквозь призму итогов первого полугодия 2025 г. для региональных бюджетов // Федерализм. 2025. Т. 30. № 3. С. 76–94.

5. Чеченская Республика в цифрах. 2025: Краткий статистический сборник / Чеченстат. Грозный 2025. 146 с.

6. *Баснукаев М.Ш.* Оптимизация налоговых поступлений в региональный бюджет: современная практика и проблемы реализации (на примере Чеченской Республики) // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 2 (58). С. 14–20.

7. *Садыков А.М.* Реформирование налоговой системы для малого предпринимательства в России: анализ и перспективы развития специальных налоговых режимов // Экономика. Налоги. Право. 2025. № 18 (2). С. 148–161.

8. *Пансков В.Г.* Налоговая реформа – 2025: продолжение следует.... // Экономика. Налоги. Право. 2025. № 18 (1). С. 18–31.

9. Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе. URL: http://www.skfo.gov.ru/

10. *Музалев С. В.* Институциональные факторы и отраслевая структура как детерминанты результативности региональных налоговых преференций // Russian Journal of Management. 2025. № 8. С. 222–240.

11. *Гончаренко Л.И., Адвокатова А.С.* Синергия цифровых технологий и сервисной модели деятельности налоговых органов как драйвер развития

налогового администрирования // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2024. Т. 10. № 2 (38). С. 131–145.

References

1. Chechenskii statisticheskii ezhegodnik [Chechen Statistical Yearbook]. 2025, Chechenstat, Groznyi 2025, 253 p. (In Russ.).

2. Panskov V.G. Problemy i perspektivy nalogovoi politiki v celyah ustoichivogo razvitiya regionov [Problems and Prospects of Tax Policy for Sustainable Development of Regions], *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Law], 2024, No. 17 (1), pp. 34–43. (In Russ.).

3. Lykova L.N. Nalogovaya politika i vozmozhnosti ekonomicheskogo rosta: regional'nyi aspekt [Tax Policy and Opportunities for Economic Growth: Regional Aspect], *Federalizm* [Federalism], 2016, No. 1, pp. 107–120. (In Russ.).

4. Lykova L.N. Nalogovaya reforma skvoz' prizmu itogov pervogo polugodiya 2025 g. dlya regional'nyh byudzhetov [Tax Reform through the Prism of the Results of the First Half of 2025 for Regional Budgets], *Federalizm* [Federalism], 2025, Vol. 30, No. 3, pp. 76–94. (In Russ.).

5. Chechenskaya Respublika v cifrah. 2025: Kratkii statisticheskii sbornik [The Chechen Republic in Figures. 2025: Brief Statistical Digest], Chechenstat, Groznyi, 2025, 146 p. (In Russ.).

6. Basnukaev M.Sh. Optimizaciya nalogovyh postuplenii v regional'nyi byudzhet: sovremennaya praktika i problemy realizacii (na primere Chechenskoi Respubliki) [Optimization of Tax Revenues to the Regional Budget: Current Practice and Implementation Problems (on the Example of the Chechen Republic)], *Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Kadyrova* [Bulletin of the Chechen State University named after A.A. Kadyrov], 2025, No. 2 (58), pp. 14–20. (In Russ.).

7. Sadykov A.M. Reformirovanie nalogovoi sistemy dlya malogo predprinimatel'stva v Rossii: analiz i perspektivy razvitiya special'nyh nalogovyh rezhimov [Bulletin of the Chechen State University named after A.A. Kadyrov], *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Law], 2025, No. 18 (2), pp. 148–161. (In Russ.).

8. Panskov V.G. Nalogovaya reforma – 2025: prodolzhenie sleduet... [Tax reform – 2025: to be continued...], *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Law], 2025, No. 18(1), pp. 18–31. (In Russ.).

9. Oficial'nyi sait polnomochnogo predstavitelya Prezidenta Rossiiskoi Federacii v Severo-Kavkazskom federal'nom okruge [Official Website of the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the North Caucasus Federal District]. (In Russ.). Available at: http://www.skfo.gov.ru/

10. Muzalev S. V. Institucional'nye faktory i otraslevaya struktura kak determinanty rezul'tativnosti regional'nyh nalogovyh preferencii [Institutional factors and industry structure as determinants of the effectiveness of regional tax preferences], *Russian Journal of Management*, 2025, No. 8, pp. 222–240. (In Russ.).

11. Goncharenko L.I., Advokatova A.S. Sinergiya cifrovyh tekhnologii i servisnoi modeli deyatel'nosti nalogovyh organov kak draiver razvitiya nalogovogo administrirovaniya [Synergy of Digital Technologies and the Service Model of Tax Authorities' Activities as a Driver of Tax Administration Development], *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal studies], 2024, Vol. 10, No. 2 (38), pp. 131–145. (In Russ.).

REGIONAL TAX POLICY AS A TOOL FOR DYNAMIC DEVELOPMENT OF THE TERRITORY (ON THE EXAMPLE OF THE CHECHEN REPUBLIC)

Regional tax policy is a strategic tool for stimulating economic growth and development in the region. Mechanisms for applying preferential tax regimes (simplified tax system 1%, automatic simplified tax system) influence the dynamics of the gross regional product, investment activity, and tax revenues. A study for the Chechen Republic for 2015–2025 demonstrates that a targeted tax policy contributes to the growth of the GRP from 154.4 billion rubles in 2015 to 397.0 billion rubles in 2025 (an increase of 116.6%), an increase in tax revenues by 41% in 2024, and the attraction of investment in the amount of 198.8 billion rubles in 2024. The Chechen Republic occupies a leading position in the North Caucasus Federal District in terms of tax revenue growth rates, exceeding the regional average by 17.5 percentage points.

Keywords: regional tax policy, Chechen Republic, special tax regimes, investments, small and medium-sized businesses.

JEL: H21, H71, R11, R58

Дата поступления – 12.05.2026 *Принята к печати* – 11.06.2026

БАСНУКАЕВ Муса Шамсудинович

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры налогов и налогообложения;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова» / ул. А. Шерипова, 32, г. Грозный, 364024;

ведущий научный сотрудник лаборатории экономических исследований;

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук» / В. Алиева (Старопромысловское шоссе), 21а, г. Грозный, 364020.

e-mail: basnukaev@yandex.ru

BASNUKAEV Musa Sh.

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Taxes and Taxation;

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "A.A. Kadyrov Chechen State University" / 32, A. Sheripova St., Grozny, 364024;

Leading Researcher of the Laboratory of Economic Research;

Federal State Budgetary Institution of Science Kh.I. Ibragimov Integrated Research Institute of the Russian Academy of Sciences / 21a, V. Aliyeva St. (Staropromyslovskoye Shosse), Grozny, 364020.

e-mail: basnukaev@yandex.ru

Для цитирования:

Баснукаев М.Ш. Региональная налоговая политика как инструмент динамичного развития территории (на примере Чеченской Республики) // Федерализм. 2026. Т. 31. № 2 (122). С. 68–86. DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2026-2-68-86

DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2026-2-87-101

Д.В. ВАСИЛЕНКО

РЕЗУЛЬТАТЫ МОНИТОРИНГА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ГОРОДСКИХ ОКРУГАХ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В текущих условиях, когда общество сталкивается со значительным количеством внутренних и внешних вызовов, социально-экономическое развитие регионов напрямую зависит от инструментов идентификации проблем во всех сферах жизнедеятельности населения, среди которых наиболее простым в применении выступает оперативная система мониторинга. Для новых территорий, таких как Донецкая Народная Республика (ДНР), проведение мониторинга в соответствии с их спецификацией приобретает ключевое, первостепенное значение. Несмотря на ограниченность данных в условиях продолжающегося военного конфликта, в качестве базы исследования использованы официальные статистические данные и отчетность городских округов ДНР, находящихся в открытом доступе. Применение мониторинга подтвердило факт необходимости перехода от экстренного восстановления к интенсивной структурной трансформации. Рекомендуется сосредоточить управленческие решения на ускоренном запуске долгосрочных инвестиционных программ в отстающих городских округах республики.

Ключевые слова: мониторинг, социально-экономическое состояние, городские округа, анализ, прогнозирование, Донецкая Народная Республика.

JEL: R11, R19, R58

В Донецкой Народной Республике, где необходимо быстро восстанавливать разрушенное и интегрироваться в российскую экономическую систему, простота, прозрачность и скорость принятия решений являются критически важными факторами для наращивания экономического потенциала. Это требует использования такого инструментария идентификации отклонений в направлениях и темпах развития, который бы устроил не только органы управления (республиканские и местные), но и представителей бизнес-сообщества, а также научное сообщество. Таким инструментом выступает система мониторинга социально-экономического развития как отдельных муниципальных

образований, так и их групп, под которой следует понимать систематический, непрерывный процесс сбора, обработки, анализа и интерпретации данных о текущем состоянии и динамике ключевых процессов на конкретной территории. Мониторинг – это инструмент управления, который позволяет видеть, как реализуются стратегии и насколько эффективно используются ресурсы на местах [1].

Цель исследования – идентификация текущих трендов в социально-экономическом развитии городских округов Донецкой Народной Республики, система которых достаточно широко представлена в ней[1].

Численность населения

Численность населения – один из ключевых демографических факторов, который характеризует общее число людей, населяющих конкретную территорию в определенный период времени.

Анализ численности населения городских округов ДНР[2] показал, что система расселения на территории республики осуществлена неравномерно. Это наиболее ярко отражено в трех агломерациях: Донецко-Макеевской, Горловско-Енакиевской, Шахтерско-Снежнянской.

Ключевую роль во всех городских округах республики играют крупные города, формирующих их ядро. На *рисунке 1* представлено изменение численности населения наиболее крупных городских округов ДНР в 2014 г. и 2022–2024 гг. Выбор столь различных временных промежутков направлен на объективизацию и сравнение имеющихся данных относительно изменения искомого показателя в момент нахождения указанных городских округов в составе Украины и после их вхождения в состав Российской Федерации.

Так, было установлено, что в заданный период численность населения крупнейших городских округов ДНР снизилась. В городском округе Горловка снижение составило -24,5 тыс. чел., или -9,21%. В городском округе Енакиево снижение численности населения составило -15,9 тыс. чел., или -12,25%. В городском округе Донецк численность снизилась на 40,8 тыс. чел., или -4,21%. В городском округе Макеевка данный показатель изменился на 50,9 тыс. чел., или -16,7%. Городской округ Харцызск также столкнулся со снижением численности населения: -33,9 тыс. чел., или -34,8%.

[1] В 2023 г. в ДНР было образовано 12 городских округов: 1) городской округ Горловка; 2) городской округ Дебальцево; 3) городской округ Докучаевск; 4) городской округ Донецк; 5) городской округ Енакиево; 6) городской округ Иловайск; 7) городской округ Краматорск; 8) городской округ Макеевка; 9) городской округ Мариуполь; 10) городской округ Снежное; 11) городской округ Торез; 12) городской округ Харцызск.

[2] Численность населения городских округов ДНР – показатель, включающий в себя численность населения, проживающего на исторически сложившихся территориях, а также численность населения, проживающего на территориях, вошедших в состав муниципального образования городской округ в соответствии со статьей 5 Закона Донецкой Народной Республики от 6 апреля 2023 года № 438 – II Н «Об образовании на территории Донецкой Народной Республики городских и муниципальных округов, установлении их границ».

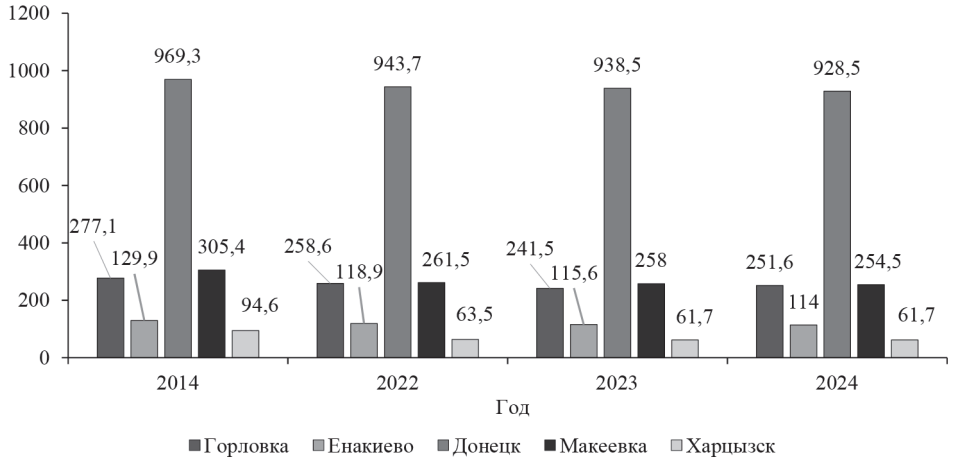

Рис. 1. Динамика численности населения крупных городских округов ДНР в 2014 г., 2022–2024 гг., в тыс. чел.

Составлено по: [2–6].

Следовательно, средний темп снижения численности населения по пяти крупнейшим городским округам республики за период с 2014 по 2024 г. составил -8,30%.

В рамках представленного органами местного самоуправления прогноза относительно численности населения указанных городских округов (*табл.*), каких-либо *значительных изменений значений данного показателя не предвиделось.*

Прогноз численности населения крупнейших городских округов ДНР на 2025 г. *(в тыс. чел.)*

Муниципальное образование	**Прогноз на 2025**	
	консервативный	**базовый**
Городской округ Енакиево	101,0	102,0
Городской округ Горловка	251,0	255,0
Городской округ Донецк	930,0	930,0
Городской округ Макеевка	252,0	253,2
Городской округ Харцызск	61,7	61,7

Фактическое же подтверждение заявленных значений будет возможно только ближе к середине 2026 г., когда в открытых источниках появится соответствующая информация. Данная особенность касается всех показателей социально-экономического развития городских округов ДНР.

Промышленность

Ключевую роль в обеспечении развития инфраструктуры округов играет ее экономическая составляющая, поскольку организация экономических отношений внутри городских округов (с учетом того потенциала, которым они располагают) определяет не только способность к созданию новых рабочих мест, но и инвестиционную привлекательность муниципального образования.

Промышленность городских округов может быть представлена как совокупность предприятий различных организационно-правовых форм по таким отраслям, как машиностроение, металлургия, химическая промышленность, пищевая промышленность, а также энергетика [7]. На *рисунке 2* показан пример динамики объемов реализованной промышленной продукции в городском округе Донецк, которая наблюдалась в 2018–2024 гг.

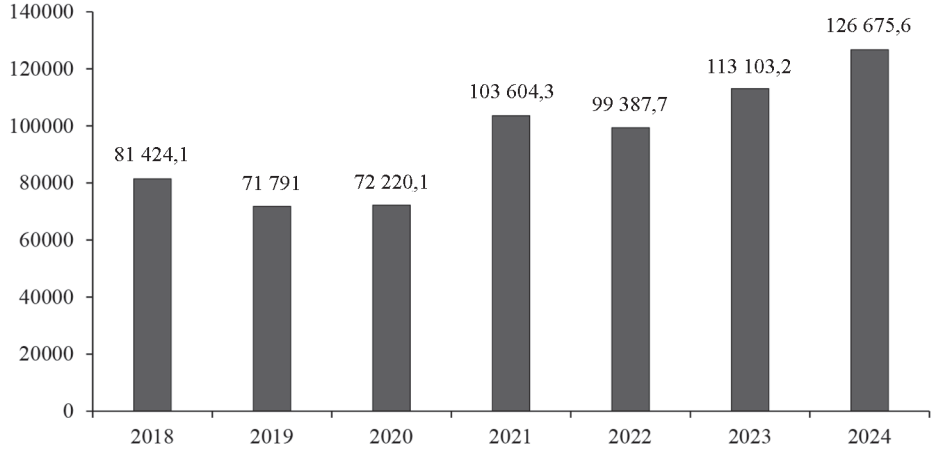

Рис. 2. Динамика изменений объемов реализованной промышленной продукции в городском округе Донецк в период с 2018 по 2024 г., в млн руб.

Составлено по: [4].

Столь широкий временной диапазон связан с необходимостью определить зависимость объемов реализованной промышленной продукции в городских округах (в конкретном случае городского округа Донецк) от статуса ДНР: до вхождения в состав Российской Федерации и после вхождения. Несмотря на наличие достаточно незначительного объема статистической информации в открытом доступе, в ходе исследования было установлено, что объемы реализованной промышленной продукции в ряде округов (Горловке, Снежном, Макеевке и Харцызске) *изменялись аналогично Донецку* – наблюдался рост на протяжении всего периода времени после 2022 г. (*рис. 3*).

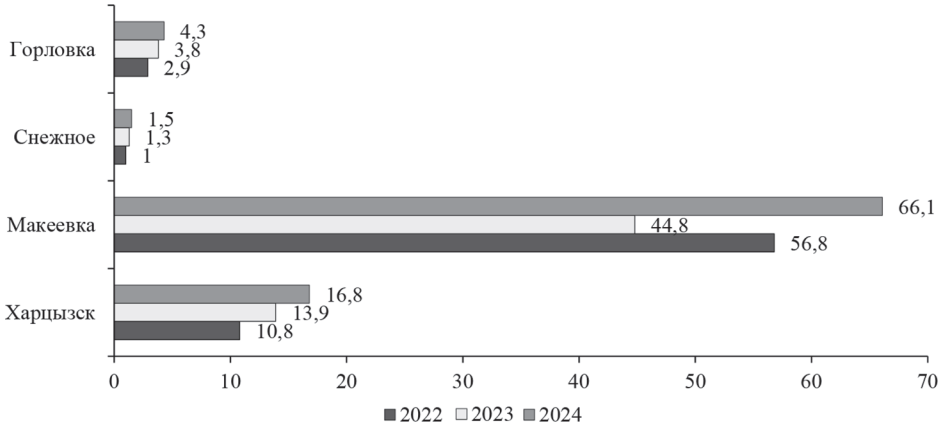

Рис. 3. Динамика изменений объемов реализованной промышленной продукции в городском округах Горловка, Снежное, Макеевка и Харцызск с 2022 по 2024 г., в млрд руб.

Составлено по: [2–6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что с момента создания городских округов в ДНР *ключевой показатель, отображающий результаты их хозяйственной деятельности, рос.* Это свидетельствует об эффективности реализации тех мер, которые были направлены на поддержание промышленного комплекса не только республики в целом, но и отдельных городских округов – проведение модернизации и технического перевооружения ряда производств за счет привлечения инвестиций в экономику округов. Поскольку рост обеспечивался интенсивными факторами (модернизацией, техническим перевооружением), то можно утверждать, что данный тренд устойчив и продолжит свою положительную динамику, даже после исчерпания легких восстановительных резервов.

Экономика большинства городских округов ДНР имеет выраженную отраслевую специализацию, в которой ключевую роль играют предприятия угледобывающей и металлургической промышленности, являющиеся базисом экономического благополучия муниципалитета, обеспечивая занятость населения, формирование бюджета и развитие социальной инфраструктуры [8]. Это историческая особенность региона, обусловленная развитием определенных промышленных секторов.

Проведение боевых действий на территории ДНР оказывало и оказывает до сих пор значительное негативное влияние на экономику: разрушение инфраструктуры и предприятий, сокращение объемов производства, снижение численности населения и отток специалистов.

В условиях переходного периода и необходимости восстановления диверсификация экономики и развитие новых отраслей *являются критически важными* для обеспечения социально-экономического развития муниципальных образований [9].

Количество субъектов хозяйствования в разрезе отраслей промышленности – один из важнейших показателей для анализа структуры, диверсификации и конкурентной среды в промышленном секторе экономики. В контексте мониторинга социально-экономического развития ДНР этот показатель раскрывает несколько критически важных аспектов.

Во-первых, он показывает, какие именно отрасли доминируют в экономике региона с точки зрения количества участников, а не только объема выпускаемой продукции.

Во-вторых, количество участников напрямую влияет на конкуренцию, что в свою очередь влияет на ценообразование и эффективность.

В-третьих, изменение количества субъектов хозяйствования во времени (особенно в разрезе «открылись/закрылись») является опережающим индикатором.

В качестве примера диверсификации отраслевой специализации городских округов рассмотрим опыт промышленного сектора городского округа Макеевка (*рис. 4*), в котором абсолютное доминирование наблюдалось за сельским хозяйством, представленным 25 субъектами хозяйствования.

Рис. 4. Количество субъектов хозяйствования в разрезе отраслей промышленности городского округа Макеевка по состоянию на 1 января 2025 г., в ед.

Составлено по: [5].

Количество субъектов хозяйствования в разрезе отраслей городских округов – это показатель здоровья и устойчивости структуры экономики. Он показывает, насколько диверсифицирована экономика и на каких типах предприятий основан ее текущий рост.

Инвестиции

Инвестиционная деятельность городских округов может быть представлена как совокупность мер, обеспечивающих привлечение инвестиций, а также их наиболее эффективное использование с целью обеспечения социально-экономического развития округов. Данный вид деятельности позволяет также регулировать общественные отношения через создание новых рабочих мест, преобразование инфраструктуры, а также роста качества и повышения условий жизни населения. Результатом инвестиционной деятельности городских округов выступает укрепление их конкурентоспособности.

У значительного количества городских округов (*рис. 5*) в период с 2022 по 2024 г. наблюдался *рост объемов инвестиций в основной капитал.*

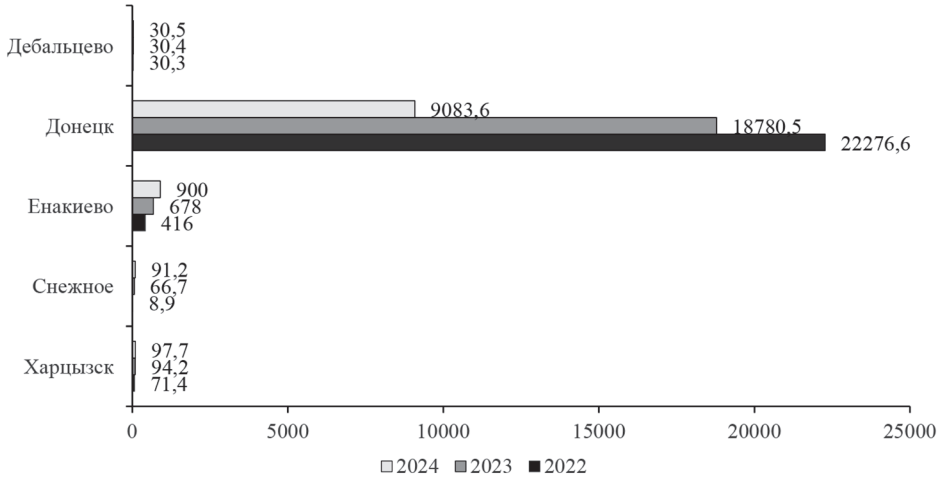

Рис. 5. Динамика объемов инвестиционных поступлений в основной капитал городских округов в 2022–2024 гг., в млн руб.

Составлена по: [10].

Исключением выступает только городской округ Донецк, где с 2022 по 2024 г. наблюдалось снижение данного показателя по каждому году: на 3 496,1 млн руб. в 2023 г. (или -15,7%) и на 9 690,9 млн руб. в 2024 г. (или -51,6%). Данное обстоятельство можно связать с ростом его самообеспеченности по ключевым вопросам жизнедеятельности населения.

Максимальный рост объемов инвестиций в основной капитал наблюдался в городском округе Снежное, где в 2023 г. рост составил более чем в 7 раз: с 8,9 млн руб. в 2022 г. до 66,7 млн руб. в 2023 г. В следующем, 2024, году темпы роста немного снизились, однако все равно продолжили положительную динамику – до 91,2 млн руб., что на 24,5 млн руб. больше (или +36,68%), чем в предыдущем году.

Особое место занимает городской округ Мариуполь. Объем инвестиций в его основной капитал достаточно затруднительно посчитать, поскольку

значительная его часть направляется на восстановление жилых и нежилых зданий, инфраструктуры и количество инвестиционных проектов изменяется на регулярной основе. В связи с этим возникает необходимость формирования единого информационного пространства при осуществлении инвестиционной деятельности на территории городского округа.

Среднемесячная начисленная заработная плата

Одним из параметров (индикаторов), характеризующих ситуацию на рынке труда, выступает уровень среднемесячной заработной платы – статистический показатель, отражающий среднюю номинальную начисленную заработную плату работников в хозяйственном комплексе за определенный промежуток времени (расчет зачастую производится за месяц) [11]. Это один из ключевых индикаторов социально-экономического развития городских округов [12]. Следует отметить, что систематизация информации о заработной плате работников предприятий с учетом территориального деления Донецкстатом в настоящее время не осуществляется, что затрудняет должный анализ динамики изменений данного показателя.

На *рисунке 6* отображена динамика изменений среднемесячной начисленной заработной платы в крупнейших городских округах ДНР за 2022–2024 гг., демонстрирующая стабильный рост данного показателя во всех городских округах республики. На первом этапе восстановления темпы роста заработной платы были выше среднего уровня по Российской Федерации, поскольку регион выравнивается по общероссийским показателям.

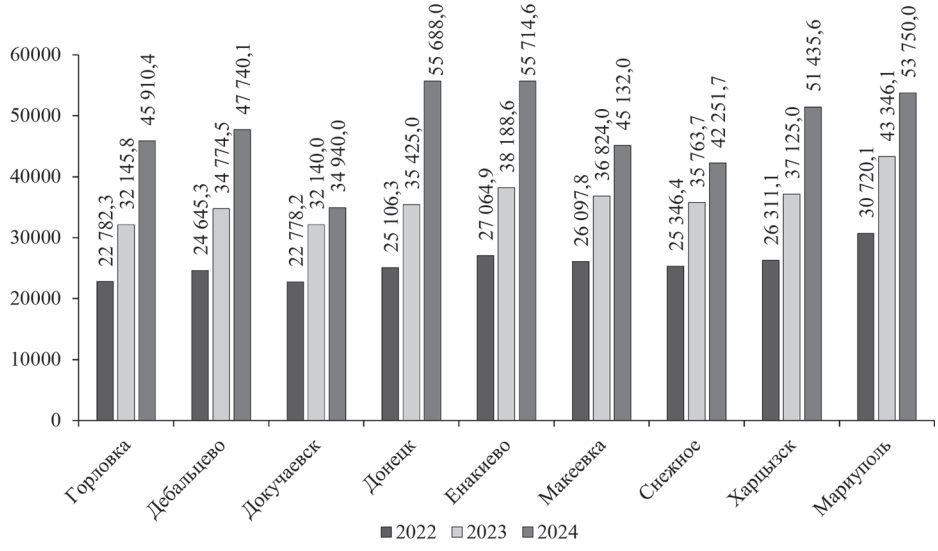

Рис. 6. Размер среднемесячной начисленной заработной платы в городских округах ДНР в 2022–2024 гг., в руб.

Составлено по: [2–6; 10; 13–15].

Таким образом, экономический рост и социальное развитие городских округов могут быть обеспечены созданием благоприятных условий для ведения хозяйственной деятельности. Показатель среднемесячной заработной платы как один из индикаторов социально-экономического развития территории отразил текущий и желаемый уровень благосостояния населения и стал значимым элементом в комплексной оценке. Как показал отечественный опыт, рост заработной платы – это следствие проведения эффективной экономической политики органами государственной и республиканской власти, направленной на рост качества жизни населения республики.

Сельское хозяйство

Сельское хозяйство представляет одну из отраслей экономики, формирующую ее первичный сектор и направленную на обеспечение населения продуктами питания. Сельское хозяйство выполняет следующие функции в городских округах:

- обеспечение продовольственной безопасности территории;
- обеспечение занятости населения в сельской местности;
- создание условий для развития сельских территорий.

На *рисунке 7* представлена динамика изменений объемов продукции сельского хозяйства по всем категориям хозяйств крупнейших городских округов ДНР за 2022–2024 гг.

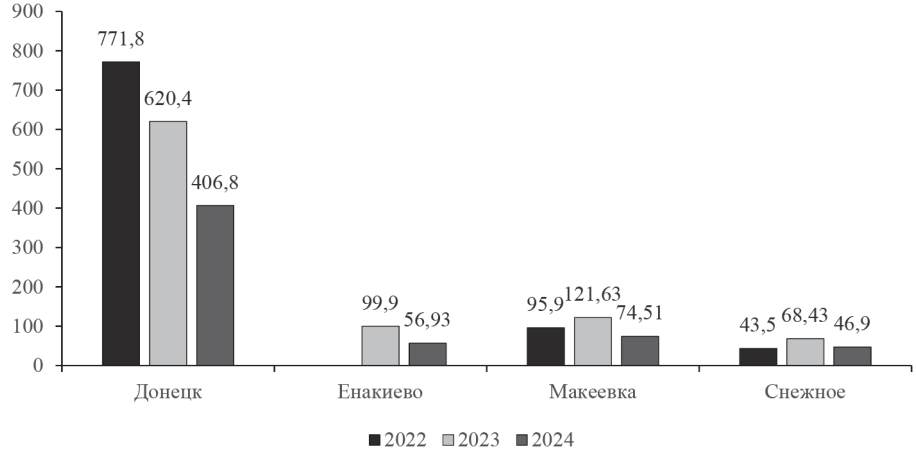

Рис. 7. Динамика изменений объемов продукции сельского хозяйства по всем категориям хозяйств крупнейших городских округов ДНР за 2022–2024 гг., в млн руб.

Составлено по: [3–5; 10].

Как показано на *рисунке 7*, динамика изменений данного показателя *имела неравномерный характер.* Так, в городском округе Донецк наблюдалось постоянное снижение данного показателя: с 771,8 млн руб. в 2022 г.

до 406,8 млн руб. в 2024 г. (падение составило 365 млн руб., или -47,3%). При этом темп снижения в 2023 г. составлял -19,62%, в 2024 г. – -34,43%. Аналогичная ситуация наблюдалась и в городском округе Енакиево, где снижение объемов продукции сельского хозяйства по всем категориям хозяйств составило 42,97 млн руб., или -43,02%.

2023 г. был переломным в таких городских округах, как Макеевка и Снежное, где до указанного года наблюдался прирост объемов сельскохозяйственной продукции: +25,73 млн руб. (+26,83%) и +24,93 млн руб. (+57,31%), соответственно, а после него – снижение: -117,21 млн руб. (-38,75%) и -21,53 млн руб. (-31,47%),

Неравномерная динамика изменений объемов продукции сельского хозяйства по всем категориям хозяйств непосредственно связана с различиями, наблюдаемыми в городских округах в рамках их ресурсообеспеченности, технологического уровня, целей и стратегий производства, подверженности рыночным и климатическим рискам[1] [16–17]. Создание благоприятных условий для развития агропромышленного комплекса городских округов должно основываться на обеспечении необходимых объемов поддержки с учетом всех потребностей каждой категории хозяйств и обеспечении им, таким образом, равных возможностей для осуществления хозяйственной деятельности [18; 19].

Заключение

Результаты мониторинга социально-экономического состояния городских округов Донецкой Народной Республики показали, что, во-первых, численность населения городских округов продолжает снижаться на протяжении значительного периода времени. Причины данного негативного явления лежат в плоскости продолжающихся боевых действий, снижении уровня рождаемости, оттока трудоспособного населения на иные территории с целью поиска лучших условий для труда и быта и пр.

Во-вторых, рост объемов реализованной промышленной продукции свидетельствует об эффективности применяемых мер в разрезе проведения модернизации и технического перевооружения ряда производств за счет привлечения инвестиций в экономику округов.

В-третьих, общий объем инвестиций в основной капитал городских округов значительно вырос в период до 2024 г. Это связано с реализацией комплексных программ восстановления и развития, инициатором которых выступила Россия. Исключением стал городской округ Донецк, который больше всех пострадал от боевых действий, в результате чего масштабные инвестиции в основной капитал столкнулись с периодом его стабилизации, тормозящей любую инвестиционную активность.

[1] Итоги 2024 года. Новороссия. URL: https://sdelanounas.ru/

В-четвертых, среднемесячная номинальная заработная плата в городских округах ДНР растет ежегодно. Однако ее размер еще недостаточен для формирования желания у населения оставаться на территории республики.

В-пятых, в сельском хозяйстве наблюдалась неравномерная динамика изменений объемов продукции сельского хозяйства по всем категориям хозяйств городских округов ДНР. Данное обстоятельство объясняется тем фактом, что в условиях восстановления и интеграции различные категории хозяйств по-разному способны адаптироваться к новым условиям, привлекать ресурсы и преодолевать последствия прошлых событий. Крупные, хорошо организованные хозяйства, имеющие доступ к государственной (республиканской) поддержке, как правило, демонстрируют лучшую динамику, в то время как мелкие хозяйства на пострадавших территориях могут значительно отставать.

Список литературы

1. *Абдразаков Ю.В.* Межрегиональная дифференциация социально-экономического развития: причины, проявления и последствия // Челябинский гуманитарий. 2010. № 1 (10). С. 7–10.

2. Прогноз основных показателей социально-экономического развития муниципального образования городского округа Горловка на 2025 г. // Администрация городского округа Горловка. URL: gorlovka-r897.gosweb.gosuslugi.ru

3. Прогноз основных показателей социально-экономического развития муниципального образования городского округа Енакиево на 2025 г. // Администрация городского округа Енакиево. URL: enakievo.gosuslugi.ru

4. Прогноз основных показателей социально-экономического развития муниципального образования городского округа Донецк на 2025 г. // Администрация городского округа Донецк. URL: donetsk.gosuslugi.ru

5. Прогноз основных показателей социально-экономического развития муниципального образования городского округа Макеевка на 2025 г. // Администрация городского округа Макеевка. URL: makeevka-r897.gosweb.gosuslugi.ru

6. Прогноз социально-экономического развития муниципального образования городского округа Харцызск на 2025 г. // Администрация городского округа Харцызск. URL: khartsyzsk.gosuslugi.ru

7. *Шичкин И.А.* Влияние мобильности трудовых ресурсов на формирование депрессивности региональных рынков труда // Инновации и инвестиции. 2017. № 10. С. 187–191.

8. *Болотов Ю.Ю., Шкодинский С.В.* Становление и развитие теорий кумулятивного роста // Вестник Академии права и управления. 2015. № 2 (39). С. 134–141.

9. *Волкова А.В.* Политика сглаживания дифференциации экономического пространства регионов РФ // Научные труды Вольного экономического общества России. 2025. № 5. С. 139–161.

10. Прогноз социально-экономического развития муниципального образования городского округа Снежное на 2025 г. // Администрация городского округа Снежное. URL: snezhnoe.gosuslugi.ru

11. *Ворошилов Н.В.* Особенности и проблемы формирования и использования статистической информации по муниципальным образованиям России // ЭТАП. 2022. № 6. С. 89–105.

12. *Емельянов А.С.* Мониторинг и контроль в механизме стратегического планирования // Журнал российского права. 2021. № 8. С. 61–75.

13. Прогноз социально-экономического развития муниципального образования городского округа Дебальцево на 2025 г. // Администрация городского округа Дебальцево. URL: debaltsevo.gosuslugi.ru

14. Прогноз социально-экономического развития муниципального образования городского округа Докучаевск на 2025 г. // Администрация городского округа Докучаевск. URL: https://dokuchaevsk-r897.gosweb.gosuslugi.ru

15. Прогноз социально-экономического развития муниципального образования городского округа Мариуполь на 2025 г. // Администрация городского округа Мариуполь. URL: mariupol.gosuslugi.ru

16. *Миничкина В.П.* Методические аспекты проведения мониторинга социально-экономического развития регионов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 38. С. 21–26.

17. *Будыка В.С.* Муниципальный округ: проблемы и пути улучшения социально-экономического развития // Вестник экономики, управления и права. 2024. № 4. С. 5–13.

18. *Василенко Д.В.* Мониторинг социально-экономического развития городских округов: научно-методические основы // Экономика устойчивого развития региона: инновации, финансовые аспекты, технологические драйверы развития в сфере туризма и гостеприимства : материалы XII международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 80-летия победы. Симферополь, 2025. С. 34–37.

19. *Рудакова Т.А., Рудакова О.Ю.* Стратегия развития территории: противоречия, проблемы, приоритеты // Экономика Профессия Бизнес. 2023. № 2. С. 80–88.

References

1. Abdrazakov Yu.V. Mezhregional'naya differenciaciya social'no-ekonomicheskogo razvitiya: prichiny, proyavleniya i posledstviya [Interregional Differentiation of Socioeconomic Development: Causes, Manifestations, and Consequences], *Chelyabinskii gumanitarii* [Chelyabinsk Humanitarian], 2010, No. 1 (10), pp. 7–10. (In Russ.).

2. Prognoz osnovnyh pokazatelei social'no-ekonomicheskogo razvitiya municipal'nogo obrazovaniya gorodskogo okruga Gorlovka na 2025 g. [Forecast of the Main Indicators of Socioeconomic Development of the Municipal Formation of the Urban District of Gorlovka for 2025], *Administraciya gorodskogo okruga Gorlovka* [Administration of the Urban District of Gorlovka]. (In Russ.). Available at: gorlovka-r897.gosweb.gosuslugi.ru

3. Prognoz osnovnyh pokazatelei social'no-ekonomicheskogo razvitiya municipal'nogo obrazovaniya gorodskogo okruga Enakievo na 2025 g. [Forecast of the Main Indicators of Socioeconomic Development of the Municipal Formation of the Urban District of Yenakiyevo for 2025], *Administraciya gorodskogo okruga Enakievo*

[Administration of the Urban District of Yenakiyevo]. (In Russ.). Available at: enakievo.gosuslugi.ru

4. Prognoz osnovnyh pokazatelei social'no-ekonomicheskogo razvitiya municipal'nogo obrazovaniya gorodskogo okruga Doneck na 2025 g. [Forecast of the Main Indicators of Socioeconomic Development of the Municipal Formation of the Urban District of Donetsk for 2025], *Administraciya gorodskogo okruga Doneck* [Administration of the Urban District of Donetsk.]. (In Russ.). Available at: donetsk.gosuslugi.ru

5. Prognoz osnovnyh pokazatelei social'no-ekonomicheskogo razvitiya municipal'nogo obrazovaniya gorodskogo okruga Makeevka na 2025 g. [Forecast of the Main Indicators of Socioeconomic Development of the Municipal Formation of the Urban District of Makeyevka for 2025], *Administraciya gorodskogo okruga Makeevka* [Administration of the Urban District of Makeyevka]. (In Russ.). Available at: makeevka-r897.gosweb.gosuslugi.ru

6. Prognoz social'no-ekonomicheskogo razvitiya municipal'nogo obrazovaniya gorodskogo okruga Harcyzsk na 2025 g. [Forecast of Socioeconomic Development of the Municipal Formation of the Urban District of Khartsyzsk for 2025], *Administraciya gorodskogo okruga Harcyzsk* [Administration of the Urban District of Khartsyzsk]. (In Russ.). Available at: khartsyzsk.gosuslugi.ru

7. Shichkin I.A. Vliyanie mobil'nosti trudovyh resursov na formirovanie depressivnosti regional'nyh rynkov truda [The Impact of Labor Mobility on the Formation of Depressiveness of Regional Labor Markets], *Innovacii i investicii* [Innovations and Investments], 2017, No. 10, pp. 187–191. (In Russ.).

8. Bolotov Yu.Yu., Shkodinskii S.V. Stanovlenie i razvitie teorii kumulyativnogo rosta [Formation and Development of Cumulative Growth Theories], *Vestnik Akademii prava i upravleniya* [Bulletin of the Academy of Law and Management], 2015, No. 2 (39), pp. 134–141. (In Russ.).

9. Volkova A.V. Politika sglazhivaniya differenciacii ekonomicheskogo prostranstva regionov RF [Policy of Smoothing Out the Differentiation of the Economic Space of the Regions of the Russian Federation], *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], 2025, No. 5, pp. 139–161. (In Russ.).

10. Prognoz social'no-ekonomicheskogo razvitiya municipal'nogo obrazovaniya gorodskogo okruga Snezhnoe na 2025 g. [Forecast of Socio-Economic Development of the Municipal Formation of the Urban District of Snezhnoye for 2025], *Administraciya gorodskogo okruga Snezhnoe* [Administration of the Urban District of Snezhnoye]. (In Russ.). Available at: snezhnoe.gosuslugi.ru

11. Voroshilov N.V. Osobennosti i problemy formirovaniya i ispol'zovaniya statisticheskoi informacii po municipal'nym obrazovaniyam Rossii [Features and Problems of Formation and Use of Statistical Information on Municipal Formations of Russia], *ETAP* [ETAP], 2022, No. 6, pp. 89–105. (In Russ.).

12. Emel'yanov A.S. Monitoring i kontrol' v mekhanizme strategicheskogo planirovaniya [Monitoring and Control in the Mechanism of Strategic Planning], *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2021, No. 8, pp. 61–75. (In Russ.).

13. Prognoz social'no-ekonomicheskogo razvitiya municipal'nogo obrazovaniya gorodskogo okruga Debal'cevo na 2025 g. [Forecast of Socio-Economic Development of the Municipal Formation of the Urban District of Debaltsevo for 2025], *Administraciya gorodskogo okruga Debal'cevo* [Administration of the Urban District of Debaltsevo]. (In Russ.). Available at: debaltsevo.gosuslugi.ru

14. Prognoz social'no-ekonomicheskogo razvitiya municipal'nogo obrazovaniya gorodskogo okruga Dokuchaevsk na 2025 g. [Forecast of Socio-Economic Development

of the Municipal Formation of the Urban District of Dokuchaevsk for 2025], *Administraciya gorodskogo okruga Dokuchaevsk* [Administration of the Urban District of Dokuchaevsk]. (In Russ.). Available at: https://dokuchaevsk-r897.gosweb.gosuslugi.ru

15. Prognoz social'no-ekonomicheskogo razvitiya municipal'nogo obrazovaniya gorodskogo okruga Mariupol' na 2025 g. [Forecast of Socio-Economic Development of the Municipal Formation of the Urban District of Mariupol for 2025], *Administraciya gorodskogo okruga Mariupol'* [Administration of the Urban District of Mariupol]. (In Russ.). Available at: mariupol.gosuslugi.ru

16. Minichkina V.P. Metodicheskie aspekty provedeniya monitoringa social'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov [Methodological Aspects of Monitoring the Socio-Economic Development of Regions], *Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2013, No. 38, pp. 21–26. (In Russ.).

17. Budyka V.S. Municipal'nyi okrug: problemy i puti uluchsheniya social'no-ekonomicheskogo razvitiya [Municipal District: Problems and Ways to Improve Socio-Economic Development], *Vestnik ekonomiki, upravleniya i prava* [Bulletin of Economics, Management and Law], 2024, No. 4, pp. 5–13. (In Russ.).

18. Vasilenko D.V. Monitoring social'no-ekonomicheskogo razvitiya gorodskih okrugov: nauchno-metodicheskie osnovy [Monitoring the Socio-Economic Development of Urban Districts: Scientific and Methodological Foundations], *Ekonomika ustoochivogo razvitiya regiona: innovacii, finansovye aspekty, tekhnologicheskie draivery razvitiya v sfere turizma i gostepriimstva: Materialy XII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii, posvyashchennoi prazdnovaniyu 80-letiya pobedy.* Simferopol', 2025, pp. 34–37. (In Russ.).

19. Rudakova T.A., Rudakova O.Yu. Strategiya razvitiya territorii: protivorechiya, problemy, prioritety [Territorial Development Strategy: Contradictions, Problems, Priorities], *Ekonomika Professiya Biznes* [Economics Profession Business], 2023, No. 2, pp. 80–88. (In Russ.).

THE RESULTS OF MONITORING THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION IN URBAN DISTRICTS OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

In the current conditions, when society is faced with a significant number of internal and external challenges, the socio-economic development of regions directly depends on tools for identifying problems in all spheres of life of the population, among which the basic and easiest to use is the operational monitoring system. For "new" territories, such as the Donetsk People's Republic, monitoring in accordance with their specifications is of key and paramount importance. Despite the limited data in the context of the ongoing military conflict, the official statistical data and reports of the urban districts of the DPR, which are publicly available, were used as the basis of the study. The monitoring system confirmed the need to move from emergency recovery to intensive structural transformation. It is recommended to focus management decisions on the accelerated launch of long-term investment programs in the lagging urban districts of the Republic.

Keywords: monitoring, socio-economic status, urban districts, analysis, forecasting, Donetsk People's Republic.

JEL: R11, R19, R58

Дата поступления – 04.05.2026 *Принята к печати* – 10.06.2026

ВАСИЛЕНКО Дмитрий Валериевич

доктор экономических наук, доцент, заведующий молодежной лабораторией исследования территориального развития, заместитель директора; Донецкий институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» / ул. Челюскинцев, д. 163а, г. Донецк, ДНР, 283015.
e-mail: dima_vasilenko@list.ru

VASILENKO Dmitrii V.

Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor, Head of the Youth Laboratory for Territorial Development Research, Deputy Director;
Donetsk Institute of Management, a branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration" / 163a, Chelyuskintsev St., Donetsk, DPR, 283015.
e-mail: dima_vasilenko@list.ru

Для цитирования:

Василенко Д.В. Результаты мониторинга социально-экономической ситуации в городских округах Донецкой Народной Республики // Федерализм. 2026. Т. 31. № 2 (122). С. 87–101. DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2026-2-87-101

DOI: http://dx.doi.org/
10.21686/2073-1051-2026-2-102-116

Экономико-географические проблемы

А.Н. ДЕМЬЯНЕНКО, Л.А. ДЯТЛОВА

РАЙОНИРОВАНИЕ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИИ

Поставленная руководством страны стратегическая цель преобразования пространственной организации современной России выдвинула в первый ряд научно-исследовательской повестки обоснование адекватных новым обстоятельствам и вызовам концептуальных подходов и реализующих их механизмов. В этой связи авторы обратили внимание на давно известные, но не утратившие потенциала такие инструменты реструктуризации пространства, как его районирование и зонирование. Эти инструменты могут быть полезны и в наши дни при условии их актуализации и развития. Для того чтобы оценить современные возможности районирования, уяснить его обновленные смысл и содержание, было бы полезно обратиться к истокам, в частности к малоизвестным событиям 1920-х гг., отмеченных дискуссиями и новациями в территориально-экономических исследованиях и внедрении их результатов. Учитывая крупномасштабность российского пространства, необходимо уделить особое внимание проблемам первого уровня организации пространства – макрорегионам и макрозонам. Исторический опыт свидетельствует, что районирование и зонирование могут быть полезны не только для целей выявления разнообразия российских пространств, но и для формирования институтов и организаций, ответственных за их модернизацию. Макрорегионы и макрозоны предлагается рассматривать как результат не только делимитации, но и пространственной организации российского общества в целом.

Ключевые слова: районирование, зонирование, пространственная организация, делимитация, макрорегионы, исторический опыт.

JEL: B19, B29, R12, R28, R58

Поводом, побудившим нас к обсуждению на страницах журнала теоретических и прикладных вопросов районирования и зонирования, послужила опубликованная в нем в 2025 г. обстоятельная статья А.Г. Дружинина и О.В. Кузнецовой [1][1]. В целом соглашаясь с позицией ее авторов, мы тем не менее в ряде случаев вступим с ними в полеми-

[1] На эту статью обратил наше внимание член редколлегии А.Н. Швецов, предложивший развернуть на страницах журнала дискуссию вокруг поднятых в статье вопросов.

ку, уточнив и расширив некоторые из их соображений, вспомнив поучительные уроки истории 1920-х гг. Тогда в СССР проходили острые дискуссии по вопросам использования районирования в ходе социалистического строительства. Нам также хотелось бы обсудить проблемы современного применения районирования и зонирования для модернизации российских пространств.

О смысле и содержании районирования. Дискуссии и практика 1920-х гг.

Для того чтобы разобраться в смысле и содержании районирования, а также уяснить исторические уроки и современное значение этого инструмента в модернизации российских пространств, мы посчитали полезным обратиться к малоизвестным событиям 1920-х гг., отмеченных дискуссиями и практическими новациями в территориально-экономических исследованиях и использовании их результатов. Мы разделяем позицию авторов упомянутой статьи, что *тогда произошел качественный скачок в теории и политике районирования.* И это несмотря на то, что районирование, во-первых, испытало сильное идеологическое воздействие догматического марксизма, а во-вторых, было подчинено задачам социалистического строительства.

Становление экономического районирования по-советски было вызвано необходимостью всеобъемлющего переустройства *на новых принципах* пространственной организации страны, доставшейся советской власти от российской империи[1]. Понимание этого императива сложилось в ходе профессиональных дискуссий 1920-х гг., предметом которых выступали вопросы уяснения смысла районирования в новых условиях, обоснования состава и содержания возникавших задач районирования, определения его изменявшегося содержания и методов реализации. Это были не отвлеченные сугубо теоретические размышления. Стояла задача одновременного и быстрого внедрения результатов исследований в планово-управленческую практику территориальной организации народного хозяйства.

И хотя эти обсуждения к концу десятилетия утихли и возобладала «единственно верная» жесткая концепция единства административно-территориального деления и экономического районирования, значение дискуссий столетней давности имеет непреходящее значение. Осмысливая опыт наших предшественников, в отличие от многих сегодняшних экспертов – профессионалов высокой квалификации, мы обнаружим в нем к нашей пользе корни многих нынешних проблем в этой сфере[2].

---

[1] От старого режима достался и значительный теоретический задел в виде научной концепции районирования, становление которой можно уверенно отнести к середине XIX в., но при новой власти по идеологическим соображениям он не был востребован.

[2] В этом смысле мы согласны с оценкой А.Г. Дружининым и О.В. Кузнецовой последствий принятия упомянутой выше концепции: «Ключевой в советском районировании принцип его увязки с административно-территориальным делением оказался в итоге своеобразной ахиллесовой пятой, спустя десятилетия упростившей и обесценившей само членение территории на экономические районы» [1, с. 84].

Для решения указанных задач была сформирована специальная разветвленная организационная структура в составе секции районирования Госплана СССР во главе с И.Г. Александровым[1], плановых органов наркоматов и, что особенно важно, *плановых комиссий на местах* [2; 3]. Кредо нового подхода было изложено в классической работе [4], имевшей программный характер и хорошо известной специалистам по вопросам эволюции теории и практики районирования. По мнению ее автора, И.Г. Александрова, необходимо «было бы выделить, в виде района, некоторую своеобразную, экономически законченную (но незамкнутую) территорию страны, которая благодаря определенной комбинации из природных особенностей, капитальных ценностей (т.е. культурных накоплений прошлого времени) и населения с его бытом и подготовкой для производственной и вообще хозяйственной деятельности, представляла бы определенную потенцию для выполнения той или иной функции в общей хозяйственной динамике страны» [4, с. 4]. Эта и другие работы сотрудников секции районирования Госплана СССР стали первым опытом изучения пространственных трансформаций, представлявшего собой «симбиоз фундаментальных и прикладных исследований, который выражается в том, что фундаментальные, поисковые работы выполняются при ясном понимании практической цели, пусть и отдаленной» [5, с. 5]. При этом И.Г. Александров полагал, что «принципы разделения территории России требуют выполнения и ряда заданий, чтобы из районирования академического претворить его в действенную систему, в живой организм. Прежде всего здесь должны быть намечены организационные формы нового построения» [6, с. 64–65].

Этот госплановский подход *подвергался критике*. Так, С.Н. Бернштейн-Коган, в частности, обращал внимание на его расхождения с традиционным подходом. Критикуя позицию Госплана, он призывал, чтобы «естественные условия привлекались не просто, как один из цифровых показателей, но учитывался бы и характер зависимости экономической жизни территории от ее природных условий...». Другое расхождение позиций состояло в том, что для традиционного подхода было характерно «отрицание возможности конструировать все районы по одному тому же или одним и тем же признакам» [7, с. 23–24].

Критика была и более жесткой. Например, автора, скрывавшегося под инициалами В.О., не устраивало в новом подходе «отрицательное (переходящее иногда в нигилизм) отношение ... ко всему, что было сделано в области районирования “до Госплана”» [8, с. 237]. Методология Госплана, по мнению В.О., являлась «шагом назад ... от объективизма к субъективизму. “Статистика” – это вовсе не “цифирь”, а метод объективного исследования массовых явлений, и попытка отрешиться от него не прибавляет лавров авторам рецензируемых работ» [8, с. 240].

[1] Для руководителя секции и ее сотрудников районирование было не только экономическим, но и социальным (в его широком понимании) и отчасти природным. Фактически речь шла о пространственной организации общества.

Но критики смысла и методов районирования Госплана, указывая на нигилизм их разработчиков, и сами оказались не без греха, *не разглядев несомненных достоинств нового подхода*. К примеру, выдвинутое С.В. Бернштейн-Коганом методологическое требование «суметь выделить районы из состава единой территории и указать каждому району в соответствии с его природными данными, составом и движением населения, историей – его роль и функцию в народном хозяйстве страны, – это в сущности значит составить настоящий план экономической политики или хозяйства» [7, с. 26].

Продолжая, отметим, что районирование в государственном управлении и планировании лидер нового подхода И.Г. Александров определял как «форму всей хозяйственной жизни, опирающуюся на два основных принципа: специализацию районов и комбинированное построение производства [6, с. 53–54]. Он полагал: «Этот метод позволяет разделить государство на территории, выполняющие специальные функции в общем хозяйственном организме страны, т.е. создает государство как целый слитный хозяйственный организм, опирающийся в своей деятельности на сотрудничество производственных районов, объединяя, таким образом, единство с разделением труда и предоставлением местам широкой инициативы на основе общего плана» [6, с. 58]. В структурном отношении выделялись три уровня организации экономики страны: «1) союзное хозяйство, т.е. хозяйство, ведущееся непосредственно Союзным Правительством, 2) областное местное хозяйство и 3) хозяйство районных волостей» [7, с. 65].

В дискуссиях 1920-х гг. районирование стало трактоваться как процесс не только сугубо экономического строительства, но и как *организации советского строительства* [9]. Участник тех дискуссий К. Егоров отмечал: «Территория ни в коем случае не делится, а лишь организуется. Районирование не есть прием децентрализации, а наоборот, один из важных методов концентрации сил, внимания, воли, руководства и организации в советском строительстве». Кроме того, он предостерегал: «Районирование нельзя рассматривать как реформу, осуществляемую в назначенный срок и считающуюся законченной после проведения территориальных административно-управленческих и организационно-хозяйственных изменений. ...Районирование есть глубокий и длительный (динамический) процесс строительства и организации» [9, с. 80].

Макрорегионы и макрозоны в пространственной организации общества

Уникально большое по площади пространство России – предпосылка выделения *макрорегионов*, представляющих собой *первый уровень* пространственной организации страны. Решая возникающие при этом задачи делимитации российских пространств, уместно напомнить мнение В.П. Семёнова-Тян-Шанского, отмечавшего, что экономические районы «тем прочнее, чем сильнее в них выражен физико-географический

элемент. Вообще этому последнему во всех сомнительных случаях районирования по совокупности тех или иных признаков должно отдаваться явное предпочтение и руководящая роль» [10, с. 25].

Формирование так называемых Областей Госплана в свое время *следовало этому принципу*. Понятие «Области» в госплановской концепции районирования занимало важнейшее место. По мнению С.А. Ильина: «Область представляет из себя совершенно своеобразную единицу, отличающуюся от губернии не только количественно, но и по самой своей природе». Таким образом, Области – это не столько административно-территориальные единицы, сколько экономические макрорегионы, обладающие определенной самостоятельностью и своеобразием. Поэтому «создание единого типового положения для областей затруднительно, в силу индивидуальных особенностей областей, но следует и возможно выработать ряд общих принципов, которыми и руководствоваться при составлении положений» [11, с. 101].

Данный вывод актуален и сегодня. И в этой связи нам представляется сомнительным, что «в качестве макрорегионов (районов макроуровня), имеющих свои органы власти, могут продолжить свое существование федеральные округа» [1, с. 87]. Дело в том, что органы, названные властными, *таковыми не являются*, а представляют собой всего лишь региональные подразделения президентской администрации. Однако А.Г. Дружинин и О.В. Кузнецова, являясь приверженцами идеи считать федеральные округа макрорегионами (наподобие Областей Госплана) – полноценными элементами системы районирования, полагают, что «единственно верную, абсолютную систему районирования создать невозможно, а институт федеральных округов вполне сложился, да и наличие накопленных рядов статистических данных именно по федеральным округам тоже значимо» [1, с. 87]. Но этих характеристик явно недостаточно. Вспомним приведенное выше понятие района, данное И.Г. Александровым еще в 1920-х гг. [4].

Ведя речь о делимитации пространств, *следует вспомнить о зонировании*, о котором, в отличие от районирования, говорят нечасто. По-нашему же мнению, районирование и зонирование целесообразно использовать совместно (как это имеет место в физико-географических исследованиях) при делимитации не только природных, но и социальных (в широко понимании) пространств. При этом роль зонирования особенно значима для территорий (пространств) масштабов не района, а макроуровня – макрорегионов. Поскольку такие пространства, следуя логике Л.В. Смирнягина [12], не соответствуют критерию районируемости, то для первого уровня делимитации целесообразно выделение не макрорегионов, а макрозон, например, Арктической[1]. Но макрозо-

[1] Арктическая зона Российской Федерации с географической точки зрения – это алогичное понятие. К Арктической зоне отнесены не только субарктическая тундровая и лесотундровая ландшафтные зоны (что еще можно принять), но и территории северотаежной ландшафтной зоны. При этом Корякское нагорье, т.е. дальневосточный фрагмент Субарктики, в Арктическую зону не попал.

ны могут присутствовать и в пространствах, которые соответствуют критерию районируемости. Причина в том, что *российские пространства имеют выраженное широтное простирание*, что влияет на зональность[1].

Конечно, как и в случае с границами макрорегионов, не имеет смысла искать точные, а тем более неизменные границы макрозон. Более того, макрозоны выделенные по разным основаниям, могут и не совпадать. Так, А.Г. Исаченко выделяет в пределах России 18 ландшафтных зон, зачастую сильно отличающихся друг от друга и по площади, и по населенности. В свою очередь авторы, исследовавшие пространственную организацию экономики России, посчитали возможным ограничиться лишь четырьмя макрозонами [14]. Но и это еще не все: российские пространства обладают не менее явно выраженным *долготным простиранием – секторностью*[2].

Декомпозиция российских пространств имеет не только физико-географический и экономико-географический аспекты, но *еще и политико-географический*. Первым, кто обратил на это внимание, был В.П. Семёнов-Тян-Шанский [17], поставивший вопрос о том, что организация государственной власти в пространстве требует учета как природных, так и экономических факторов[3]. Можно по-разному отнестись к предложениям В.П. Семёнова-Тян-Шанского относительно деления территории государства на «штаты» и «территории»[4]. Но невозможно отрицать, что местности, отличающиеся экстремальными условиями для проживания населения и ведения масштабной экономической деятельности, *требуют специфических форм и методов организации государственной власти*.

В 1920-е гг. появились интересные работы экономико-географов, среди которых выделим публикацию К.Н. Миротворцева [18], посвя-

[1] По мнению, А.Г. Исаченко, «на территории России широтная зональность нашла свое наиболее яркое и, можно сказать, классическое выражение» [13, с. 50]. Обычно, говоря о законе широтной зональности, забывают, что В.В. Докучаев полагал, что сформулированный им закон широтной зональности распространяется не только на природу, но и на общество.

[2] Географы, в частности А.Г. Исаченко, выделяют следующие меридиональные сектора: Восточно-Европейский, Западно-Сибирский, Средне-Сибирский, Восточно-Сибирский и Дальневосточный [13, с. 53]. Применительно к экономическому пространству были выделены три сектора: Европейский, включая Урал, Сибирский и Дальневосточный [14]. Результаты сочетания инструментария зонирования и секторальности для делимитации экономического пространства России [14], а также Дальневосточного макрорегиона представлены в работах [15; 16].

[3] Он же дал уничижительную характеристику пространственной организации власти в Российской империи – «границы наших губерний и областей, возникшие совершенно случайно, путем канцелярских усмотрений, ниже всякой критики с географической точки зрения» [17, с. 24]. В настоящее время ситуация немногим лучше, ибо границы многих нынешних субъектов Российской Федерации очень напоминают те границы губерний, о которых говорил В.П. Семёнов-Тян-Шанский.

[4] «...Штаты – местности, населенные и способные к местному самоуправлению и самодеятельности, и ...территории – местности пустынные, в которых местное самоуправление, по причине их обширности и пустынности, неосуществимо и которые обречены частью еще на долгие времена, частью навсегда остаться всецело на полном попечении центрального правительства и во всех отношениях управляться исключительно его органами» [17, с. 23].

щенную экономическому и административному устройству необжитых территорий Сибирского Севера. Он полагал, что население тундры (добавим, и лесотундры, и северной тайги) будет редким, а местное хозяйство коренных жителей никогда не будет «основой для выделения особых районов с определенной хозяйственной функцией в общей хозяйственной динамике страны»[1] [18, с. 71]. К.Н. Миротворцев приходит к заключению о целесообразности выделения глубокого Сибирского севера[2] «в особую административно-экономическую единицу, управляющуюся на иных государственно-правовых основаниях, чем области, проектируемые по проектам экономического районирования в южных частях с более плотным населением» [18, с. 71].

В другой статье о районировании Сибири (Ленско-Байкальский района) [19] он высказал интересные суждения относительно того, что позднее Л.В. Смирнягин [12] называл районируемостью территории. В частности, К.Н. Миротворцев полагал, что: «Найти выход из создавшихся противоречий между большими пространствами и малочисленным населением трудно и во многих случаях в колонизующей и потому неустойчивой в хозяйственном отношении стране, пожалуй, и невозможно» [19, с. 3]. Добавим, не только невозможно, но и не нужно. Действительно, как только мы перестанем считать, что территория страны должна делиться на макрорегионы (экономические в первую очередь) нацело и примем как должное, что есть и в обозримой перспективе будут территории, на которых районообразование невозможно, во всяком случае на макроуровне.

Заслуживает внимания и такое суждение К.Н. Миротворцева: «Экономическая обособленность областей Сибири только намечается и наиболее резко там, где наиболее заметны различия природных условий, о будущей дифференциации Сибирских областей можно говорить преимущественно исходя из разнообразия физико-географического строения, распределения горных и лесных богатств, пригодных для земледелия пространств и намечающихся путей сообщения» [19, с. 4]. С тех пор прошло почти столетие, но и сегодня, говоря о сибирских макрорегионах, можно утверждать, что при их выделении особое значение имеет распределение природно-ресурсного потенциала и ландшафтная структура.

Направления развития районирования и зонирования

В последние годы во многом (но не исключительно) благодаря Л.В. Смирнягину [12; 20; 21 и др.] и его последователям районирование общества вновь *возвращается в дискурс* отечественной географии. Вместе с тем ряд авторитетных ученых говорят о кризисе данного направления.

[1] Он считал возможным появление на Крайнем Севере и промышленных предприятий, но полагал (и оказался прав), что эти предприятия будут связаны «уже с потребностями не места, а федерации и заграницы» [18, с. 71].

[2] По мнению К.Н. Миротворцева: «С принципиальной точки зрения нет никакой разницы между сибирским севером и севером Европейской России и вопрос об административной реформе севера должен быть поставлен во всем объеме» [18, с. 78].

Уже более 20 лет тому назад о кризисе экономико-географического районирования говорил В.Е. Шувалов: «Экономико-географическое районирование в последнее десятилетие в нашей стране находится в кризисе» [22, с. 22]. Еще через десять лет этот же исследователь констатировал: «В постсоветский период значимость экономико-географического, в том числе экономического районирования, резко уменьшилась. Это объяснятся целым комплексом причин, основными из которых являются кризис теории экономического районирования, сложившейся в советский период, и отсутствие значимого общественного (прежде всего – государственного) заказа на разработку целевых сеток экономико-географических районов, применимых в новых социально-экономических условиях» [23, с. 105][1].

Вызывает возражение прежде всего периодизация эволюции теории районирования, которая сводится к двум этапам: советскому и постсоветскому[2]. Невозможно отрицать влияние социально-политического и идеологического контекста, говоря об эволюции научной концепции в социально-экономической географии, но и отрицать, что научная концепция в том числе и районирования, обладает внутренними механизмами саморазвития – это погрешить против истины.

Надо не забывать, что советская школа не только районирования, но и всей социально-экономической географии, находившейся под идеологическим давлением догматического марксизма, – это была далеко не вся отечественная география, во всяком случае до конца 1920-х гг. В частности, назвать В.П. Семёнова-Тян-Шанского, как и большинство сотрудников секции районирования марксистами, большевиками – неправильно. Жить в советской России и быть убежденным марксистом-ленинцем, во всяком случае до завершения периода НЭПа, было не одно и то же. Это станет правилом уже в 1930-е гг. Социалистическая индустриализация вкупе со сплошной коллективизацией, сопровождавшиеся формированием предельно централизованной системы управления, в рамках которой доминировал универсалистский подход, исключали необходимость учитывать региональное разнообразие. Как следствие, Области Госплана выродились в крупные или основные экономические районы, *по факту ставшие единицами статистического учета,* и не более того.

Говоря о развитии районирования и зонирования, хотелось бы предостеречь от рассмотрения эволюции экономики и ее пространственной

[1] Заметим, если в отечественной географии нередки утверждения, что районирование (шире – географическая наука) переживает кризис, то за пределами нашего отечества ситуация иная. Региональная концепция, т.е. теория районирования, не только успешно развивается в пределах системы географических наук, но и за ее пределами, став своего рода лидером «пространственного поворота» в блоке социально-гуманитарных дисциплин [24; 25]. Добавим, что и в досоветский период теория районирования вполне успешно развивалась, как и географическая наука в целом, не испытывая кризисных явлений. В ее лоне работали такие фигуры первого плана, как В.В. Докучаев, А.И. Воейков, Л.С. Берг, А.И. Скворцов, А.Н. Челинцев, П.П. и В.П. Семёновы-Тян-Шанские.

[2] По-нашему мнению, более содержательные подходы к периодизации эволюции теории районирования в отечественной социально-экономической географии представлены, например, в работах [3; 13; 21; 24; 25].

организации как линейного процесса восхождения от относительно простых форм экономической деятельности ко все более сложным. Хотя определенный смысл (причем и в этом случае не без оговорок) в этом имеется, если рассматриваются мегатренды. Но при переходе на страновой уровень картина меняется. Во-первых, далеко не во всех случаях (а может быть, как правило) новые формы пространственной организации экономики вовсе не отменяют предшествующие, и это понятно: новые формы редко формируются «в чистом поле» (хотя и такое бывает), обычно они встраиваются в уже существующие формы[1]. Во-вторых, нередко можно услышать, что развитие технологий несомненно оказывают влияние на пространственную организацию экономики, но утверждение, что технологии приводят к тому, что «малые районы» отменяют «большие районы» как минимум излишне категорично.

Эта заблуждение не ново. П.П. Семёнов-Тян-Шанский с ним столкнулся еще в 1871 г., когда, анализируя размещение населения Европейской России, он выделил Петербургскую промышленную область, оказавшуюся несопоставимо малой по площади, которая состояла из Петербурга и его ближайших окрестностей. Поэтому в 1880 г. он предлагает систему районов (так называемые «семёновские районы», которые были затем положены в основу госплановской сетки), и в этой сетке Петербургская промышленная область – ядро Приозёрной области (сейчас это территория Ленинградской, Новгородской, Псковской областей, а также южной половины Карелии и восточной части Вологодской области).

Мы полагаем, что и «семёновские районы», и госплановские Области не были сугубо экономическими, скорее всего они представляли собой попытки делимитации пространственной организации общества, будь то Российская империя или СССР. Использование инструментария районирования предоставляло реальную возможность понять природу организационной сложности, что делает как теорию, так и инструментарий районирования не только эффективным средством познания сложных пространственных систем, но и полезным инструментом в регулятивной деятельности, в частности, прогнозировании и стратегировании. При этом следует иметь в виду, что «частные районирования – социальное, культурное, экономическое – отнюдь не сливаются в единое направление, которое могло бы вывести на комплексное районирование общества» [20, с. 15]. Иначе говоря, нельзя получить представление о том, что есть сложная пространственная система независимо от ее масштаба, если исследовать ее по отдельным функционалам. То же самое справедливо и в отношении пространственных экономических систем, если исследовать по отдельности составляющие ее отрасли и виды экономической деятельности.

[1] Более того, далеко не всегда новые формы приживаются, возможно их отторжение. В конце концов об этом свидетельствуют те факты, что Области Госплана были ликвидированы, что так и не удалось реализовать многочисленные проекты по созданию ТПК в СССР и кластеров в Российской Федерации (перечень можно продолжить, но вряд ли оно того стоит).

Еще одно направление, которое заслуживает рассмотрения – это *ключевое районирование*. По мнению А.Г. Дружинина и О.В. Кузнецовой, «разнообразие схем районирования, однако, не исключает выделения среди них ключевых», а в качестве приоритета они отмечают «районирование, основанное на анализе системы расселения, точнее, центр-периферийных отношений» [1, с. 89]. Мы согласны с этим, но с оговоркой, что отнесение тех или иных видов районирования к ключевым определяется либо целями исследований, либо характером проблем, стоящих перед органами государственного управления и/или местного самоуправления. Многообразие пространств (физико-географические, экономические, социальные, идеологические, политические и т.д.), которые в конечном счете не более, чем частные виды пространства общества в целом. Это, в свою очередь, предполагает *многообразие видов районирования*, а ключевым районированием следовало бы рассматривать районирование общества.

Заключение

Мы полностью солидарны с мнением А.Г. Дружинина и О.В. Кузнецовой о том, что «районирование России является на сегодняшний день одним из важнейших и перспективных направлений как в профильных научных дисциплинах (социально-экономической географии, пространственной экономике, в целом регионалистике), так и в практике государственного управления пространственным развитием. Это, в свою очередь, актуализирует дальнейшее широкое и продуктивное обсуждение вопросов теории и практики районирования в исследовательском сообществе» [1, с. 90]. Но, к сожалению, эта идея пока не овладела научными массами.

Об этом свидетельствуют содержания ведущих географических и экономических журналов, а также повестки научных конференций. Термины «район», «районирование», «районная политика» вытесняются понятиями «регион», «региональная политика», «стратегии пространственного развития». Но проблема даже не в этом. Дело в том, что районирование – и физико-географическое, и тем более районирование общества – *никак не укладывается в административно-территориальное деление*, в рамках которого регион и производные от него понятия стали заданным объектом и исследования, и регулятивного воздействия. Административно-территориальное деление (частный случай политического районирования) не может быть основой для районирования экономики, а тем более общества. Районирование как методология организации российских пространств оказалось слишком сложным (а потому и невостребованным) для большинства государственных служащих как в центре, так и на местах.

Отметим также, что пространственная организация общества *отличается иерархической структурой*, а макрорегионы – это не что иное, как сложные пространственные системы, представляющие собой первый

уровень в данной иерархии[1]. Макрорегионы – не элемент административно-территориального деления, и определение их границ – не тривиальная задача. При этом необходимо сочетание районирования как сверху, так и снизу. Сверху задаются целевые установки и принципы районирования, снизу – формируется «представление о “сущности района”, а уж потом, исходя из этого представления, можно выявлять специфические для района признаки» [26, с. 32]. Характерная особенность районирования снизу заключается в том, что выявление района предполагает разработку индивидуальной, «более сложной, зачастую непараметризуемой процедуры» [26, с. 32]. Какие-бы то ни было регулятивные действия в отношении макрорегионов (стратегии развития и т.п.) должны исходить из понимания того, что, во-первых, возможности государства не безграничны и, во-вторых, ни одна стратегия развития макрорегиона не может быть действенной, если в ее разработке и реализации не присутствуют в той или иной мере представители местного социума и бизнеса.

Признание того, что макрорегионы представляют сложную пространственную систему, к тому же функционирующую в условиях турбулентных внешних сред (геополитической, геоэкономической и т.д.), предполагает, что разработчики стратегий пользуются не только различными языками описания проблем региона (не путать с проблемами в регионе), но им еще присущ и качественно иной, сложностный стиль мышления.

И последнее. «“Родовой” признак “проклятых вопросов”, наряду с их фундаментальностью, заключается в том, что их упорно игнорируют...» [27, с. 14]. В число таких «проклятых» мы полагаем нужным включить вопросы: в какой мере район является «социальным конструктом», в какой мере районы материальны и/или дискурсивны, какие органы власти и в каких формах участвуют в создании и трансформации районов?

Мы благодарим А.Г. Дружинина и О.В. Кузнецову, которые своей статьей предоставили нам возможность в ходе дискуссии с ними высказать и собственные суждения по интереснейшей и актуальной тематике и, не исключено, привлечь к ее обсуждению новых авторов.

Список литературы

1. *Дружинин А.Г., Кузнецова О.В.* Районирование в пространственном развитии современной России: проблемные вопросы теории и практики // Федерализм. 2025. Т. 30. № 2 (118). С. 79–97.

2. *Агафонов Н.Т., Демьяненко А.Н., Жигло А.Н., Межевич М.Н.* Методологические основы реформ административно-территориального устройства РСФСР в 20-х годах. СПб.: ИСЭП, 1992. 44 с.

[1] Признание иерархической структуры пространственной организации общества и ее функциональных подсистем означает, что «районирование общества вовсе не следует принципу “матрешки”, его пространственные формы куда разнообразнее», и поэтому «нужно предусмотреть варианты, при которых между районами могут оставаться части территории, не заслуживающие ранга “района”, – своего рода разрывы, лакуны в районной сетке» [26, с. 30].

3. *Демьяненко А.Н.* Экономическое районирование: вопросы теории и истории. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2020. 224 с.

4. *Александров И.Г.* Экономическое районирование России. М.: Госплан, 1921. 15 с.

5. *Дежина И.Г.* Трансформационные исследования: новый приоритет государств после пандемии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020.116 с.

6. *Александров И.Г.* Основы хозяйственного районирования СССР. М.; Л.: Экономика и жизнь, 1924. 76 с.

7. *Бернштейн-Коган С.Н.* К вопросу о программе и методах составления порайонных обзоров и хозяйственных планов // Экономическое районирование России. М., 1921. С. 23–29.

8. *В.О.* Экономическое районирование России // Вестник статистики. 1923. № 4-6. С. 237–241.

9. *Егоров К.* Районирование и советское строительство // Народное хозяйство в Центрально-Черноземной области. Кн. 2. 1926. С. 78–81.

10. *Семёнов-Тян-Шанский В.П.* Район и страна. М.; Л.: Госиздат, 1928. 311 с.

11. *Ильин С.А.* Особенности областного строительства // Районирование СССР / под ред. Н.Д. Егорова. М.; Л.: Плановое хозяйство, 1926. С. 60–111.

12. *Смирнягин Л.В.* Районирование общества: методика и алгоритмы // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 19. М.; Смоленск: Ойкумена, 2011. С. 55–82.

13. *Исаченко А.Г.* Ландшафтная структура Земли, расселение, природопользование. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. 320 с.

14. *Минакир П.А., Демьяненко А.Н.* Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.

15. *Вишневский Д.С., Демьяненко А.Н.* Макроэкономическое зонирование как метод стратегического анализа: Дальний Восток России // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 6–31.

16. *Демьяненко А.Н.* О декомпозиции экономического пространства в пределах Дальневосточного макрорегиона // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 2. С. 5–20.

17. *Семёнов-Тян-Шанский В.П.* О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии. СПб.: 1915. 33 с.

18. *Миротворцев К.Н.* Об экономическом и административном устройстве необжитых территорий Сибирского Севера // Бюллетени Госплана. 1923. № 10. С. 70–79.

19. *Миротворцев К.Н.* К вопросу о районировании Сибири (Ленско-Байкальский район). Иркутск, 1924. 35 с.

20. *Смирнягин Л.В.* Районы США: портрет современной Америки. М.: Мысль, 1989. 379 с.

21. *Смирнягин Л.В.* Узловые вопросы районирования // Известия РАН. Серия географическая. 2005. № 1. С. 5–16.

22. *Шувалов В.Е.* Районирование в российской социально-экономической географии: современное состояние и направления развития // Региональные исследования. 2015. № 3. С. 19–29.

23. *Шувалов В.Е.* Районирование в трудах экономико-географов // Социально-экономическая география в России. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 103–116.

24. *Демьяненко А.Н.* Районная концепция в отечественной и зарубежной социально-экономической географии: а не перечитать ли классику еще раз? // Геосистемы Северо-Восточной Азии: природные, природно-ресурсные и социально-экономические структуры: сборник научных статей. Владивосток, 2023. С. 28–38.

25. *Демьяненко А.Н.* Постмодерн, пространственный поворот и отечественная социально-экономическая география // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 19–34.

26. *Смирнягин Л.В.* Районы США: портрет современной Америки. М.: Мысль, 1989. 379 с.

27. *Смирнягин Л.В.* Узловые вопросы районирования // Известия РАН. Серия географическая. 2005. № 1. С. 5–16.

References

1. Druzhinin A.G., Kuznecova O.V. Raionirovanie v prostranstvennom razvitii sovremennoi Rossii: problemnye voprosy teorii i praktiki [Zoning in the Spatial Development of Modern Russia: Problematic Issues of Theory and Practice], *Federalizm* [Federalism], 2025, Vol. 30, No. 2 (118), pp. 79–97. (In Russ.).

2. Agafonov N.T., Dem'yanenko A.N., Zhiglo A.N., Mezhevich M.N. Metodologicheskie osnovy reform administrativno-territorial'nogo ustroistva RSFSR v 20-h godah [Methodological Foundations of Reforms of the Administrative-Territorial Structure of the RSFSR in the 1920s]. Saint-Petersburg, ISEP, 1992, 44 p. (In Russ.).

3. Dem'yanenko A.N. Ekonomicheskoe raionirovanie: voprosy teorii i istorii [Economic Zoning: Theoretical and Historical Issues]. Habarovsk, Habarovskaya kraevaya tipografiya, 2020, 224 p. (In Russ.).

4. Aleksandrov I.G. Ekonomicheskoe raionirovanie Rossii [Economic Zoning of Russia]. Moscow, Gosplan, 1921, 15 p. (In Russ.).

5. Dezhina I.G. Transformacionnye issledovaniya: novyi prioritet gosudarstv posle pandemii [Transformational Studies: A New Priority for States after the Pandemic]. Moscow, Izd-vo Instituta Gajdara, 2020, 116 p. (In Russ.).

6. Aleksandrov I.G. Osnovy hozyaistvennogo raionirovaniya SSSR [Fundamentals of Economic Zoning of the USSR]. Moscow, Leningrad, Ekonomika i zhizn', 1924, 76 p. (In Russ.).

7. Bernshtein-Kogan S.N. K voprosu o programme i metodah sostavleniya poraionnyh obzorov i hozyaistvennyh planov [On the Program and Methods of Compiling District Reviews and Economic Plans], *Ekonomicheskoe raionirovanie Rossii* [Economic Zoning of Russia]. Moscow, 1921, pp. 23–29. (In Russ.).

8. V.O. Ekonomicheskoe raionirovanie Rossii [Economic Zoning of Russia. Materials], *Vestnik statistiki* [Bulletin of Statistics], 1923, No. 4-6, pp. 237–241. (In Russ.).

9. Egorov K. Raionirovanie i sovetskoe stroitel'stvo [Zoning and Soviet Construction], *Narodnoe hozyaistvo v Tsentral'no-Chernozemnoi oblasti* [Economy in the Central Chernozem region]. Book 2, 1926, pp. 78–81. (In Russ.).

10. Semenov-Tyan-Shanskii V.P. Raion i strana [Region and Country]. Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1928, 311 p. (In Russ.).

11. Il'in S.A. Osobennosti oblastnogo stroitel'stva [Features of Regional Development], Raionirovanie SSSR [Zoning of the USSR], edited by N.D. Egorova. Moscow, Leningrad, Planovoe hozyaistvo, 1926, pp. 60–111. (In Russ.).

12. Smirnyagin L.V. Raionirovanie obshchestva: metodika i algoritmy [Zoning of Society: Methodology and Algorithms], *Voprosy ekonomicheskoi i politicheskoi geografii zarubezhnyh stran* [Issues of Economic and Political Geography of Foreign Countries], Iss. 19. Moscow, Smolensk, Oikumena, 2011, pp. 55–82. (In Russ.).

13. Isachenko A.G. Landshaftnaya struktura Zemli, rasselenie, prirodopol'zovanie [Landscape Structure of the Earth, Settlement, Nature Management]. Saint-Petersburg, Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2008, 320 p. (In Russ.).

14. Minakir P.A., Dem'yanenko A.N. Ocherki po prostranstvennoi ekonomike [Essays on Spatial Economics]. Habarovsk, IEI DVO RAN, 2014, 272 p. (In Russ.).

15. Vishnevskii D.S., Dem'yanenko A.N. Makroekonomicheskoe zonirovanie kak metod strategicheskogo analiza: Dal'nii Vostok Rossii [Macroeconomic Zoning as a Method of Strategic Analysis: The Russian Far East], *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2010, No. 4, pp. 6–31. (In Russ.).

16. Dem'yanenko A.N. O dekompozicii ekonomicheskogo prostranstva v predelah Dal'nevostochnogo makroregiona [On the Decomposition of Economic Space within the Far Eastern Macroregion], *Regionalistika* [Regionalistics], 2018, Vol. 5, No. 2, pp. 5–20. (In Russ.).

17. Semenov-Tyan-Shanskii V.P. O mogushchestvennom territorial'nom vladenii primenitel'no k Rossii. Ocherk po politicheskoi geografii [On Powerful Territorial Possession as Applied to Russia. Essay on Political Geography]. Saint-Petersburg, 1915, 33 p. (In Russ.).

18. Mirotvorcev K.N. Ob ekonomicheskom i administrativnom ustroistve neobzhityh territorii Sibirskogo Severa [On the Economic and Administrative Structure of Uninhabited Territories of the Siberian North], *Byulleteni Gosplana* [Bulletins of the State Planning Committee], 1923, No. 10, pp. 70–79. (In Russ.).

19. Mirotvorcev K.N. K voprosu o raionirovanii Sibiri (Lensko-Baikal'skii raion). [On the Question of Zoning Siberia (Lena-Baikal Region)]. Irkutsk, 1924, 35 p. (In Russ.).

20. Smirnyagin L.V. Raiony SShA: portret sovremennoi Ameriki [Regions of the USA: Portrait of Modern America]. Moscow, Mysl', 1989, 379 p. (In Russ.).

21. Smirnyagin L.V. Uzlovye voprosy rajonirovaniya [Key Issues of Regionalization], *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series], 2005, No. 1, pp. 5–16. (In Russ.).

22. Shuvalov V.E. Raionirovanie v rossiiskoi social'no-ekonomicheskoi geografii: sovremennoe sostoyanie i napravleniya razvitiya [Zoning in Russian Socioeconomic Geography: Current Status and Development Directions], *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], 2015, No. 3, pp. 19–29. (In Russ.).

23. Shuvalov V.E. Raionirovanie v trudah ekonomiko-geografov [Regionalization in the Works of Economic Geographers], *Social'no-ekonomicheskaya geografiya v Rossii* [Socio-Economic Geography in Russia]. Vladivostok, Dal'nauka, 2016, pp. 103–116.

24. Dem'yanenko A.N. Raionnaya koncepciya v otechestvennoi i zarubezhnoi social'no-ekonomicheskoi geografii: a ne perechitat' li klassiku eshche raz? [The Regional Concept in Domestic and Foreign Socio-Economic Geography: Should We Reread the Classics Once Again?], *Geosistemy Severo-Vostochnoi Azii: prirodnye, prirodno-resursnye i social'no-ekonomicheskie struktury, sbornik nauchnyh statei* [Geosystems of North-East Asia: Natural, Natural-Resource, and Socio-Economic Structures, collection of scientific articles]. Vladivostok, 2023, pp. 28–38. (In Russ.).

25. Dem'yanenko A.N. Postmodern, prostranstvennyi povorot i otechestvennaya social'no-ekonomicheskaya geografiya [Postmodernism, the Spatial Turn, and Russian Socioeconomic Geography], *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oikumena. Regional Studies], 2022, No. 1, pp. 19–34. (In Russ.).

26. Smirnyagin L.V. Raiony SShA: portret sovremennoi Ameriki [Regions of the USA: Portrait of Contemporary America]. Moscow, Mysl', 1989, 379 p. (In Russ.).

27. Smirnyagin L.V. Uzlovye voprosy raionirovaniya [Key Issues of Regionalization], *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Izvestiya RAS. Geographical Series], 2005, No. 1, pp. 5–16. (In Russ.).

ZONING AND SPATIAL ORGANIZATION OF RUSSIA

The strategic goal set by the country's leadership to transform the spatial organization of modern Russia has put forward in the first row of the scientific and research agenda the justification of conceptual approaches adequate to new circumstances and challenges and the mechanisms implementing them. In this regard, attention should be paid to such tools of space restructuring as its zoning and zoning, which have long been known, but have not lost their potential. According to the authors, they can be useful today, provided they are updated and developed. In order to evaluate the modern capabilities of this tool, to understand its updated meaning and content, it would be useful to turn to the origins, in particular to the little-known events of the 1920s, marked by discussions and innovations in territorial economic research and the implementation of their results. Given the large scale of the Russian space, special attention was paid to the problems of the first level of organization of spaces – macro-regions and macrozones. Historical experience shows that zoning and zoning can be useful not only to identify the diversity of Russian spaces, but also to form institutions and organizations responsible for their modernization. It is proposed to consider macroregions and macrozones as a result of not only delimitation, but also the spatial organization of Russian society as a whole.

Keywords: zoning, zonation, spatial organization, delimitation, macroregions, historical experience.

JEL: B19, B29, R12, R28, R58

Дата поступления – 02.03.2026 *Принята к печати* – 21.04.2026

ДЕМЬЯНЕНКО Александр Николаевич
доктор географических наук, профессор, независимый эксперт, г. Хабаровск.
e-mail: demyanenko@ecrin.ru

ДЯТЛОВА Любовь Александровна
кандидат географических наук, доцент, независимый эксперт, г. Хабаровск.
e-mail: ad716008@gmail.com

DEM'YANENKO Aleksandr N.
Dr. Sc. (Geography), Professor; Independent Expert, Khabarovsk.
e-mail: demyanenko@ecrin.ru

DYATLOVA Lyubov A.
Cand. Sc. (Geography), Associate Professor; Independent Expert, Khabarovsk.
e-mail: ad716008@gmail.com

Для цитирования:
Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А. Районирование и пространственная организация России // Федерализм. 2026. Т. 31. № 2 (122). С. 102–116. DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2026-2-102-116

DOI: http://dx.doi.org/
10.21686/2073-1051-2026-2-117-140

Зарубежный опыт

М.В. ГЛИГИЧ-ЗОЛОТАРЕВА, К.С. КИРЮХИН

РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОМЕЖУТОЧНЫХ ВЫБОРОВ 2026 г. В США

В ноябре 2026 г. в США состоятся промежуточные выборы в конгресс и органы власти большинства штатов. В действующем конгрессе обе палаты находятся под контролем Республиканской партии, что позволяет ее лидеру, президенту Дональду Трампу, контролировать законодательный процесс и проводить собственные инициативы без оглядки на демократическое меньшинство парламента. Промежуточные выборы могут изменить расстановку сил в обеих палатах конгресса. В случае утраты республиканцами большинства хотя бы в одной из палат администрация лишится инструментов для проведения своих законодательных инициатив, а оппозиция получит механизм парламентского надзора и расследований. Немаловажно и региональное измерение промежуточных выборов: в предвыборный период повышается значение конфигурации власти в штатах и роль самой региональной компоненты в жизни государства, что является отражением глубинных тенденций американского федерализма. В статье рассмотрены особенности электоральной географии на промежуточных выборах 2026 г.; феномен колеблющихся штатов; политическая конфигурация промежуточных выборов; первичный этап промежуточных выборов и прогнозы их итогов, а также активизация различных региональных движений, включая рост сепаратистских настроений. Исход промежуточных выборов в США достаточно важен для России с внешнеполитической точки зрения, особенно в отношении конфликта на Украине и санкционного давления. Значим американский опыт и для понимания некоторых внутрироссийских электоральных процессов.

Ключевые слова: промежуточные выборы в США, избирательная система США, конгресс, палата представителей, сенат, федерализм, электоральная география, редистриктинг, колеблющиеся штаты.

JEL: K10, K16, K40, R23, Z18

На 3 ноября 2026 г. назначены промежуточные выборы в конгресс США.

Промежуточные выборы в Соединенных Штатах – это выборы, проводящиеся в середине четырехлетнего президентского срока полномочий, в четные годы. В ходе промежуточных выборов полностью переизбирается палата представителей (435 мест) и одна треть сената (всего в его составе 100 сенаторов). Кроме того, в 36 штатах (всего в составе США 50 штатов) будут избраны губернаторы: в 34 штатах на четырехлетний срок, в двух (Вермонт и Нью-Гэмпшир) – на двухлетний срок. Во многих штатах произойдут выборы в законодательные органы, а также в муниципальные органы власти. Плотность проводимых в данный период выборов, их масштаб и значение для страны таковы, что они часто рассматриваются *в качестве референдума о поддержке избирателями действующего президента США и правящей партии*[1].

Конституция США в ст. I закрепляет двухлетний срок полномочий членов палаты представителей и шестилетний – членов сената с ротацией трети состава каждые два года. Для получения большинства в палате представителей необходимо 218 мандатов из 435; для большинства в сенате – 51 место из 100. Ход выборов в Соединенных Штатах, согласно ст. I Конституции США, регулируется прежде всего законами штатов. Федеральный надзор за финансированием кампаний обеспечивает Федеральная избирательная комиссия в соответствии с Законом о федеральных избирательных кампаниях 1972 г.[2]

Таким образом, в ноябре 2026 г. состоятся выборы всех 435 членов палаты представителей США, а также выборы в сенат США по классу III: 33 места проходят регулярные шестилетние выборы, еще два места – *специальные выборы*[3] для замещения незавершенных сроков[4]. Первое специальное место – от Флориды освобождено после отставки Марко Рубио, назначенного государственным секретарем 20 января 2025 г.; врио сенатора является Эшли Муди, назначенная губернатором Роном Десантисом. Второе специальное место – от Огайо освобождено после отставки Джей Ди Вэнса в связи с избранием вице-президентом 10 января 2025 г.; врио сенатора является Джон Хьюстед, назначенный губернатором Майком Девайном. Оба специальных голосования пройдут одновременно с регулярными[5].

---

[1] Прохватилов В. Никто уже не сделает Америку вновь великой. URL: https://vz.ru/opinions/2022/11/8/1185441.html

[2] Federal Election Campaign Act. / Federal election campaign laws. The Federal Election Commission Washington, D.C. 20463 second edition, february 2019. URL: https://www.fec.gov/resources/cms-content/documents/feca.pdf

[3] Специальные выборы проводятся, как правило, в связи с отставкой или смертью политика, занимающего какую-либо должность.

[4] Выборы в сенат США по классу III относятся к категории регулярных выборов, которые проводятся в рамках двухлетнего цикла. Согласно Конституции США, сенаторы разделены на три класса, и каждые два года переизбирается только один класс. При этом сенаторы от одного штата всегда находятся в разных классах, так что срок полномочий каждого из них заканчивается в разные годы.

[5] United States Congress elections 2026. URL: https://ballotpedia.org/Category:Congress_elections,_2026

Промежуточные выборы в США проводятся в первый вторник, следующий за первым понедельником ноября. Данный порядок был введен в 1845 г., после принятия Конгрессом соответствующего федерального закона. До этого штаты вправе были назначать голосование на любой день в течение 34 дней до первой среды декабря. Однако такая практика приводила *к попыткам подогнать волеизъявление электората под нужные результаты*: на настроения в тех штатах, где голосование проходило позже, зачастую влиял результат более ранних по времени кампаний, что привело к отказу от этой практики[1].

Сегодня в действующем конгрессе США обе палаты находятся под контролем Республиканской партии, что позволяет ее лидеру, президенту Дональда Трампу, контролировать законодательный процесс и проводить собственные инициативы без оглядки на демократическое меньшинство парламента. Выборы в ноябре 2026 г. *определят контроль над обеими палатами конгресса* и, следовательно, характер оставшихся двух лет второго президентского срока Трампа. В случае утраты республиканцами большинства хотя бы в одной из палат администрация лишится инструментов для проведения бюджетных, налоговых и иных приоритетных законодательных инициатив, а оппозиция получит механизм парламентского надзора и расследований.

Международное измерение ноябрьских выборов обусловлено тем, что конфигурация нового конгресса *напрямую повлияет на позицию США по военной и финансовой поддержке Украины*, на тарифную и торговую политику, а также на готовность Вашингтона участвовать в многосторонних внешнеполитических и внешнеэкономических обязательствах, вызывающих острые разногласия как внутри страны, так и среди союзников по НАТО.

Региональное измерение промежуточных выборов также значительно. Поскольку большинство избирательных кампаний проходят в конкретных штатах, в предвыборный период резко повышается значение конфигурации власти в регионах и, соответственно, роль самой региональной компоненты в жизни всего государства, что является отражением глубинных тенденций американского федерализма. Одной из форм проявления этого процесса становится активизация различных региональных общественно-политических сил, включая рост сепаратистских настроений.

Электоральная география на промежуточных выборах

Ключевой институциональной особенностью кампании 2026 г. становится гонка перераспределения избирательных округов. Данная особенность американской избирательной системы напрямую связана и в высокой степени обусловлена *федеративным характером Соединенных Штатов.* Электоральная география является в определенном смысле

[1] Забродин А. Карты, бренди, две палаты. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5609105

своеобразным приводным ремнем, посредством которого общественно-политическая ситуация в штатах оказывает влияние на повестку партий, федеральных по своей природе.

По мнению исследователей, в частности, А. Буниной, с ростом поляризации американской политической системы избирательный процесс в США постепенно *превращается в* биполярное соперничество, *игру с нулевой суммой*. Находящаяся у власти партия использует любые законные методы для сохранения своего статуса. Для победы на выборах становится важным не привлечь избирателя, а изменить условия выборов так, чтобы политический конкурент не мог победить. Для этого партии обращаются к *электоральной географии*. Каждые 10 лет по всей стране меняются границы избирательных округов, этот процесс получил название редистриктинга[1]. Находящаяся у власти партия старается сделать так, чтобы новые округа обеспечили ей преимущество на выборах. Это злоупотребление определением границ назвали джерримендерингом[2].

Наиболее емкое определение джерримендеринга предложил Б. Каин в 1985 г.: джерримендеринг – это попытка *лишить партию меньшинства как можно большего числа мест*[3] [2]. Джерримендеринг строится на следующем: чтобы повлиять на исход голосования, заинтересованной стороне следует начертить границы так, чтобы другая партия была в меньшинстве везде, где это возможно. Это достигается двумя методами:

- «упаковкой» – объединением районов, поддерживающих партию меньшинства, в один округ со значительным перевесом голосов;
- «дроблением» округа с высоким рейтингом другой партии на составные части нескольких округов, чтобы рассеять ее поддержку.

Джерримендеринг преследует две цели: с одной стороны, это желание сохранить свои места, заморозить превосходство, с другой – получить дополнительные мандаты [3].

Степень джерримендеринга зависит от того, какой орган осуществляет перенарезку округов. В 35 штатах за изменение границ отвечают региональные парламенты, где партия большинства может легко проигнорировать интересы меньшинства; в некоторых штатах для принятия такого решения может требоваться согласие губернатора или двух третей членов регионального парламента, что уже представляет определенные сложности [1]. Возможно даже проведение регионального референдума по данному вопросу.

---

[1] Англ. *redistricting* – изменение границ избирательных округов.

[2] Джерримендеринг (англ. *gerrymandering*; также избирательная геометрия, избирательная география) – термин, который означает произвольную демаркацию избирательных округов с целью искусственного изменения соотношения политических сил в них и, как следствие, в целом на территории проведения выборов.

[3] Проблема джерримендеринга существует практически с момента образования американской государственности. Сам термин появился в 1812 г., когда губернатор Массачусетса Э. Джерри создал округа настолько неестественной формы, что их очертания напоминали саламандру, которую назвали джерримандрой [1].

В теории американского права нарезка избирательных округов связана ни много ни мало с *гарантией республиканской формы правления в штатах* (разд. 4 ст. IV § 4 Конституции США предусматривает, что «Соединенные Штаты гарантируют каждому штату... республиканскую форму правления»). Однако Верховный суд постановил, что данная конституционная норма не подлежит исполнению судами, поскольку вопрос о том, что такое республиканская форма правления, представляет собой не относящийся к компетенции судебной власти «политический вопрос»[1]. При этом Верховный суд постановил, что *границы избирательных округов в штатах должны быть определены справедливо,* чтобы не ослабить силу голосов избирателей. В соответствии с этим решением система нарезки избирательных округов, гарантирующая реализацию *принципа «один человек – один голос»,* была объявлена признаком демократичности избирательной системы штата. Основой для разграничения судебных дел, по которым Верховный суд предписал справедливое перераспределение избирательных округов, от вопроса о том, что есть республиканская форма правления, является то обстоятельство, что редистриктинг не влияет на принципы организации государственной власти в штатах, – справедливая нарезка избирательных округов просто гарантирует, что существующая система голосования по округам *не функционирует дискриминационно по отношению к кому-либо* [4].

Демократическая и Республиканская партии уже начали процесс активной перенарезки границ избирательных округов в попытке обеспечить себе преимущество на промежуточных выборах в ноябре 2026 г. В этот процесс оказались вовлечены не только органы законодательной и исполнительной власти штатов, но и судебные органы разных уровней, включая федеральный.

По данным американской Национальной конференции законодательных органов штатов (*NCSL*), по состоянию на апрель 2026 г. семь штатов (Калифорния, Миссури, Северная Каролина, Огайо, Техас, Юта и Вирджиния) уже утвердили новые карты избирательных округов. Наиболее свежий из подобных кейсов произошел в Вирджинии, где избиратели одобрили в ходе референдума изменение границ электоральных округов штата. Новая карта даст демократам возможность получить до четырех дополнительных мест в палате представителей на промежуточных выборах, потенциально потеснив при этом республиканцев. В трех других штатах (Мэриленде, Южной Каролине и Вашингтоне) в региональные парламенты были внесены законопроекты, в случае принятия которых электоральные карты также претерпят изменения. Во Флориде губернатор Рон Десантис созвал специальную сессию для решения вопроса о перераспределении избирательных округов на выборах в конгресс: Республиканская партия может получить до пяти дополнительных мест на промежуточных выборах в зависимости от того,

[1] Решение Верховного суда США по делу *Luther v. Borden, 48 U.S. 1* (1849).

как легислатура штата определит границы округов. Еще четыре штата (Алабама, Луизиана, Северная Дакота и Висконсин) также готовятся к изменению границ электоральных округов после соответствующих решений судов, следует из данных NCSL[1].

Перекройка избирательных округов активизировалась после того, как при поддержке президента США Трампа в августе 2025 г. сенат Техаса одобрил вариант электоральной карты, которая, как предполагается, даст республиканцам дополнительно пять мест на ноябрьских выборах. Федеральный суд в Эль-Пасо признал техасскую карту *нелегальным расовым джерримендерингом*. Однако Верховный суд США временно приостановил исполнение этого решения, разрешив применять спорную карту на выборах 2026 г.

В ответ на это губернатор Калифорнии Гэвин Ньюсом 22 августа 2025 г. подписал проект перераспределения избирательных округов штата, что может дать демократам дополнительно пять мандатов на грядущих выборах. Республиканцы обратились в суд с целью заблокировать эту инициативу, но Верховный суд иск отклонил. Калифорния в ноябре 2025 г. через специальный референдум одобрила перекройку собственных округов в интересах демократов.

Все это вызвало цепную реакцию в других штатах. В Миссури и Северной Каролине перенарезка округов может обеспечить Республиканской партии по одному дополнительному месту на промежуточных выборах, в Огайо – от одного до двух; в Юте перекройка границ, напротив, должна дать преимущество в один мандат демократам[2]. К началу июня электоральные округа для промежуточных выборов были перенарезаны в Луизиане и Алабаме. Причем в Луизиане – после решения Верховного суда по делу *Louisiana v. Callais*, которое касалось конституционности карты избирательных округов Луизианы после переписи населения 2020 г.[3]

Указанные процессы подчеркивают сохраняющуюся юридическую подвижность избирательной инфраструктуры США на уровне штатов[4]. При этом, по оценкам Сабато[5], число безопасных мест у республиканцев практически не изменилось, тогда как *число безопасных мест у демократов возросло*.

---

[1] Демократы и республиканцы перекраивают округа для победы на выборах в США. URL: https://ria.ru/20260422/ssha-2088399173.html

[2] По данным газеты *New York Times* (см.: Демократы и республиканцы перекраивают округа для победы на выборах в США. URL: https://ria.ru/20260422/ssha-2088399173.html).

[3] Суть дела: группа нечернокожих избирателей Луизианы под руководством Филипа Каллеса подала иск к секретарю штата. Они утверждали, что при составлении карты шестого округа законодательство учитывало в первую очередь расовый фактор. Положительное решение по данному делу давало бы преимущества республиканцам.

[4] Сайт Федеральной избирательной комиссии США (*FEC*). URL: https://www.fec.gov/

[5] «Хрустальный шар Сабато» – проект Центра политики Университета Вирджинии, занимающегося прогнозированием результатов выборов в США. Его автор – Ларри Сабато, профессор политики и один из ведущих политических аналитиков страны (см.: Сайт Sabato's Crystal Ball. URL: https://centerforpolitics.org/crystalball/page/2/).

Несмотря на то, что джерримендеринг оказывает непосредственное влияние на распределение мест в палате представителей, особенно в условиях, когда большинство в ней определяется всего несколькими голосами, конгресс не участвует в регулировании редистриктинга, и почти все федеральные требования появились в результате судебных разбирательств. До 1960-х гг. штаты самостоятельно решали, когда проводить редистриктинг, что привело к злоупотреблениям, причем сразу обеих основных политических сил США. Демократы и республиканцы активно перенарезали округа сразу после прихода к власти или, наоборот, десятилетиями их не меняли, несмотря на демографические изменения. По результатам нескольких судебных разбирательств в 1960-х гг. была сформирована основа современной американской избирательной системы. Принцип «один человек – один голос» обязал проводить перепись населения каждые 10 лет для того, чтобы округа штата были примерно одинаковыми по количеству жителей. В 1965 г. был принят Закон об избирательных правах, который запрещал расовую дискриминацию и поощрял так называемые округа *большинства меньшинства* (*majority-minority*), благодаря которым в органах власти стало постепенно увеличиваться представительство афроамериканцев, латиноамериканцев и индейцев. Создание неестественных границ округов для соблюдения прав данных групп избирателей получило название позитивного джерримендеринга [5] (по аналогии с так называемой позитивной дискриминацией).

В 1986 г. Верховный суд постановил, что не только расовый, но и «партийный джерримендеринг считается неконституционным, если он экстремальный». Но уже в 2019 г. суд постановил, что джерримендеринг не подлежит рассмотрению в федеральных судах, поскольку это политический вопрос. Таким образом, Верховный суд самоустранился от принятия решения, которое бы изменило всю электоральную систему, и переложил ответственность на законодательные власти и региональные суды [1].

В рассуждениях о причинах политического кризиса, высокой поляризации и неоднозначных результатов выборов в конгресс американские исследователи все чаще обращают внимание именно на джерримендеринг. В изменении границ избирательных округов они видят фактор, способный определить политический баланс. Демократы обвиняют республиканцев в злоупотреблении электоральной географией, осуждают джерримендеринг и призывают ужесточить контроль; республиканцы же говорят о неконституционности и политическом характере предлагаемых демократами реформ [1].

По мнению экспертов, ландшафт электоральной карты США на предстоящие десятилетия будет зависеть от результатов очередной переписи населения, редистриктинг же заморозит нынешнюю электоральную ситуацию. Более населенные штаты так или иначе получат больше голосов в палате представителей. Согласно оценкам, происходит постепенный отток населения с северо-востока и среднего

запада на юг страны, в Техасе и Флориде становится больше жителей, поэтому эти штаты получат дополнительно трех и двух представителей в конгрессе соответственно. Колеблющиеся штаты Аризона и Северная Каролина получат по одному представителю[1].

Феномен колеблющихся штатов: стечение обстоятельств или проявление глубинных черт американского федерализма?

Экспертами давно отмечена, на первый взгляд, парадоксальная ситуация: определяющим судьбу выборов в США становится исход борьбы в так называемых колеблющихся штатах (*swing states*)[2], где заранее предсказать победителя невозможно, а избиратели часто меняют свои предпочтения.

Ситуация, при которой кандидатам в президенты (и не только им) приходится конкурировать за относительно небольшую, но определяющую долю голосов в нескольких неопределившихся далеко не самых крупных штатах, сложилась вследствие *особенностей американской электоральной системы*, заложенных еще отцами-основателями США. Известно, что они придерживались разных взглядов на процесс выборов президента, но им удалось достичь консенсуса в том, что ключевую роль в выборе общенационального лидера должны играть именно штаты. В итоге на Филадельфийском конвенте в 1787 г. состоялся компромисс, который существует вплоть до сегодняшнего дня под названием коллегия выборщиков[3]. Один из важнейших факторов сохранения непрямых выборов представляют *сильные федералистские традиции Соединенных Штатов*. Американские политологи У. Беннет и К. Превит считают, что федеральное правительство в США является не основателем, а *продуктом штатов*, выступающих в едином союзе[4].

Наибольшая поддержка республиканцев концентрируется сегодня в центральной части страны – Техасе, Канзасе, Оклахоме, Монтане, Небраске и ряде других штатов. Демократов традиционно поддерживают западное и восточное побережья – штаты Нью-Йорк, Пенсильвания, Калифорния, Орегон и др., с примкнувшими к ним штатами в глубине территории (Миннесота, Иллинойс и др.), а также столицей США Вашингтоном. Логично было бы предположить, что кандидатам на выборах выгоднее вести борьбу за четыре наиболее густонаселенных штата – Калифорнию, Техас, Флориду и Нью-Йорк. Однако в связи с тем, что эти

[1] Arizona Gains Rhode Island's Seat with New 2018 Census Estimates; But Greater Change Likely by 2020. Election Data Services, 19.12.2018. Available at: https://www.electiondataservices.com/wp-content/uploads/2018/12/NR_ Appor18wTablesMaps20181219.pdf

[2] Термин *swing states* впервые появился в 1936 г. на страницах *The New York Times*, во время предвыборной кампании демократа Франклина Делано Рузвельта..

[3] Забродин А. Неопределившиеся определяют все. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6577524

[4] Василенко И.А. Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2001. 200 с.

штаты сегодня имеют четкую партийную принадлежность, кандидатам нет смысла тратить время и деньги на предвыборную агитацию в данных штатах. Поэтому голоса, полученные в Неваде, посылающей в коллегию всего шесть выборщиков, оказываются ценнее голосов в крупнейших штатах. В 2024 г. *ключевыми стали выборы именно в колеблющихся штатах* – Аризоне, Неваде, Висконсине, Мичигане, Пенсильвании, Северной Каролине и Джорджии.

Колеблющиеся штаты условно подразделяются на несколько групп.

«Солнечный пояс» – Невада, Аризона, Джорджия и Северная Каролина. Это регион в США, расположенный ниже 36-й параллели. Он получил свое название благодаря теплому субтропическому климату. Исторически южные районы были центром производства сельскохозяйственной продукции, в связи с чем большую часть его населения представляют консервативные сельские жители. Другой особенностью «Солнечного пояса» является расовый состав: в некоторых штатах практически половину составляют латиноамериканцы и афроамериканцы, обычно голосующие за демократов.

«Ржавый пояс» – Висконсин, Мичиган и Пенсильвания. Это центр американской промышленности, однако некогда богатый регион после серии экономических кризисов в итоге оказался в глубоком упадке. Штаты «Ржавого пояса» традиционно были лояльны к демократам на протяжении большинства избирательных кампаний (так называемая «синяя стена»), в них проживают крупные диаспоры расовых меньшинств. Радикальные изменения произошли в 2016 г., когда штаты «Ржавого пояса» проголосовали за республиканца Трампа, и с тех пор данные штаты стали относить к колеблющимся: белые избиратели там поддержали ультраконсервативную риторику Трампа и его обещания возродить некогда процветающую промышленность «Ржавого пояса».

Крайне интересный феномен – Северная Каролина. Для этого штата характерна расовая однородность, белые тут составляют две трети населения. Колеблющимся же штат стал из-за практического равенства женского и мужского электората: согласно опросам, за республиканцев здесь обычно голосуют преимущественно мужчины, за демократов – женщины[1].

По мнению Джона Худака из Института Брукингса, феномен колеблющихся штатов возник почти сразу после образования США. Однако эксперт по колеблющимся штатам Дэвид Шульц считает, что по-настоящему этот феномен дал о себе знать на фоне Гражданской войны, из-за проблемы рабства, разделившей страну на Север, поддерживающий республиканцев, и Юг, голосующий за демократов. Такой раскол мотивировал политиков бороться за голоса неопределившихся штатов, которые в конечном итоге и влияли на исход выборов. Одним из таких штатов стал Огайо, связанный с чисто американской электо-

[1] Щелоков А. «Солнечный» пояс против «Ржавого»: что такое «колеблющиеся» штаты и чем они отличаются. URL: https://www.mn.ru/smart/solnechnyj-poyas-protiv-rzhavogo-chto-takoe-koeblyushhiesya-shtaty-i-chem-oni-otlichayutsya

ральной приметой: ни одному республиканцу не удавалось стать президентом, не победив в этом штате.

Очевидно, чем больше в штате проживает независимых избирателей без строгой партийной привязки, тем выше шанс, что именно здесь будет решаться судьба Белого дома. Эта тенденция углубляется, поскольку в последние годы число американцев, не ассоциирующих себя ни с демократами, ни с республиканцами, неуклонно растет, составляя примерно 40%. Однако лишь *около 7% американцев не имеют четких партийных предпочтений*, за их голоса и разворачивается битва между кандидатами. Заложенный отцами-основателями в фундамент американской государственности принцип непрямых президентских выборов, позволяющий повышать значение штатов в борьбе за Белый дом, *фактически сработал только в отношении колеблющихся штатов*, поскольку именно на них оказалось сфокусировано внимание кандидатов. Так, например, на президентских выборах в 2016 г. 94% мероприятий, связанных с кампаниями кандидатов, пришлись на 12 штатов[1]. По подсчетам специалистов, в избирательной кампании 2024 г. из рекордных 0,2 млрд долл., потраченных на политическую рекламу, более 80% достались колеблющимся штатам[2]. Быть колеблющимся в американской электоральной системе выгодно.

На этом фоне периодически обостряется дискуссия о целесообразности отказа от института коллегии выборщиков, – по некоторым данным, на рассмотрение конгресса США конституционная поправка об этом вносилась более тысячи раз[3]. Однако прогнозируется, что в этом случае фактически определять судьбу президентства будут густонаселенные территории, расположенные вдоль побережий, что приведет к укреплению позиций демократов. Кроме того, колеблющиеся штаты, как и населяющие их избиратели, достаточно непостоянны. Если не так давно непредсказуемыми считались выборы во Флориде, то после президентских кампаний 2016 и 2020 гг. этот штат выпал из числа колеблющихся, став республиканским. Калифорния, которая сегодня прочно ассоциируется с демократами, с 1952 по 1988 г., за исключением одних выборов, голосовала за кандидата в президенты от республиканцев, которые с 1948 по 1988 г. 6 раз из 10 победили в ныне демократическом Нью-Йорке. Сегодня в списке колеблющихся семь штатов, но на следующих выборах этот список может измениться. Так, например, в Техасе в последнее время наблюдается рост продемократически настроенного электората, и хотя штат в целом контролируется республиканцами, в 2020 г. ряд СМИ и аналитиков поспешили причислить его к колеблющимся. Кроме того, начиная с 1992 г. в 26 штатах разрыв между победителем и проигравшим на выборах составлял менее 3% голосов,

[1] Забродин А. Неопределившиеся определяют все.
[2] Исэров А. Как возникла коллегия выборщиков и другие особенности избирательной системы США. URL: https://profile.ru/abroad/kak-voznikla-kollegiya-vyborshhikov-i-drugie-osobennosti-izbiratelnoj-sistemy-ssha-1615176/
[3] Там же.

а с 1952 г. вообще нет ни одного штата, который хотя бы раз не колебался[1].

Все это свидетельствует о расширении феномена колеблющихся штатов, который *приобрел значение* не только для президентских выборов, но и в целом – *для всей американской избирательной системы.* Именно в колеблющихся штатах постепенно происходят политические перемены и изменения электоральной карты. Следом за колеблющимися штатами *появился феномен колеблющихся округов.* Наиболее значительный из актуальных изменений электоральной карты – это рост поддержки демократов в штатах на границе с Мексикой: Техас и Аризона постепенно идут к тому, чтобы из республиканских штатов превратиться в колеблющиеся[2], что может изменить политический баланс, так как обе партии начнут тратить значительные ресурсы на проведение кампаний именно в Техасе.

Еще одной ключевой тенденцией США являются глубинные демографические подвижки: *доля небелого населения США* растет и к 2030 г. достигнет 44%[3]. Число районов, а значит, и округов с высокой долей цветного населения будет увеличиваться. Этнические меньшинства предпочитают либеральную повестку, поэтому стоит ожидать повышения роли цветного населения на выборах. Обе партии учитывают эти прогнозы при планировании избирательной кампании, сосредоточивая усилия в тех штатах, где есть возможность оказать влияние на редистриктинг. Общественный запрос на ограничение джерримендеринга формируется в основном со стороны демократов: на региональном уровне постепенно усиливается контроль за процедурой редистриктинга, все больше штатов поручают ее *независимым комиссиям.* Также развиваются поддерживаемые Демократической партией группы давления и прикладные методы для выявления джерримендеринга, к которым прислушиваются суды, – их постановления создают ограничительные прецеденты на уровне штатов [1].

Таким образом, выборы в США – процедура, весьма далекая от демократических принципов равенства граждан. Голоса избирателей в малых штатах «стоят» больше, чем в больших, а основные силы кандидаты тратят на убеждение сравнительно небольшого меньшинства – жителей колеблющихся штатов, причем сегодня такая система обычно благоприятствует Республиканской партии[4].

---

[1] Забродин А. Неопределившиеся определяют все.

[2] Rakich N. How Arizona Became a Swing State. URL: https://fivethirtyeight.com/ features/ how-arizona-became-a-swing-state/

[3] Vespa J., Medina L., Armstrong D. Demographic Turning Points for the United States: Population Projections for 2020 to 2060. Population Estimates and Projections. United States Census Bureau, 2020. URL: https://permanent.fdlp.gov/gpo93743/P25_1144.pdf.

[4] Исэров А. Как возникла коллегия выборщиков и другие особенности избирательной системы США.

Политическая конфигурация на промежуточных выборах

Текущий баланс внутри конгресса по состоянию на середину июня 2026 г. выглядит для республиканцев менее комфортно, чем весной. В палате представителей у них 218 мест против 212 у демократов, одно место занимает независимый депутат, еще четыре мандата остаются вакантными[1]. Это означает, что уже до голосования партия большинства действует на пределе дисциплины, а любая новая вакансия или внутрипартийный раскол повышает цену каждого голосования.

В палате представителей ситуация некомфортна для партии президента. Борьба тут сводится к нескольким десяткам округов. Согласно сводной карте *270toWin*[2] на июнь 2026 г., в категории равной борьбы находились 19 округов, еще 13 оценивались как округа с легким преимуществом демократов, 14 – как округа с вероятным преимуществом демократов, 7 – как округа с легким преимуществом республиканцев и 23 – как округа с вероятным преимуществом республиканцев. Последние июньские корректировки *Inside Elections* сместили часть спорных округов в сторону демократов[3].

Внутрипартийная динамика также существенно осложняет положение республиканцев. По сообщениям прессы, действующий конгресс установил рекорды по числу и продолжительности шатдаунов, а также по малому количеству принятых законов[4]. Волна отставок среди действующих конгрессменов (по данным *Ballotpedia*, к марту 2026 г. о неучастии в выборах объявили 66 действующих представителей) свидетельствует о глубоком разочаровании внутри республиканской фракции[5]. На стороне демократов – убедительные результаты ноябрьских выборов 2025 г. в Вирджинии и Нью-Джерси, где кандидаты оппозиции выиграли губернаторские гонки с перевесом, превысившим прогнозы. Поэтому республиканцы будут сосредоточены на защите, тогда как демократам для победы необходимо усилить позиции в ключевых колеблющихся округах, прежде всего в колеблющихся Аризоне и Мичигане, а также в Айове, Огайо и Техасе. Шансы демократов получить в палате представителей большинство (до 230 мест) на сегодняшний день очень высоки.

В сенате текущего созыва – 53 республиканца и 47 демократов, включая двух независимых сенаторов, которые присоединяются к демократам при голосовании. Переизбираются 35 мест, из которых 22 занимают республиканцы и 13 – демократы. Последним для победы

---

[1] Сайт палаты представителей США. URL: https://www.house.gov/

[2] *270toWin* – американский политический сайт на основе *Cook Political Report, Sabato's Crystal Ball* и *Inside Elections*, на котором представлены интерактивные карты и данные о выборах президента, в конгресс и губернаторов. Сайт позволяет пользователям составлять собственные прогнозы выборов, а также предлагает исторические результаты выборов, данные опросов и прогнозы различных политических аналитиков.

[3] Сайт 270toWin. URL: https://www.270towin.com/

[4] The Christian Science Monitor. URL: https://www.csmonitor.com/

[5] Сайт Ballotpedia, United States Congress elections 2026. URL: https://ballotpedia.org/Category:Congress_elections,_2026

необходимо сохранить все свои места и получить четыре дополнительных. Сегодня 16 мест оцениваются как «надежные республиканские», 9 – как «надежные демократические», 4 – как колеблющиеся; последние пока принадлежат демократам.

Сенатская кампания к июню 2026 г. перестала выглядеть как республиканская. Она пока не превратилась в устойчиво демократическую, хотя отдельные ключевые штаты уже сдвинулись в сторону демократов. По состоянию на июнь 2026 г. сводный прогноз *270toWin* фиксировал движение колеблющейся Северной Каролины в категорию «легкое преимущество демократов», а также переход Аляски и Огайо в категорию равной борьбы. Немного ранее *Cook* дополнительно смягчил республиканский статус Айовы с «вероятного преимущества республиканцев» до «легкого преимущества республиканцев»[1].

То есть, электоральная карта верхней палаты конгресса остается подвижной. Борьба традиционно концентрируется в ограниченном числе штатов. В Огайо средний показатель *RealClearPolling*[2] к 15 июня 2026 г. давал равенство между демократом Шерродом Брауном и республиканцем Джоном Хьюстедом – по 47,5%. В Мэне средний показатель *RealClearPolling* по паре демократ Грэм Платнер – республиканка Сьюзен Коллинз показал преимущество демократического кандидата на 6,4 процентного пункта. В Нью-Гэмпшире демократ Крис Паппас сохранил преимущество над республиканцем Джоном Сунуну на 3,7 процентного пункта[3]. Для республиканцев это означает, что даже в благоприятной ситуации партия вынуждена будет обороняться не только в традиционно колеблющихся штатах, но и в ряде регионов, которые еще недавно казались безопасными. Решающее значение для расклада сил в следующем сенате будут иметь выборы в традиционно колеблющихся Северной Каролине, Джорджии и Мичигане, а также в штате Мэн. Шансы республиканцев сохранить контроль над верхней палатой пока относительно высоки. В случае, если финальный расклад будет 50 на 50, перевес у республиканцев останется только за счет голоса вице-президента Джей Ди Вэнса[4].

Кроме того, в большинстве штатов состоятся выборы в законодательные собрания, а в 36 – голосование за губернатора. Борьба развернется в штатах, где из-за ограничения сроков не могут переизбираться 18 действующих губернаторов-демократов, чьи полномочия истекают. Причем 5 из этих 18 штатов на президентских выборах 2024 г. проголосовали за Трампа (Аризона, Канзас, Мичиган, Пенсильвания, Висконсин), поэтому шансы демократов на победу здесь оцениваются сегодня как 50 на 50[5].

---

[1] Сайт 270toWin. URL: https://www.270towin.com/

[2] *RealClearPolling* – специализированный сайт, агрегирующий данные опросов общественного мнения о выборах в США.

[3] Сайт RealClearPolling. URL: https://www.realclearpolling.com/ (дата обращения: 15.06.2026).

[4] Войтоловская А. «Хромая утка» в Белом доме: что ожидает Д. Трампа после промежуточных выборов. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/khromaya-utka-v-belom-dome-chto-ozhidaet-d-trampa-posle-promezhutochnykh-vyborov/

[5] Там же.

Традиционно партия президента *теряет места на промежуточных выборах* – с 1938 г. так произошло в 20 случаях из 22. По мнению экспертов, промежуточные выборы 2026 г. по неписаным правилам американской политики должны стать благоприятными для демократов. Это связано с тем, что такие выборы почти всегда приносят пользу партии, представитель которой не занимает пост президента. Со времен Гражданской войны Демократическая партия получала места в палате представителей на всех промежуточных выборах за исключением четырех[1]. Это связано прежде всего с разочарованием электората от невыполненных предвыборных обещаний. Наиболее сильно эффект разочарования проявляется в палате представителей, где волатильность выше из-за короткого электорального цикла. В сенате сменяемость сенаторов ниже, поэтому смена партийного контроля там обычно происходит реже и чаще совпадает с президентскими выборами. О высокой мобилизации протестного электората и повышенном энтузиазме демократической базы свидетельствуют и результаты специальных выборов: с начала 2025 г. демократы одержали серию значительных побед в законодательные собрания штатов, включая смену контроля над 12 округами в республиканских штатах (Техас, Миссисипи, Айова) и над 8 округами во Флориде[2].

Главный системный фактор по-прежнему связан с рейтингом президента. Средний показатель одобрения Трампа на *RealClearPolling* по состоянию на 11 июня 2026 г. составлял 40,6% при 56,2% неодобрения[3]. Опрос *NBC News* от 14 июня давал 42% одобрения и 57% неодобрения. Еще важнее для промежуточного цикла то, что демократы к этой же дате удерживали преимущество в общенациональном партийном бюллетене конгресса: свежий опрос *NBC* фиксировал счет 49% против 44%. Историческое сравнение *RealClearPolling* на 14 июня 2026 г. показывало средний разрыв около 5,8 процентного пункта в пользу демократов[4]. По логике американских промежуточных выборов это создает для партии президента неблагоприятную среду уже за несколько месяцев до голосования. Исторические данные устойчиво подтверждают: партия президента несет потери на промежуточных выборах тем более значительные, чем глубже уходит рейтинг президента в отрицательную зону. По данным Брукингского института, во всех промежуточных выборах за последние три десятилетия, когда рейтинг чистого одобрения президента был отрицательным за год до выборов, партия президента теряла места в палате представителей[5].

Основными темами кампании, по данным социологических исследований, стали экономика, инфляция и стоимость жизни. Опрос *UMass*

[1] Панина Е. Демпартия США надеется переиграть Трампа на промежуточных выборах в Конгресс. URL: https://russtrat.ru/analytics/1754066570-12991

[2] Войтоловская А. «Хромая утка» в Белом доме: что ожидает Д. Трампа после промежуточных выборов.

[3] Сайт RealClearPolling. URL: https://www.realclearpolling.com/ (дата обращения: 15.06.2026).

[4] Там же.

[5] What history tells us about the 2026 midterm elections. URL: https://www.brookings.edu/articles/what-history-tells-us-about-the-2026-midterm-elections/

Lowell/YouGov (9 апреля 2026 г.) зафиксировал: 57% респондентов заявили, что их жизнь стала несколько или значительно труднее за последние полгода; 67% оценили движение страны в неверном направлении[1]. Внешнеполитический фон усиливает эти проблемы. Иранская военная операция, начатая в марте 2026 г., не консолидировала общественное мнение в пользу президента, поддержка военных действий остается отрицательной. По вопросу о действиях Трампа в отношении России и Украины средний показатель *RealClearPolling* к 15 июня 2026 г. составлял лишь 36,6% одобрения при 56,6% неодобрения[2]. Эксперты отмечают, что даже сохранение республиканского контроля над одной из палат не означает автоматической свободы маневра Белого дома: любая спорная внешнеполитическая инициатива будет зависеть от дисциплины партийного ядра и от того, насколько администрация сможет удержать умеренных республиканцев в колеблющихся штатах и округах.

Первичный этап промежуточных выборов и прогнозы итогов

С начала марта 2026 г. во многих штатах проходят праймериз – первичный этап промежуточных выборов, в ходе которого определяются финальные кандидаты от каждой из партий. 3 марта состоялись первые партийные праймериз перед промежуточными выборами 2026 г. Кандидаты в обе палаты конгресса на этом этапе борются с однопартийцами за право баллотироваться в ноябре.

Наибольший интерес американских СМИ привлекло соперничество двух демократов – Джеймса Таларико и Жасмин Крокетт – за одно из двух сенаторских мест от Техаса. По данным *Associated Press*, Таларико на голосовании обошел Крокетт с результатом в 52,8% против 45,9%. По мнению *The New York Times*, свою роль в избирательной гонке сыграл расовый фактор (Крокетт – афроамериканка).

На праймериз Республиканской партии ни один из двух фаворитов –действующего сенатора Джона Корнина и генпрокурора Техаса Кена Пэкстона – не смог набрать более 50% голосов, из-за чего потребуется второй тур. Как отмечает *Washington Post*, ключевую роль как в этой, так и многих других гонках у республиканцев, продолжит играть поддержка со стороны Трампа. Пока он воздержался от ее выражения кандидатам.

Бывший спортсмен Оллред баллотируется в палату представителей США от обновленного 33-го округа Техаса, границы которого изменились при перерисовке избирательной карты местными законодателями по призыву Трампа в 2025 г. Республиканцы надеются, что новое расположение округов позволит им получить дополнительные пять мест в конгрессе США[3].

---

[1] Foreign Policy Journal. URL: https://foreignpolicy.com/

[2] Сайт RealClearPolling. URL: https://www.realclearpolling.com/ (дата обращения: 15.06.2026).

[3] Промежуточные выборы в США – 2026: первые итоги в Техасе и еще двух штатах. URL: https://rtvi.us/politics/promezhutochnye-vybory-v-ssha-2026-pervye-itogi-v-tehase-i-eshhe-dvuh-shtatah/

За место сенатора от Северной Каролины по итогам праймериз поспорят экс-губернатор штата, демократ Рой Купер и поддержанный Трампом председатель Нацкомитета Республиканской партии Майкл Уотли. Оба выиграли праймериз 3 марта 2026 г. с большим отрывом от конкурентов: Уотли почти в 50 процентных пунктов, а Купер – в 89[1].

В Арканзасе сенатор-республиканец Том Коттон, возглавляющий комитет по разведке, с большим отрывом (более 70 процентных пунктов) обошел конкурентов на праймериз. Демократы также подавляющим большинством голосов (78%) выбрали его соперником потомственную фермершу Холли Шофнер. В Арканзасе, как и Техасе, помимо праймериз, перед выборами в конгресс прошли аналогичные голосования перед выборами губернаторов. Действующая глава Арканзаса, бывший пресс-секретарь Трампа Сара Хакаби Сандерс выдвинулась от республиканцев на безальтернативной основе, а в Техасе Грегу Эбботту безуспешно попытался составить конкуренцию ветеран вооруженных сил Пит Чэмберс (он набрал 11% голосов против 81,8% у Эбботта). По итогам праймериз у демократов конкуренцию Хакаби Сандерс в Арканзасе в ноябре 2026 г. составит местный темнокожий сенатор Фред Лав, а с Эбботтом за губернаторское место поспорит техасская конгрессвумен Джина Хинохоса[2].

Прогнозы итогов промежуточных выборов подтверждают асимметрию палат конгресса. На *Kalshi* по состоянию на июнь 2026 г. демократы оцениваются как явные фавориты в борьбе за палату представителей – около 77% вероятности контроля над палатой против 23% у республиканцев[3]. Согласно другим прогнозам, *наиболее вероятным является полный контроль демократов над обеими палатами конгресса* (примерно в 40%). Но существуют и прогнозы демократической палаты представителей при республиканском сенате – примерно в 35%, тогда как сохранение обеих палат за республиканцами оценивается лишь примерно в 23%[4].

Из рассматриваемых сценариев прогноза выборов выделяются три основных.

Первый сценарий. «Разделенное правительство», когда демократы получат контроль над палатой представителей, что даст им право инициировать импичмент и блокировать бюджет Трампа, в то время как ре-

---

[1] Одной из тем агитации Уотли против Купера еще до праймериз стало убийство в прошлом году в общественном транспорте Шарлотта украинской беженки Ирины Заруцкой. Республиканец заявил, что «ее кровь на руках» у губернатора, так как он поддерживал «воук-повестку безналичного залога», благодаря которому на свободе находился убивший ее рецидивист Декарлос Браун. Этому не помешал тот факт, что на момент убийства Заруцкой в августе 2025 г. Купер уже не был губернатором (его второй допустимый местным законом срок истек 1 января 2025 г.) (см.: Промежуточные выборы в США – 2026: первые итоги в Техасе и еще двух штатах. URL: https://rtvi.us/politics/promezhutochnye-vybory-v-ssha-2026-pervye-itogi-v-tehase-i-eshhe-dvuh-shtatah/).

[2] Промежуточные выборы в США – 2026: первые итоги в Техасе и еще двух штатах. URL: https://rtvi.us/politics/promezhutochnye-vybory-v-ssha-2026-pervye-itogi-v-tehase-i-eshhe-dvuh-shtatah/

[3] Сайт Kalshi. URL: https://kalshi.com/category/elections (дата обращения: 15.06.2026).

[4] Там же.

спубликанцы сохранят шаткое большинство в сенате. При таком раскладе Трамп лишается однопартийного законодательного контроля, демократы получают инструменты надзора, но сенат продолжает подтверждать судебные и административные назначения. В пользу такого сценария одновременно работают узкое фактическое большинство республиканцев в нижней палате, а также неблагоприятный для Белого дома баланс одобрения действий президента[1].

Второй сценарий. «Хромая утка», – демократы получат контроль над обеими палатами конгресса. Это потребует от них взятия дополнительно не менее четырех мест в сенате при одновременном удержании уязвимых мест в колеблющихся Джорджии и Мичигане. Эксперты расценивают данный сценарий как более сложный, но возможный в нынешних условиях.

Третий сценарий. «Заморозка республиканского большинства» –республиканцы удержат контроль над обеими палатами конгресса. Это возможно при позитивном переломе в экономике, росте рейтинга одобрения президента и максимизации эффекта редистриктинга. Эксперты оценивают данный сценарий как наименее вероятный в нынешних условиях[2].

Всем перечисленным сценариям присуща аналитическая неопределенность: перераспределение округов не завершено, ряд первичных выборов еще не состоялся, а внешнеполитические и экономические события ближайших месяцев способны радикально изменить электоральный фон. По данным опроса *Fox News*, проведенного 12–15 июня 2026 г., доверие населения к федеральному правительству *упало до исторического минимума* в 25%, в то время как даже в предвыборном 2023 г. этот показатель не опускался ниже 31%. Самый высокий уровень недоверия среди демократов – 83%. Однако две трети республиканцев также не одобряют деятельность администрации Трампа. Среди независимых избирателей доля септиков достигла 80%. В целом тренд на ухудшение отношения к правительству сохраняется в США уже около 10 лет, он связан с сильной поляризацией общества. Однако сейчас недовольство подпитывается экономической нестабильностью на фоне конфликта с Ираном. Согласно опросам, лишь 12% американцев чувствуют, что их экономическое положение улучшается. Кризис доверия к администрации не улучшает позиции республиканцев перед промежуточными выборами[3].

По мнению экспертов, в случае потери республиканцами контроля над конгрессом, даже над одной его палатой – палатой представителей, Трамп превратится в «хромую утку» – президента, доживающего срок в Белом доме. Его законодательная фаза правления завершится, а усилия будут сосредоточены в основном на выборе и подготовке преемника

[1] Фенин К. Во власть идущие: в каких странах состоятся выборы в 2026-м. URL: https://iz.ru/2015333/kirill-fenin/vo-vlast-idushchie-v-kakih-stranah-sostoyatsya-vybory-v-2026-m

[2] Сайт Kalshi. URL: https://kalshi.com/category/elections (дата обращения: 15.06.2026).

[3] Богданова В. Три четверти американцев не одобрили работу администрации Трампа. URL: https://ordomundi.ru/news/tri-chetverti-amerikantsev-ne-odobrili-rabotu-2026-06-21

к президентским выборам 2028 г. Лично для Трампа возвращение демократам хотя бы частичного контроля над конгрессом будет означать новые надзорные слушания и, возможно, попытки инициировать *импичмент*. Юридически отстранить президента от власти вряд ли удастся – для этого демократам необходимо иметь подавляющее большинство в обеих палатах. Однако и без этого демократы сделают все, чтобы максимально вовлечь действующего президента и его окружение в расследования и суды, блокируя законодательные инициативы администрации. Трамп, как и многие «хромые утки» до него, вероятнее всего, сосредоточит усилия на внешней политике, где американские президенты традиционно имеют больше свободы действий, чем на внутриполитической арене. Однако договороспособность администрации будет максимально снижена до конца срока – не сможет быть реализована ни одна инициатива, требующая одобрения конгресса[1].

Утрата контроля над законодательным органом ударит и по монолитности Республиканской партии, члены которой далеко не всегда поддерживают своего лидера. Часть республиканцев в случае необходимости институционального блокирования с демократами может начать дистанцироваться от президента, особенно если популярность администрации продолжит снижаться. Этот процесс фактически уже начался: 23 июня 2026 г. сенат принял резолюцию *H.Con.Res. 86*, которая предписывает президенту вывести американские вооруженные силы из боевых действий против Ирана, не санкционированных конгрессом. В поддержку этого документа высказались 50 сенаторов, против – 48, причем из правящей Республиканской партии за резолюцию проголосовали четыре сенатора, еще двое – воздержались[2].

В случае полной утраты контроля над конгрессом президент окажется в *институциональном тупике*. Он не сможет:

- влиять на повестку законодательной власти, кроме как накладывая вето на принимаемые конгрессом законы;
- назначать членов своего кабинета, судей и других высокопоставленных лиц, чье утверждение требует одобрения сената;
- реализовывать крупные внешнеполитические инициативы, поскольку демократы проведут через конгресс закон, ужесточающий контроль над военными полномочиями президента, а также постараются свести к минимуму его возможности регулировать санкционные ограничения в отношении третьих стран[3].

---

[1] Войтоловская А. «Хромая утка» в Белом доме: что ожидает Д. Трампа после промежуточных выборов.

[2] Сенат США одобрил резолюцию о прекращении боевых действий против Ирана. Впервые с 1973 г. такая инициатива прошла через обе палаты конгресса – ранее за нее проголосовала палата представителей. Четыре республиканца – Рэнд Пол, Сьюзан Коллинз, Лиза Мурковски и Билл Кэссиди – при голосовании в Сенате присоединились к демократам, проголосовавшим за принятие резолюции, еще два сенатора-республиканца не участвовали в голосовании (см.: Сенат США принял резолюцию о прекращении войны с Ираном. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/27849879

[3] Войтоловская А. «Хромая утка» в Белом доме: что ожидает Д. Трампа после промежуточных выборов.

Президент сохранит право издавать исполнительные указы. В оставшиеся годы президентства, помимо опосредованного участия в новой предвыборной гонке, Трамп, по мнению экспертов, сосредоточится на следующих направлениях: усиление обороны, жесткая экономия на социальных программах и ужесточение миграционной политики, а также внешняя политика. Однако в случае полной утраты республиканцами контроля над конгрессом демократы смогут в значительной степени нивелировать эффект исполнительных указов – через запрет выделения бюджетных ассигнований на их реализацию, принятие встречного закона (который отменит действие указа) либо приостановление действия по решению федерального, либо Верховного суда. С победой в 2026 г. демократы фактически запустят новую избирательную кампанию президентских выборов 2028 г., их основной стратегией станет дискредитация Трампа, правых консерваторов и раскол движения *MAGA*[1].

Активизация региональных движений на фоне выборов

В предвыборные периоды, когда общество сильно поляризировано, а роль штатов в политической жизни страны усиливается, традиционно активизируются и различные региональные движения, *некоторые из них носят сепаратистский характер.*

Так, по данным *The New York Times*, сразу несколько регионов активизировали движения за выход из состава США и Канады. Участники движений апеллируют к экономическому неравенству и ощущению, что центральная власть не представляет их интересы. В Сиэтле организация «Демократическое движение Каскадии» (*Cascadia Democratic Action*) занимается подготовкой референдумов в 2028 г. в штатах Вашингтон и Орегон о выходе из состава США. «Мы состоим в токсичных отношениях с федеральным правительством. Развод – это законный ответ», – заявил глава организации Эндрю Энгельсон. Одновременно кампания за присоединение консервативных округов Восточного Орегона к соседнему штату Айдахо уже победила на референдумах в 13 округах. Ее сторонники указывают на дисбаланс: Восточный Орегон занимает две трети территории штата, но составляет лишь 10–15% населения. «Они просто не понимают нас на другой стороне гор», – заявил окружной судья Дэн Джойс.

Схожие настроения фиксируются по всей стране, отмечает *The New York Times*. Законодатели Индианы приняли закон, приглашающий консервативные округа Иллинойса войти в состав штата. Сенатор Западной Виргинии предложил 30 приграничным округам Вирджинии и Мэриленда присоединиться к нему[2]. Эксперты указывают на общую логику данных процессов. «То, что движет этими движениями, – это когда ощущение собственной непохожести обретает реальные экономические

[1] Войтоловская А. «Хромая утка» в Белом доме: что ожидает Д. Трампа после промежуточных выборов.

[2] Плугина И. NYT рассказала о росте сепаратизма штатов США. URL: https://www.rbc.ru/politics/13/06/2026/6a2d9e369a794739d2df48d4

последствия», – заявил научный сотрудник Оксфордского университета Семир Дзебо. Однако реализация такого рода планов с неизбежностью натолкнется на правовые препятствия. Верховный суд США еще в 1869 г. постановил, что штаты не могут в одностороннем порядке выйти из состава страны, а изменение границ требует одобрения обоих штатов и конгресса. По оценке профессора права Вашингтонского университета Хью Спитцера, даже наиболее реалистичный сценарий потребует десятилетий[1]. Но несмотря на это, «в период, когда даже перспективы диалога кажутся маловероятными, движения по перекройке границ штатов для связывания близких по духу регионов или даже отделения от страны набирают обороты», – отмечает *The New York Times*[2].

Наибольший резонанс вызывает проект создания «Республики Каскадия». Эта инициатива предполагает объединение американских штатов Калифорния, Орегон и Вашингтон, а также канадской провинции Британская Колумбия. Похожие планы, по некоторым данным, обсуждаются в Техасе, Калифорнии, Нью-Мексико и других штатах. Термин «Каскадия» был введен в 1970 г. профессором Сиэтлского университета Дэвидом Макклоски для описания растущей региональной идентичности[3]. С экономической и демографической точек зрения проект «Каскадия» вполне реалистичен, – если сложить существующий экономический потенциал включаемых в Каскадию регионов, то предполагаемое государство может войти в двадцатку ведущих мировых экономик: это восьмая по богатству страна в мире, в которой будет проживать около 60 млн чел., а ВВП составит более 2 трлн долл.; по площади (1 384 588 км²) Каскадия займет 20-е место в мире[4].

Выводы

Исход промежуточных выборов в США 3 ноября 2026 г. определится взаимодействием нескольких взаимосвязанных факторов: уровнем рейтинга одобрения президента Трампа на момент голосования, способностью республиканцев мобилизовать свою базу на фоне экономических проблем и разочарования независимых избирателей, а также конфигурацией итоговой карты избирательных округов, которая в условиях перенарезки округов остается неустоявшейся. Текущий прогнозный консенсус ставит палату представителей в положение уязвимого для оппозиции большинства, тогда как сенат остается ареной острой мало-

[1] Плугина И. NYT рассказала о росте сепаратизма штатов США.
[2] NYT: в США и Канаде замечен рост сепаратистских настроений. URL: https://dzen.ru/a/ai3iKLPDWWdXkqWp
[3] Сайт Cascadianow. URL: https://web.archive.org/web/20140925111851/http://cascadianow.org/about-cascadia/#
[4] Согласно данным Тихоокеанского северо-западного экономического региона – организации, созданной в 1991 г. законодателями штатов, относящихся к Республике Каскадия (см.: Cascadia: More than a dream. URL: https://web.archive.org/web/20141029161925/http://tribes.tribe.net/bioregional/thread/15b041a6-6f93-4cb3-bbaf-ce1db8620dfb#0dbcb1ba-1454-424a-9523-c13dfb11c10d).

предсказуемой конкуренции. В случае смены контроля над палатой представителей или обеими палатами администрация Трампа утратит возможность реализовывать ключевые законодательные приоритеты без оппозиционного согласия, а международные партнеры США получат основания для ревизии своих ожиданий относительно долгосрочных обязательств Вашингтона, прежде всего в части поддержки Украины, торговой политики и участия в союзнических механизмах.

На этом фоне, очевидно, что *исход промежуточных выборов в США достаточно значим для России с внешнеполитической точки зрения*, особенно в отношении конфликта на Украине и санкционного давления. США являются сильнейшим игроком на международной арене, а внутренние политические процессы там часто имеют не только региональное, но и общемировое измерение.

Значим американский опыт и для сравнительной политико-правовой оценки некоторых внутрироссийских избирательных процессов. Нельзя не отметить, что промежуточные выборы в США по ряду показателей напоминают идущую в настоящее время в Российской Федерации избирательную кампанию по выборам в рамках единого дня голосования, который пройдет 20 сентября 2026 г. (далее – ЕДГ-2026)[1]. В ходе ЕДГ-2026 состоятся выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, а также выборы:

- высших должностных лиц субъектов Российской Федерации – в 11 регионах (из них трое будут избираться депутатами региональных законодательных органов);
- депутатов законодательных органов власти субъектов Российской Федерации – в 39 регионах;
- депутатов представительных органов административных центров субъектов Российской Федерации – в 10 муниципалитетах, а также иные муниципальные выборы.

При всем отличии от американских политических традиций, отсутствии в России резкой поляризации электората, института коллегии выборщиков, феномена колеблющихся штатов и «хромых уток», сходство состоит в том, что выборы в рамках ЕДГ-2026, как и промежуточные выборы в США, являются, по сути, началом мобилизации политических сил *перед запуском новой избирательной кампании очередных президентских выборов*: в США – в 2028 г., в России – в 2030 г.

Интересно сравнение американского и российского опыта редистриктинга. Согласно новациям Федерального закона 23 мая 2025 г. № 115-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (по вопросам совершенствования избирательного законодательства), перенарезка округов на выборах в Государственную Думу стала происходить один раз в 5 лет, а не в 10, как это было ранее. Норма представительства корректируется, исходя из актуализированных демографиче-

[1] Согласно Указу Президента Российской Федерации от 16 июня 2026 г. № 428 «О назначении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации нового созыва», выборы в Государственную Думу состоятся 20 сентября 2026 г.

ских изменений: на один округ данная норма составляет 495 835 чел., тогда как 10 лет назад она рассчитывалась исходя из числа 488 456 избирателей. Соответствующая перенарезка округов уже проведена Федеральным законом от 23 мая 2025 года № 107-ФЗ «Об утверждении схемы одномандатных избирательных округов для проведения выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

Эксперты объясняют это решение возможными корректировками численности избирателей и вхождением в состав Российской Федерации воссоединенных регионов, – согласно закону, в ДНР образованы три округа, в ЛНР – два округа, в Запорожской и Херсонской областях – по одному округу. Таким образом, новые субъекты получили в общей сложности семь округов. Кроме того, значительно увеличилась численность избирателей в Москве, Московской области и Краснодарском крае – этим субъектам Федерации добавили по одному округу. Так как количество депутатских мандатов по мажоритарным округам осталось неизменным – 225, соответственно, по одному округу потеряли Алтайский и Забайкальский края, Волгоградская, Воронежская, Ростовская, Ивановская, Калужская, Смоленская, Тамбовская и Томская области[1]. Пересмотр нарезки округов сегодня фактически привязан к пятилетнему сроку полномочий Государственной Думы, полагает политический юрист О. Захаров: «Эксперимент с “длинной” нарезкой, очевидно, оценен как неэффективный, и к следующим выборам в Госдуму нас снова ждет новая нарезка»[2].

Отличие от опыта редистриктинга в США очевидно. Оно состоит не только в сроках перенарезки избирательных округов (10 и 5 лет). В России редистриктинг имеет целью отражение новых реалий федеративного устройства страны (воссоединение с историческими регионами Донбасса и Новороссии, избиратели которых в 2026 г. впервые будут участвовать в выборах депутатов Государственной Думы), а не является ареной острого противостояния федеральных политических партий на региональном уровне, как это традиционно происходит в США. Также для России важно не допускать возникновения в регионах деструктивных и сепаратистских движений на фоне выборов.

Список литературы

1. *Бунина А.* Избирательные округа в США: джерримендеринг как аспект партийного соперничества // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 10. С. 52–63.

2. *Cain B.E.* Assessing the Partisan Effects of Redistricting // American Political Science Review. 1985. Vol. 79. P. 320–333.

[1] Замахина Т. Путин утвердил новую нарезку избирательных округов. URL: https://rg.ru/2025/05/23/reg-dfo/putin-utverdil-novuiu-narezku-izbiratelnyh-okrugov.html

[2] Мухаметшина Е. Избиратели на участках не получат информацию о судимостях и доходах кандидатов. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/05/13/1109638-izbirateli-ne-poluchat-informatsiyu-o-sudimostyah-dohodah-kandidatov

3. *Butler D., Cain B.* Congressional Redistricting: Comparative and Theoretical Perspectives. New York, Macmillan, 1992. 182 p.

4. *Бернам Уильям.* Правовая система США. М.: Новая юстиция, 2006. 1212 с.

5. *McGhee E.* Partisan Gerrymandering and Political Science. Annual Review of Political Science. 2020. Vol. 23. P. 171–185.

References

1. Bunina A. Izbiratel'nye okruga v SShA: dzherrimendering kak aspekt partiinogo sopernichestva [Electoral Districts in the United States: Gerrymandering as an Aspect of Party Rivalry], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2020, Vol. 64, No. 10, pp. 52–63. (In Russ.).

2. Cain B.E. Assessing the Partisan Effects of Redistricting, *American Political Science Review*, 1985, Vol. 79, pp. 320–333.

3. Butler D., Cain B. Congressional Redistricting: Comparative and Theoretical Perspectives. New York, Macmillan, 1992, 182 p.

4. Bernam U. Pravovaya sistema SShA [The Legal System of the United States]. Moscow, Novaya yusticiya, 2006, 1212 p. (In Russ.).

5. McGhee E. Partisan Gerrymandering and Political Science, Annual Review of Political Science, 2020, Vol. 23, pp. 171–185.

REGIONAL DIMENSION OF THE INTERIM ELECTIONS OF 2026 IN THE USA

In November 2026, the USA will hold the interim elections for the Congress and the authorities of most states. In the current Congress, both chambers are under the control of the Republican Party, which allows its leader, President Donald Trump, to control the legislative process and pursue his own initiatives without regard to the democratic minority of the parliament. The midterm elections could change the balance of power in both chambers of Congress. If the Republicans lose their majority in at least one of the chambers, the administration will lose its ability to pass legislation, and the opposition will gain a mechanism for parliamentary oversight and investigations. The regional dimension of the midterm elections is also important: during the election period, the configuration of power in the states and the role of the regional component in the life of the state increase, reflecting the underlying trends of American federalism. The article examines the features of the electoral geography in the 2026 midterm elections; the phenomenon of swing states; the political configuration of the midterm elections; the primary stage of the midterm elections and forecasts of their results, as well as the activation of various regional movements, including the growth of separatist sentiments. The outcome of the midterm elections in the United States is quite important for Russia from a foreign policy point of view, especially regarding the conflict in Ukraine and sanctions pressure. The American experience is also important for understanding some domestic Russian electoral processes.

Keywords: US midterm elections, US electoral system, Congress, House of Representatives, Senate, federalism, electoral geography, redistricting, swing states.

JEL: K10, K16, K40, R23, Z18

Дата поступления – 15.06.2026 *Принята к печати* – 26.06.2026

ГЛИГИЧ-ЗОЛОТАРЕВА Милена Валериевна
кандидат юридических наук, сотрудник Информационно-аналитического управления;
Аппарат Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации / ул. Большая Дмитровка, д. 26, г. Москва, 103426.
e-mail: milena-gligic@yandex.ru
КИРЮХИН Константин Сергеевич
сотрудник Информационно-аналитического управления;
Аппарат Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации / ул. Большая Дмитровка, д. 26, г. Москва, 103426.
e-mail: konstantin-kirjuhin@yandex.ru

GLIGICH-ZOLOTAREVA Milena V.
Cand. Sc. (Law), Staff Member of the Information and Analytical Department;
The Federal Council of the Federal Assembly of the Russian Federation / 26, Bolshaya Dmitrovka Str., Moscow, 103426.
e-mail: milena-gligic@yandex.ru
KIRJUHIN Konstantin S.
Staff Member of The Information and Analytical Department;
The Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation / 26, Bolshaya Dmitrovka Str., Moscow, 103426.
e-mail: konstantin-kirjuhin@yandex.ru

Для цитирования:
Глигич-Золотарева М.В., Кирюхин К.С. Региональное измерение промежуточных выборов 2026 г. в США // Федерализм. 2026. Т. 31. № 2 (122). С. 117–140. DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2026-2-117-140

DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2026-2-141-158

В.Д. КРИВОВ, К.А. САМУСЕВИЧ

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ В АНГЛОСАКСОНСКИХ СТРАНАХ

Страны англосаксонского мира (США, Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия) стабильно занимают верхние строчки мировых рейтингов по качеству жизни граждан и индексу человеческого развития (ИЧР). Это отражает не только сильные экономические показатели, но и развитые социальные стандарты, а также эффективные механизмы, которые помогают поддерживать достаточно высокий уровень жизни граждан, даже если они находятся в сложной жизненной ситуации. В статье представлен статистический анализ социальных стандартов в англосаксонских странах. Рассматриваются ключевые аспекты социальных систем: механизмы регулирования минимальной оплаты труда, системы социальной защиты, пенсионные стандарты и программы поддержки малоимущих. Особое внимание уделяется анализу возможности применения зарубежного опыта в российской практике.
Ключевые слова: социальная политика, стандарт благополучия, государственное управление, статистический анализ, доверие граждан.

JEL: H110, H410, I310, I320

По данным Росстата, при реализации политики по борьбе с бедностью России удалось достичь заметных успехов. За период с 2015 г. наблюдается устойчивая положительная динамика основных индикаторов Целей устойчивого развития (ЦУР). Доля граждан, находящихся за чертой бедности, сократилась на 6,4 процентных пункта (далее – п.п.). Параллельно с этим зафиксирован рост реальных денежных доходов населения на 23,2 п.п., что отражает общее улучшение экономического положения граждан.

Внимания заслуживает динамика доходов малоимущих домохозяйств, которые приблизились к границе бедности, на 7,8 п.п. При этом Росстат отмечает снижение уровня многомерной бедности на 2,6 п.п., согласно национальным критериям оценки.

Значительных успехов удалось достичь в сфере занятости населения. В рамках реализации национальных проектов удалось более чем

вдвое снизить уровень безработицы к 2024 г. по сравнению с 2015 г. Параллельно почти на треть сократилась доля молодежи, не вовлеченной в образовательный процесс или трудовую деятельность.

Позитивная динамика наблюдается и в макроэкономических показателях. Отмечаются рост реального ВВП на душу населения и повышение производительности труда. Дополнительным фактором улучшения благосостояния стало снижение доли населения с доходами ниже 50% от медианного уровня, а также уменьшение показателя расслоения общества по доходам. При этом существенно возросли объемы социальных выплат наиболее нуждающимся категориям граждан [1].

Успехи в реализации социальной политики России органично *вписываются в глобальную повестку устойчивого развития.* И формирование национального стандарта благополучия может стать ключевым элементом процесса реализации ЦУР и достижения положений Указа Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2026 года» от 7 мая 2024 г. № 309. Авторы данной статьи последовательно продвигают концепцию стандарта благополучия, который направлен на комплексное решение социальных задач в русле ЦУР [2; 3]. Стандарт благополучия предполагает создание интегрированной системы показателей, отражающей качество жизни граждан, уровень их доходов, эффективность социальной защиты. Однако формирование стандарта благополучия потребует создания эффективной системы мониторинга достижения установленных показателей, совершенствования механизмов социальной поддержки и адаптации лучших мировых практик к национальным условиям.

Англосаксонские страны (США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия) представляют собой уникальный исследовательский объект, поскольку их социальные системы демонстрируют высокую адаптивность к современным вызовам и эффективность в обеспечении благосостояния населения. Социальные стандарты данных государств характеризуются комплексным подходом к решению социально-экономических проблем, включающим многоуровневую систему социальной защиты, развитые механизмы адресной поддержки и инновационные инструменты социального регулирования. Изучение их опыта приобретает особую значимость для Российской Федерации в контексте совершенствования собственной социальной политики и модернизации системы социальной защиты населения.

Минимальный размер оплаты труда в англосаксонских странах

Минимальный размер оплаты труда (МРОТ) – один из ключевых показателей в социальной жизни государства, гарантированная каждому участнику трудовых отношений материальная база. Размер прожиточного минимума имеет самое непосредственное отношение к благополучию и уровню жизни населения, поскольку от МРОТ зависят не только доходы домохозяйств, но также расчеты для мер социальной поддержки населения.

С 1938 г. в **США** официально принято считать почасовую оплату труда. Такая форма расчета заработной платы позволяет оплачивать фактически отработанное время, в том числе с учетом ненормированного рабочего дня и переработок, что, по мнению законодателей США, делает систему более справедливой[1]. По состоянию на 2025 – начало 2026 г. размер федеральной минимальной оплаты труда в этой стране составляет 7,25 долл. в час для работников, не освобожденных от налогов. Данная выплата установлена Законом о справедливых трудовых стандартах (*FLSA*), принятым Конгрессом США[2].

Также установлен отдельный МРОТ для сотрудников, получающих чаевые – это 2,13 долл. в час. Считается, что чаевые должны покрыть остаток суммы до 7,25 долл. Если этого не происходит, работодатель обязан заплатить недостающую сумму.

Каждый штат имеет полномочия устанавливать свой МРОТ, но не ниже установленного на федеральном уровне[3]. В части штатов МРОТ не отличается от федерального, например, в Техасе. Самый высокий МРОТ в штатах Калифорния (16,5 долл./час), Вашингтон (16,66 долл./час), Коннектикут (16,35 долл./час), в округе Колумбия (17,95 долл./час). Примечательно, что помимо более высокого МРОТ, штаты могут принимать особые законы, направленные на обеспечение прав трудящихся и достойную оплату труда. Так, в Трудовом Кодексе Калифорнии указано, что любая работа, продолжительность которой превышает восемь часов в течение одного рабочего дня, 40 часов в течение одной рабочей недели или первые восемь часов работы в седьмой день рабочей недели, *оплачивается в полуторном размере от обычной ставки*. Любая работа, продолжительность которой превышает 12 часов в течение одного дня или восемь часов в любой седьмой день рабочей недели, оплачивается не менее чем в двойном размере от обычной ставки.

В **Великобритании** МРОТ подразделяется на несколько категорий получателей. Заработная плата так же, как и в США, рассчитывается по часам. Установлены следующие размеры минимальной оплаты труда в час: 8 фунтов стерлингов – для работников младше 18 лет, 10,85 фунтов стерлингов – для работников в возрасте 18–20 лет, 12,71 – для работников старше 21 года (около 16,7 долл. США по курсу на момент подготовки материала)[4].

Минимальная заработная плата в Великобритании пересматривается ежегодно 1 апреля. При определении ее размера правительство *опирается на рекомендации независимого органа* – Комиссии по вопросам низкой заработной платы.

---

[1] Minimum Wage in America: A Timeline. URL: https://www.history.com/articles/minimum-wage-america-timeline (дата обращения: 12.02.2026).

[2] Minimum Wage | U.S. Department of Labor. URL: https://www.dol.gov/agencies/whd/minimum-wage/state (дата обращения: 12.02.2026).

[3] State Minimum Wage Laws | U.S. Department of Labor. URL: https://www.dol.gov/agencies/whd/minimum-wage/state (дата обращения: 12.02.2026).

[4] Policy paper Minimum wage rates for 2025. URL: https://www.gov.uk/government/publications/minimum-wage-rates-for-2025 (дата обращения: 12.02.2026).

В **Канаде** регулирование минимальной заработной платы осуществляется на уровне провинций и территорий, что обусловлено особенностями федеративного устройства государства и наличием у каждой юрисдикции собственного трудового законодательства. Минимальная заработная плата в Канаде представляет собой *минимально допустимый размер оплаты труда*, устанавливаемый работодателем для сотрудника[1]. Право на ее получение распространяется на большинство работников вне зависимости от формы занятости (полная/неполная ставка), типа трудового договора (в том числе срочного), а также способа начисления вознаграждения (почасовая оплата, комиссионные, сдельная оплата, фиксированная ставка или оклад).

Отдельные категории сотрудников могут быть исключены из сферы действия норм о минимальной заработной плате, закрепленных в Законе о стандартах занятости[2]. Например, минимальная заработная плата для работников, деятельность которых регулируется на федеральном уровне (сотрудники федеральных государственных корпораций, банков, почтовых служб и компаний, занимающихся межпровинциальными перевозками), – 17,75 канадских долл./час (около 12,94 долл. США по курсу на момент подготовки материала). В провинции Онтарио МРОТ составляет 17,60 канадских долл./час (около 12,83 долл. США по курсу на момент подготовки материала). Провинция Альберта выделяется наиболее низким уровнем минимальной заработной платы – 15,00 канадских долл./час (около 10,94 долл. США по курсу на момент подготовки материала), неизменным с 2018 г. Также в Канаде выделяются МРОТ для студентов (до 18 лет), надомных работников, сотрудников, получающих комиссионные, и некоторых видов профессий.

Австралия и **Новая Зеландия** входят в число мировых лидеров по уровню минимальной заработной платы[3]. В Австралии ее размер составляет 24,95 австралийских долл./час (около 18 долл. США по курсу на момент подготовки материала), или 948 австралийских долл./неделю[4]. МРОТ в Новой Зеландии – 23,95 новозеландских долл./час (около 13,84 долл. США по курсу на момент подготовки материала)[5].

Механизм регулирования минимальной заработной платы в Австралии характеризуется многоуровневой структурой. Для большинства сотрудников минимальная заработная плата определяется *на основе отраслевых или профессиональных стандартов*, что позволяет

[1] Canada Minimum Wages By Provinces 2026 (Updated List). URL: https://getgis.org/blog/canada-minimum-wages (дата обращения: 12.02.2026).
[2] Minimum wage. URL: https://www.ontario.ca/document/your-guide-employment-standards-act-0/minimum-wage (дата обращения: 12.02.2026).
[3] Minimum Wage by Country 2026. URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/minimum-wage-by-country (дата обращения: 12.02.2026).
[4] Minimum wages fact sheet - Fair Work Ombudsman. URL: https://www.fairwork.gov.au/pay-and-wages/minimum-wages (дата обращения: 12.02.2026).
[5] Минимальный размер оплаты труда в Новой Зеландии. URL: https://ru.tradingview.com/symbols/ECONOMICS-NZMW/ (дата обращения: 12.02.2026)

учитывать специфику различных секторов экономики и квалификационных требований[1].

Законодательство предусматривает дифференцированный подход к установлению минимальных гарантий оплаты труда для отдельных категорий работников, включая учеников и стажеров, младших сотрудников (с учетом возраста и опыта), а также работников с ограниченными возможностями. При этом работники, на которых распространяется действие коллективного договора или зарегистрированного соглашения, имеют право на получение минимальной заработной платы с учетом надбавок и премий. Пересмотр минимальной заработной платы осуществляется Комиссией по справедливому труду ежегодно.

В Новой Зеландии минимальная заработная плата для взрослых применяется к работникам в возрасте 16 лет и старше, не относящимся к категории начинающих сотрудников или стажеров[2]. Начальная заработная плата предусмотрена для ряда случаев, например, для 16–17-летних работников, не занятых на текущем месте работы в течение последних 6 месяцев подряд (по истечении этого срока им полагается минимальная заработная плата для взрослых). Начальная заработная плата не применяется, если в обязанности сотрудника входит руководство или обучение других работников – в таких случаях ему гарантируется минимальная заработная плата для взрослых. Сравнение МРОТ в англосаксонских странах представлено в *таблице.*

Сравнение МРОТ в странах англосаксонского мира

Страна	МРОТ (валюта/час)	Особенности
США	$7,25	Федеральный МРОТ. В некоторых штатах и городах установлен более высокий минимальный размер оплаты труда. Для работников, получающих чаевые, федеральная ставка составляет $2,13 в час, но общая сумма (чаевые + зарплата) должна достигать $7,25 в час
Великобритания	£12,71 (для работников старше 21 года), £10,85 (18–20 лет), £8 (младше 18 лет)	Для разных возрастных групп установлены отдельные ставки
Канада	От 15 CAD	Каждая провинция и территория устанавливает свою минимальную заработную плату
Австралия	24,95 AUD в час	Для некоторых категорий работников (ученики, стажеры, люди с инвалидностью) могут применяться пониженные ставки
Новая Зеландия	23,95 NZD в час	Существуют также ставки для начинающих работников и для работников, проходящих обучение

[1] Minimum wages fact sheet - Fair Work Ombudsman. URL: https://www.fairwork.gov.au/tools-and-resources/fact-sheets/minimum-workplace-entitlements/minimum-wages (дата обращения: 12.02.2026).

[2] Минимальная зарплата в Новая Зеландия – Cities Insider. URL: https://citiesinsider.com/country/new-zealand/CountryWide/minimum-wage/ru (дата обращения: 12.02.2026).

Прожиточный минимум англосаксонских стран

В **США** отсутствует прямой аналог российского понятия «прожиточный минимум». Федеральный минимальный размер оплаты труда (МРОТ), установленный на уровне не менее 7,25 долл. США/час, выступает первичным критерием для оценки минимально допустимого уровня доходов: данная ставка обязательна к применению на всей территории страны вне зависимости от штата[1]. Наиболее близким по смыслу к российскому прожиточному минимуму является концепт *the living wage* («зарплата, достаточная для жизни», «достаточный доход»), подразумевающий доход, обеспечивающий удовлетворение основных жизненных потребностей работника (жилье, питание, медицинское обслуживание и иные базовые нужды) и гарантирующий достойный уровень жизни при занятости на полный рабочий день[2].

Один из самых высоких показателей *living wage* в США на момент 2025 г. – в штатах Гавайи, Калифорния и Массачусетс. Самый низкий «достаточный доход» – в Западной Вирджинии, Арканзасе, Кентукки, Алабаме.

Федеральный уровень бедности в США (*Federal Poverty Level, FPL*) выступает *одним из критериев оценки прожиточного минимума* и определяет границу фактического выживания: доход ниже установленного уровня, как правило, не позволяет обеспечить достаточный уровень жизни без социальной поддержки. При этом методика расчета учитывает ряд факторов (в том числе наличие детей). Для 48 штатов и округа Колумбия установлен единый уровень бедности – от 12 880 долл. США/год на одного человека. Для штатов Аляска и Гавайи установлены другие показатели уровня бедности, более высокие.

В **Великобритании** проводится концептуальное разграничение между официальным минимальным размером оплаты труда (*National Minimum Wage, NMW*) и прожиточным минимумом (*Living Wage*), который рассчитывается с учетом реальных затрат на жизнь и носит рекомендательный характер для работодателей. В Соединенном Королевстве с 2011 г. существует общественная организация *Living Wage Foundation*, которая последовательно продвигает идею введения прожиточного минимума[3]. Ставка фонда *Living Wage Foundation* рассчитывается исходя из стоимости жизни в конкретном географическом регионе. Это означает, что реальный уровень *Living Wage* зависит от того, в какой части Великобритании живет работник.

«Прожиточный минимум – это *добровольная надбавка к базовой заработной плате*. Она служит ориентиром для ответственных работодате-

[1] Прожиточный минимум, МРОТ и уровень бедности в США. URL: https://vnewyorke.com/prozhitochnyj-minimum-mrot-zarplata-v-ssha/ (дата обращения: 12.02.2026).
[2] Living Wage by State 2026. URL: https://worldpopulationreview.com/state-rankings/livable-wage-by-state (дата обращения: 12.02.2026).
[3] What is the Living Wage Foundation? URL: https://www.paycaptain.com/post/what-is-the-living-wage-foundation (дата обращения: 13.02.2026).

лей, которые предпочитают платить своим сотрудникам столько, чтобы их доход соответствовал базовому уровню жизни в Великобритании и Лондоне. Прожиточный минимум выше государственного минимального размера оплаты труда, в том числе минимальной ставки для лиц старше 23 лет ("Национального прожиточного минимума"), поскольку рассчитывается в соответствии с уровнем жизни», – отмечается в одном из официальных комментариев *Living Wage Foundation*[1].

В 2026 г. рекомендованный прожиточный минимум составляет 13,45 фунтов стерлингов/час для всей Великобритании и 14,80 фунтов стерлингов/час – для Лондона. Таким образом, данный показатель учитывает текущие расходы на базовые нужды, включая жилье, питание и транспорт, однако не имеет законодательного закрепления и не является обязательным для работодателей.

В **Канаде**, по аналогии с США и Великобританией, отсутствует единое законодательно закрепленное понятие «прожиточный минимум» на федеральном уровне. Вместо этого *применяются региональные расчеты суммы, необходимой для покрытия базовых потребностей населения*. Они используются для оценки уровня жизни и разработки социальных программ и носят рекомендательный характер[2]. Прожиточный минимум варьируется по провинциям и территориям из-за различий в стоимости жизни (жилье, питание, транспорт и т.д.). Расчеты включают расходы на аренду, питание, транспорт, здравоохранение и иные базовые нужды, но не учитывают дополнительные обязательства (погашение долгов, накопления на жилье). Очень часто уровень минимальной заработной платы, принятой в провинции, оказывается ниже прожиточного минимума, который покрывает базовые потребности человека или семьи для достойной жизни.

В **Австралии** и **Новой Зеландии** *нет официального показателя прожиточного минимума*. Существуют частные оценки дохода, достаточного для удовлетворения основных потребностей человека.

Пенсионные стандарты англосаксонских стран

В **США** *нет единого стандарта, который регулирует минимальный размер пенсии*. По состоянию на март 2026 г., средняя пенсия в США составляет 1 320 долл.[3] Пенсия по старости в США – 1 580 долл., пенсия по инвалидности – 1 250 долл., пенсия по случаю потери кормильца – 860 долл., социальная пенсия – 860 долл. Пенсионная система в данной стране устроена достаточно сложно. Основной ее принцип – заботиться о будущей старости в течение всего трудоспособного пе-

[1] What is the real Living Wage? URL: https://www.livingwage.org.uk/what-real-living-wage (дата обращения: 13.02.2026).
[2] Прожиточный минимум в Ванкувере стал на $10 выше минимальной оплаты труда. URL: https://nashvancouver.com/prozhitochnyj-minimum-v-vankuvere-stal-na-10-vyshe-minimalnoj-oplaty-truda (дата обращения: 13.02.2026).
[3] Pensions in USA. URL: https://bdeex.com/pensions/usa (дата обращения: 10.03.2026).

риода жизни. Для тех, кто по каким-то причинам не смог заработать на пенсию, предусмотрены дополнительные социальные программы[1].

Система социального обеспечения США (*Social Security*) представляет собой страховую модель пенсионного обеспечения: текущие налоговые отчисления граждан формируют базу для последующих пенсионных выплат по достижении установленного возраста. Управление системой осуществляет государственное агентство *Social Security Administration* (*SSA*). В основе расчета права на пенсию лежит система кредитов (*credits*): за календарный год можно получить до 4 кредитов. Для получения права на выплаты по программе Social Security необходимо накопить минимум 40 кредитов, что эквивалентно примерно 10 годам официальной трудовой деятельности с уплатой налогов.

Размер будущей пенсии взаимосвязан с уровнем доходов и продолжительностью трудового стажа: система обеспечивает повышенную пенсию людям с длительным стажем и высокими доходами, одновременно гарантируя минимальный уровень выплат для работников с ограниченными показателями.

При этом *Social Security* выполняет функцию базового компонента пенсионной системы США, а не единственного источника дохода в пожилом возрасте. Ввиду ограниченного размера выплат большинство граждан дополняют ее частными накоплениями, участием в частных инвестиционных пенсионных планах или корпоративными пенсионными программами (для ряда категорий, например, учителей, военных, госслужащих)[2].

В Великобритании также *отсутствует законодательно зафиксированный размер минимальной пенсии.* Пенсионная система состоит из пенсий двух видов: базовая пенсия и новая пенсия.

Право на базовую государственную пенсию имеют мужчины, родившиеся до 6 апреля 1951 г., и женщины, родившиеся до 6 апреля 1953 г.[3] Право возникает по достижении пенсионного возраста при наличии необходимого количества квалификационных лет страхового стажа. Квалификационный год засчитывается при выполнении одного или нескольких условий: уплате взносов в фонд национального страхования (в том числе добровольных), получении соответствующих кредитов. Требуемое количество лет стажа различается для мужчин и женщин. Размер базовой государственной пенсии зависит от числа лет уплаты взносов в фонд национального страхования. В браке или гражданском партнерстве возможно увеличение пенсии либо ее наследование при выполнении определенных условий.

Получатели пенсионных выплат вправе претендовать на иные меры поддержки: жилищное пособие, выплаты в холодный период, субсидирование ипотечных процентов, снижение муниципального налога и др.

---

[1] Social Security. URL: https://www.usa.gov/social-security (дата обращения: 10.03.2026).
[2] 401(k), IRA и Сошиал Секьюрити: расшифровываем пенсионный алфавит США. URL: https://americanbutler.ru/polezno/lifestyle/pension-system (дата обращения: 10.03.2026).
[3] The basic State Pension. URL: https://www.gov.uk/state-pension дата обращения (дата обращения: 10.03.2026).

Новая государственная пенсия в Великобритании введена с 2016 г. Она предоставляется лицам, достигшим пенсионного возраста: мужчинам, родившимся 6 апреля 1951 г. или позже, и женщинам, родившимся 6 апреля 1953 г. или позже. Для права на получение пенсии требуется минимум 10 лет страхового стажа в системе национального страхования. Полная пенсия назначается при 35 годах стажа, если стаж меньше, то пенсия рассчитывается пропорционально стажу. В отдельных случаях возможно увеличение пенсии или ее наследование за счет страхового стажа супруга/гражданского партнера[1].

Увеличить размер пенсий можно за счет частных пенсионных инвестиций или корпоративных пенсионных программ. Ежегодно пенсии индексируются с поправкой на инфляцию или рост уровня заработка или на 2,5% (один из показателей, максимальный в конкретном году). В 2026–2027 гг. базовая пенсия составит 184,90 фунтов стерлингов в неделю, а новая государственная пенсия – 241,30 фунтов стерлингов в неделю[2].

Пенсионный доход в *Канаде* формируется из трех основных компонентов:

Канадский пенсионный план (*CPP*). Ежемесячные выплаты начинаются с 65 лет, фактический размер пенсии зависит от трудового стажа в Канаде и объема взносов, осуществленных в период с 18 до 65 лет. В январе 2026 г. максимальный размер пенсии *CPP* составлял 1 507,65 канадских долл. в месяц, средний размер – 803,75 канадских долл. в месяц[3].

Пенсия по старости (*OAS*) для лиц с 65 лет (от 75 лет размер пенсии увеличивается). Право на полную сумму возникает при проживании в Канаде не менее 40 лет в возрасте 18–65 лет[4].

Гарантированная надбавка к доходу (*GIS*). Ежемесячное необлагаемое налогом пособие для получателей *OAS* с годовым доходом (или совокупным доходом пары) ниже установленного порога. Размер *GIS* корректируется ежеквартально (в январе, апреле, июле, октябре) с учетом роста стоимости жизни.

Дополнительно предусмотрено пособие *Allowance* – необлагаемая налогом выплата для лиц 60–64 лет, проживающих в Канаде, если их супруг(а)/партнер имеет право на *GIS*, а совокупный доход не превышает установленного лимита. Заявление на получение *Allowance* рекомендуется подавать за 6–11 месяцев до достижения 60 лет либо как можно скорее после наступления этого возраста.

Пенсионная система **Австралии** много лет признается одной из лучших и эффективных в мире. Она *построена на принципе сочетания госу-*

[1] RetirementUnderstanding pensions in the UK. URL: https://www.expatica.com/uk/finance/retirement/uk-pension-system-927440/ (дата обращения: 10.03.2026).
[2] How much is the State Pension in 2026? URL: https://www.carehome.co.uk/advice/what-will-the-uk-state-pension-be-in-2026 (дата обращения: 10.03.2026).
[3] CPP retirement pension. How much you could receive. URL: https://www.canada.ca/en/services/benefits/publicpensions/cpp/amount.html (дата обращения: 10.03.2026).
[4] Old Age Security. Do you qualify. URL: https://www.canada.ca/en/services/benefits/publicpensions/old-age-security/eligibility.html (дата обращения: 10.03.2026).

дарственной поддержки и личной ответственности граждан за формирование собственного пенсионного обеспечения и *представляет собой комплексный механизм*, включающий три компонента:

- во-первых, государственную пенсию, финансируемую за счет налоговых поступлений и предоставляемую всем гражданам, достигшим пенсионного возраста, независимо от трудового стажа. Размер выплат определяется совокупностью факторов: семейным положением, количеством иждивенцев, годовым доходом и наличием имущества;
- во-вторых, обязательную накопительную систему, базирующуюся на обязательных взносах работодателей;
- в-третьих, добровольные пенсионные накопления, стимулирующиеся государством через систему налоговых льгот. Работники имеют возможность осуществлять дополнительные взносы в пенсионные фонды, выбирать стратегию инвестирования накоплений и управлять своими пенсионными активами через онлайн-сервисы [4].

Новозеландская пенсионная система также признана одной из самых эффективных в мире. Структура пенсионного обеспечения *базируется на двухкомпонентной модели*: гарантированном государственном обеспечении и добровольном накоплении (система *KiwiSaver*). Эффективность системы обеспечивается привязкой размера обязательной пенсии к среднему уровню оплаты труда в стране[1].

Гарантированное пенсионное обеспечение формируется за счет обязательных отчислений работающего населения и рассчитывается на основе среднего показателя заработной платы по стране, не завися от трудового стажа и предшествующих доходов. На размер выплат влияют семейное положение, статус совместного проживания и наличие дополнительных источников дохода.

Условия получения государственного пенсионного обеспечения включают наличие постоянного вида на жительство или гражданства, а также подтверждение 10-летнего проживания в стране после достижения 20-летнего возраста, из которых 5 лет должны быть прожиты после 50 лет. Исключение составляют граждане стран – участниц соглашения о социальной безопасности (Австралия, Канада, Дания, Ирландия, Греция, Мальта, Нидерланды, Великобритания и другие).

Система *KiwiSaver* представляет собой добровольный накопительный механизм с участием работодателя и государственного софинансирования. Участники могут выбирать процент отчислений, при этом работодатель обязан вносить минимум 3%, а государство предоставляет ежегодную субсидию при соблюдении определенных условий.

[1] Пенсионная система Новой Зеландии. URL: https://kiwieducation.ru/nz/lifehack/pensionnaya-sistema-novoj-zelandii/ (дата обращения: 10.03.2026).

Помощь малоимущим

В системе социального обеспечения **США** *применяются федеральные критерии бедности*, определяющие право граждан на участие в программах государственной поддержки. Методология расчета пороговых значений бедности базируется на двух основных подходах[1]:

1. Официальная методика (*Official Poverty Measure, OPM*) определяет федеральный порог бедности (*Federal Poverty Line, FPL*) на основе трехкратной стоимости минимальной продовольственной корзины. Данная методология, разработанная в 1960-х гг., ежегодно корректируется с учетом индекса потребительских цен (*CPI-U*), однако не учитывает региональные различия в стоимости жизни и современные расходы домохозяйств.

2. Дополнительная методика (*Supplemental Poverty Measure, SPM*) представляет альтернативный подход к оценке уровня бедности, с учетом региональных и прочих особенностей. По состоянию на 2025 г. установлены следующие пороговые значения критериев оценки бедности по OPM: для одиноко проживающих граждан – 14 580 долл. в год, для семьи из четырех человек – 31 200 долл. в год. Данная сумма подвергается ежегодной корректировке с учетом изменения цен.

Система социального обеспечения США представляет собой комплекс государственных программ поддержки социально уязвимых категорий населения, включающий шесть основных направлений адресной помощи. Право на получение социальной поддержки обусловливается подтверждением дохода ниже установленного порога (например, для семьи из четырех человек – не более 33 000 долл. в год в 2026 г.).

Финансирование программ осуществляется на федеральном уровне, при этом администрирование реализуется на уровне штатов. В структуру социального обеспечения входят такие программы:

- программа дополнительной продовольственной помощи (*SNAP*), предусматривающая предоставление специальных купонов для приобретения продуктов питания, а также обеспечение бесплатным или льготным питанием детей в образовательных учреждениях[2];
- временная помощь нуждающимся семьям (*TANF*), направленная на поддержку семей с детьми в период временной утраты источников дохода[3];
- программа *Medicaid*, обеспечивающая доступ к медицинским услугам для социально незащищенных групп населения, включая беременных женщин, пожилых граждан и лиц с ограниченными возможностями[4];

[1] How Is Poverty Measured in the United States: OPM vs. SPM. URL: https://legalclarity.org/how-is-poverty-measured-in-the-united-states-opm-vs-spm (дата: обращения 20.03.2026).
[2] How to apply for food stamps (SNAP benefits) and check your balance. URL: https://www.usa.gov/food-stamps (дата обращения: 20.03.2026).
[3] Welfare benefits or Temporary Assistance for Needy Families (TANF). URL: https://www.usa.gov/welfare-benefits (дата обращения: 20.03.2026).
[4] Health insurance. URL: https://www.usa.gov/health-insurance (дата обращения 20.03.2026).

- система дополнительного социального страхования (*SSI*), предусматривающая ежемесячные выплаты лицам с ограниченными возможностями здоровья[1];
- налоговый кредит на заработанный доход (*EITC*), предоставляющий налоговые льготы работающим гражданам с низким уровнем дохода[2];
- программа жилищной помощи, направленная на улучшение жилищных условий малоимущих граждан посредством субсидирования арендной платы и предоставления льготного жилья[3].

В **Великобритании** разработан *обширный перечень программ поддержки семей*. В частности, можно обратиться к государственной программе «Поддержка семей» (*Supporting Families*) на 2022–2025 гг.[4] Основные цели программы: помочь уязвимым семьям за счет предоставления эффективной поддержки всей семье, способствовать системным изменениям на местном и национальном уровнях; создать интегрированные местные службы, которые смогут своевременно выявлять семьи, нуждающиеся в помощи, предоставлять им необходимую поддержку и отслеживать результаты в долгосрочной перспективе. Программа затрагивала семьи, столкнувшиеся с безработицей, финансовой нестабильностью, низкой посещаемостью школ детьми, домашним насилием и плохими семейными отношениями и др. Для каждой семьи разрабатывался индивидуальный план поддержки с участием ведущего специалиста, который координирует работу различных служб. Логичным продолжением программы с 2026 г. стала новая инициатива – *Families First Partnership (FFP) Program*. Она стартовала в 2025–2026 финансовом году и получила финансирование в размере более 500 млн фунтов стерлингов.

Также в Великобритании действует комплексная система социальной поддержки, *центральным элементом которой является Универсальный кредит* – основное пособие для граждан трудоспособного возраста с низким доходом[5]. Данная выплата призвана обеспечить базовое покрытие жизненных расходов и заменить сразу шесть ранее существовавших форм социальной помощи, включая пособия по безработице, трудоустройству, жилищные пособия и налоговые льготы на детей.

Система охватывает три основные категории получателей: безработных, работающих граждан и лиц с ограниченными возможностями к трудовой деятельности. Размер пособия формируется индивидуально и зависит от множества факторов: общего дохода заявителя, финансового

[1] Supplemental Security Income (SSI) | SSA. URL: https://www.ssa.gov/ssi (дата обращения: 20.03.2026).
[2] Earned Income Tax Credit (EITC). Internal Revenue Service. URL: https://www.irs.gov/credits-deductions/individuals/earned-income-tax-credit-eitc (дата обращения: 20.03.2026).
[3] Emergency housing assistance. URL: https://www.usa.gov/emergency-housing-assistance (дата обращения: 20.03.2026).
[4] Supporting Families Programme guidance 2022 to 2025. URL: https://www.gov.uk/government/publications/supporting-families-programme-guidance-2022-to-2025 (дата обращения: 20.03.2026).
[5] Universal credit. URL: https://www.litrg.org.uk/benefits/universal-credit (дата обращения: 20.03.2026).

положения партнера (при совместном обращении), объема накоплений и конкретных жизненных обстоятельств.

В состав выплат могут быть включены дополнительные компенсации: помощь с оплатой жилья, поддержка в содержании детей, средства на детский уход, специальные выплаты для лиц с заболеваниями.

Для получения пособия необходимо соответствовать ряду критериев: иметь британское гражданство или вид на жительство, быть в возрасте от 18 до 66 лет, обладать сбережениями менее 16 000 фунтов стерлингов. При этом заявители, способные работать, должны активно искать занятость с нагрузкой до 35 часов в неделю. Система построена таким образом, чтобы стимулировать получателей к поиску работы, сохраняя при этом право на государственную поддержку.

Кроме того, в Великобритании действует широкий спектр социальных выплат и пособий, включающий пенсионный кредит для пожилых граждан с низким доходом, пособие по уходу за пожилыми людьми, выплаты по нетрудоспособности, пособие по трудоустройству, помощь с оплатой жилья, гранты на адаптацию жилья для инвалидов, пособие по уходу за детьми, налоговые льготы на детей, пособие по беременности и родам, единовременное пособие на первого ребенка, программу безналогового детского ухода, пособие для лиц, осуществляющих уход за другими людьми, пособие по нетрудоспособности с учетом состояния здоровья, выплаты для людей с ограниченными возможностями, помощь с оплатой проезда для детей, бесплатные часы в детских садах, компенсационные выплаты для военнослужащих-инвалидов, гранты на работу для людей с инвалидностью, освобождение от НДС на специальные товары для инвалидов и многие другие программы.

В **Канаде** функционирует комплексная система социальной поддержки населения, включающая два основных направления: программы поддержки доходов и сервисные социальные программы[1].

Программы поддержки доходов представляют собой механизм прямых денежных выплат гражданам и включают семейные пособия в рамках программы страхования занятости, пособия по страхованию занятости (*EI*), обеспечивающие временную финансовую помощь при потере работы, болезни или травме, государственные пенсионные выплаты по программе страхования по старости (*OAS*), предоставляемые гражданам от 65 лет независимо от трудового стажа, программы адресной поддержки доходов для граждан, находящихся в сложной финансовой ситуации и др. Система социальной защиты распространяется на постоянных жителей страны и отдельные категории беженцев. Программы реализуются как на федеральном уровне, так и через провинциальные ведомства с учетом региональных особенностей и потребностей населения.

В 2018 г. правительство Канады инициировало реализацию комплексной социальной стратегии «Возможности для всех»[2]. Стратегия ба-

[1] Социальные программы в Канаде. URL: https://www.tremglobal.com/ru/articles/social-programs-in-canada (дата обращения: 20.03.2026).

[2] Canada's Poverty Reduction Strategy – An Update. URL: https://www.canada.ca/en/employment-social-development/programs/results/poverty-reduction.html (дата обращения: 20.03.2026).

зируется на трех принципах: обеспечение человеческого достоинства через удовлетворение базовых потребностей граждан, создание условий для социальной инклюзии и расширения возможностей участия в общественной жизни, а также формирование устойчивой системы социальной защиты среднего класса.

Финансирование программы охватывает широкий спектр социально значимых направлений: жилищную политику, обеспечение доступа к чистой питьевой воде, развитие медицинской инфраструктуры, транспортную логистику, систему дошкольного образования, услуги по уходу за детьми, программы профессиональной подготовки и содействия занятости населения. Стратегические цели программы включают снижение уровня бедности на 50% к 2030 г. относительно базового показателя[1]. Особое внимание уделяется методологии измерения бедности через призму стоимости потребительской корзины с учетом региональных особенностей страны.

В **Австралии** функционирует централизованная система социальной поддержки населения, координируемая государственным агентством *Centrelink*[2]. Данная структура осуществляет администрирование и распределение финансовой помощи среди граждан и постоянных жителей страны, соответствующих установленным критериям получения пособий.

Система социальной поддержки включает следующие основные выплаты[3]:

- пособия по безработице (*JobSeeker Payment*), предусматривающие временную финансовую помощь при условии активного поиска работы;
- семейные пособия, включающие выплаты для одиноких родителей и субсидии по уходу за детьми
- пособия по инвалидности;
- социальные выплаты для поддержки малоимущих семей, студентов и других социально уязвимых групп населения.

Размер пособий зависит от семейного положения получателя, наличия дополнительных источников дохода, степени нуждаемости.

В **Новой Зеландии** действует комплексная система социальной защиты населения, направленная на поддержку различных категорий граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации[4]. Социальная поддержка предоставляется лицам, утратившим трудоспособность, столкнувшимся с непредвиденными финансовыми расходами, нуждающимся в помощи с оплатой базовых услуг, пенсионерам, семьям с детьми, лицам с инвалидностью, а также подросткам 16–19 лет, находящимся в сложном материальном положении. Размер пособий зависит от ин-

[1] Официальная черта бедности в Канаде – обзор. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-11/PPP_E.%20Social%20policies_Canada_rus.pdf (дата обращения: 20.03.2026).
[2] Как работают социальные льготы в Австралии. URL: https://vnz.su/articles/kak-rabotajut-sotsial-nye-l-goty-v-avstralii/ (дата обращения: 20.03.2026).
[3] Жить в Австралии и получать пособия. URL: https://vnz.su/articles/zhit-v-avstralii-i-poluchat-posobija/ (дата обращения: 20.03.2026).
[4] Социальные выплаты в Новой Зеландии. URL: https://kiwieducation.ru/nz/lifehack/soczialnye-vyplaty-v-novoj-zelandii/ (дата обращения: 20.03.2026).

дивидуальных обстоятельств заявителя, включая семейное положение, наличие детей, возраст, состояние здоровья, имущественный статус и прочие факторы.

Основными формами социальной поддержки выступают пособия по безработице, декретные выплаты для работающих женщин (при условии стажа не менее 6–12 месяцев и минимальной занятости 10 часов в неделю), семейные пособия в рамках программ *Best Start* и *Working for Families*, адресная поддержка несовершеннолетних родителей, система льгот для малоимущих через программу *Community Service Card*. Особое внимание уделяется поддержке семей с низким доходом и одиноких родителей, при этом для получения ряда пособий установлены требования по минимальной занятости.

Опыт англосаксонских стран для России

Анализ социальных стандартов англосаксонских стран позволяет выделить ряд решений, потенциально применимых в российской практике социальной поддержки с учетом национальных особенностей и текущих социально-экономических условий.

Значительный интерес представляет *механизм многоуровневой социальной защиты*, включающий государственное страхование, корпоративные программы и индивидуальные накопительные схемы. Система социального страхования англосаксонских стран характеризуется широким спектром страховых рисков и гибкими схемами взносов. Особого внимания заслуживает институт общественного участия в реализации социальных программ, включающий развитие некоммерческого сектора и вовлечение местных сообществ в решение социальных задач. Данный опыт может быть адаптирован для повышения эффективности социальной политики на региональном уровне.

Кроме того, может быть адаптирован и применен следующий опыт:

- во-первых, развитие негосударственного пенсионного страхования и добровольных накопительных схем. В США, Канаде и Австралии значительную роль играют частные пенсионные планы. В России существует система негосударственного пенсионного обеспечения, но ее развитие можно усилить через стимулирование работодателей к созданию корпоративных пенсионных программ и повышение финансовой грамотности населения в вопросах пенсионного планирования;
- во-вторых, гибкость и децентрализация социальных программ. В США система социального страхования децентрализована: отдельные программы регулируются федеральным законодательством, законодательством штатов или совместно разными уровнями власти. В России можно рассмотреть расширение полномочий регионов в разработке и реализации социальных программ с учетом местных особенностей и потребностей. Это может повысить оперативность реагирования на локальные социальные вызовы;

- в-третьих, развитие систем заботы сообщества, направленных на сохранение самостоятельности уязвимых групп. В России можно развивать подобные подходы через поддержку местных инициатив и НКО, работающих с пожилыми людьми, инвалидами и другими социально уязвимыми группами, развитие сети социальных служб на муниципальном уровне, стимулирование волонтерства и участия гражданского общества в социальной поддержке;
- в-четвертых, стимулирование ответственности граждан за собственное благосостояние. В англосаксонских странах государство концентрируется на поддержке наиболее уязвимых слоев, а граждане с достаточными средствами должны обеспечивать себя самостоятельно. В России можно усилить работу по формированию культуры личной ответственности за свое будущее.

Некоторые отечественные исследователи отмечают, что повышение финансовой грамотности и ответственности граждан, а также более высокое вовлечение работодателей позволит в долгосрочной перспективе добиться улучшения благосостояния населения. Так, В.А. Подольский пишет [5], что анализ британского опыта реформирования социальной сферы демонстрирует потенциал для адаптации ряда успешных практик в российской системе социального обеспечения. С конца 1970-х гг. британская модель претерпела существенные преобразования, многие из которых могут быть полезны для отечественной системы. Ключевым элементом британского опыта является достижение самодостаточности страховых фондов, что может быть реализовано через оптимизацию механизмов формирования резервов и внедрение эффективных систем управления финансовыми потоками. Существенным направлением модернизации является увеличение финансовой самостоятельности региональных и местных властей, что позволит более гибко реагировать на локальные социальные вызовы и эффективнее распределять ресурсы с учетом специфики территорий. Особого внимания заслуживает внедрение системы адресной социальной поддержки, основанной на дифференцированном подходе к определению объема льгот и пособий в зависимости от уровня благосостояния граждан.

И.Ю. Евстафьева пишет [6], что есть две основных проблемы в поведении населения, которые мешают повышению благосостояния. Первая проблема заключается в чрезмерном и рискованном использовании кредитных продуктов, что создает существенные угрозы финансовой стабильности как отдельных домохозяйств, так и всей финансовой системы. Вторая проблема проявляется в консервативном поведении граждан, выражающемся в полном отказе от использования финансовых инструментов и кредитных продуктов, что также выступает сдерживающим фактором для развития современной финансовой системы.

Таким образом, Россия может использовать сильные стороны англосаксонской социальной модели, в частности, гибкость, вовлеченность бизнеса и граждан, адресность, чтобы сделать собственную систему поддержки более устойчивой. Важно опираться на реальные потребности людей и потенциал регионов.

Список литературы

1. Цели устойчивого развития в Российской Федерации. 2025: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2025. 128 с.

2. *Кривов В.Д., Постников С.Л.* «Стандарт благополучия» как инструмент достижения стратегических целей социально-экономического развития государства // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2022. № 4 (46). С. 42–54.

3. *Кривов В.Д., Владимиров Д.Г.* Актуальные аспекты реализации концепции стандарта социального благополучия // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2024. № 1. С. 65–78.

4. *Ширин А.Ш.* Пенсионная система Австралии и его особенности // Science and Education. 2023. № 6. С. 930–938.

5. *Подольский В.А.* Социальное государство в Великобритании: формирование и функционирование // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 90. С. 183–197.

6. *Евстафьева И.Ю.* От финансовой грамотности к финансовой культуре // Известия СПбГЭУ. 2024. № 3 (147). С. 161–165.

References

1. Celi ustoichivogo razvitiya v Rossiiskoi Federacii. 2025: Krat. stat. sb. [Sustainable Development Goals in the Russian Federation. 2025: Brief Statistical Collection], Rosstat. Moscow, 2025, 128 p. (In Russ.).

2. Krivov V.D., Postnikov S.L. “Standart blagopoluchiya” kak instrument dostizheniya strategicheskih celei social’no-ekonomicheskogo razvitiya gosudarstva [“Well-being Standard” as a Tool for Achieving Strategic Goals of the Socioeconomic Development of the State], *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul’teta. Elektronnyi zhurnal* [Scientific Research of the Faculty of Economics. Electronic Journal], 2022, No. 4 (46), pp. 42–54. (In Russ.).

3. Krivov V.D., Vladimirov D.G. Aktual’nye aspekty realizacii koncepcii standarta social’nogo blagopoluchiya [Current Aspects of Implementing the Social Well-being Standard Concept], *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul’teta. Elektronnyi zhurnal* [Scientific Research of the Faculty of Economics. Electronic Journal], 2024, No. 1, pp. 65–78. (In Russ.).

4. Shirin A.Sh. Pensionnaya sistema Avstralii i ego osobennosti [The Australian Pension System and Its Features], *Science and Education* [Science and Education], 2023, No. 6, pp. 930–938. (In Russ.).

5. Podol’skii V.A. Social’noe gosudarstvo v Velikobritanii: formirovanie i funkcionirovanie [The Welfare state in Great Britain: Formation and Functioning], *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* [Public Administration. Electronic Bulletin], 2022, No. 90, pp. 183–197. (In Russ.).

6. Evstaf’eva I.Yu. Ot finansovoi gramotnosti k finansovoi kul’ture [From Financial Literacy to Financial Culture], *Izvestiya SPbGEU* [Bulletin of SPbGEU], 2024, No. 3 (147), pp. 161–165. (In Russ.).

STATISTICAL ANALYSIS OF THE PRACTICE OF IMPLEMENTING SOCIAL STANDARDS IN ANGLO-SAXON COUNTRIES

The countries of the Anglo-Saxon world (USA, Great Britain, Canada, Australia and New Zealand) consistently occupy the top positions of the world rankings for the quality of life of citizens and the Human Development Index (HDI). This reflects not only strong economic indicators, but also developed social standards, as well as effective mechanisms that help to maintain a fairly high standard of living for citizens, even if they are in a difficult life situation. The article presents a statistical analysis of social standards in Anglo-Saxon countries. The key aspects of social systems are considered: mechanisms for regulating minimum wages, social protection systems, pension standards, and programs to support the poor. Special attention is paid to the analysis of the possibility of applying foreign experience in Russian practice.

Keywords: social policy, standard of well-being, public administration, statistical analysis, trust of citizens.

JEL: H110, H410, I310, I320

Дата поступления – 24.04.2026 *Принята к печати* – 01.06.2026

КРИВОВ Виктор Дмитриевич
доктор экономических наук, заведующий кафедрой статистики экономического факультета;
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» / Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, 119991.
e-mail: vickriwov@yandex.ru

САМУСЕВИЧ Кира Александровна
независимый исследователь.
e-mail: kira-84@bk.ru

KRIVOV Viktor D.
Dr. Sc. (Econ.), Head of the Department of Statistics, Faculty of Economics; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Lomonosov Moscow State University” / Leninskie Gory, 1, Building 13, Moscow, 119991.
e-mail: vickriwov@yandex.ru

SAMUSEVICH Kira A.
Independent Researcher.
e-mail: kira-84@bk.ru

Для цитирования:
Кривов В.Д., Самусевич К.А. Статистический анализ практики реализации социальных стандартов в англосаксонских странах // Федерализм. 2026. Т. 31. № 2 (122). С. 141–158. DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2026-2-141-158

DOI: http://dx.doi.org/
10.21686/2073-1051-2026-2-159-196

Аналитические записки

С.Д. ВАЛЕНТЕЙ, А.Р. БАХТИЗИН, С.В. БОРИСОВА, А.В. КОЛЬЧУГИНА, Л.Н. ЛЫКОВА

ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В 2025 г.

Достоверная оценка происходящих в России социально-экономических процессов невозможна без учета региональных особенностей их протекания. Пространственная картина данных процессов много сложнее отраслевой: экономика субъектов Российской Федерации – не арифметическая сумма предприятий и объектов социальной сферы. Это многосложный организм, характеристика которого предъявляет особые требования к методологии определения проблем и направлений его развития. Особые требования предъявляются и к организации управления происходящими в границах регионов процессами. Экономическое пространство субъекта Российской Федерации включает несколько уровней принятия решений (общефедеральный, региональный, муниципальный, отраслевой). Это делает функции системы регионального управления во многом сходными с общефедеральными, т.е. государственными. Такой уровень определяет требования к информационному обеспечению принимаемых решений. По этой причине методы статического анализа и прогноза развития региональных экономик качественно отличаются от методов, используемых на отраслевом уровне. В представленной статье, как в предшествующих публикациях авторов, исследуется взаимосвязь трех базовых составляющих экономического пространства российских регионов: качества социальной среды, хозяйственной и инвестиционной деятельности, источников бюджетной самообеспеченности. На основе построенных Индексов социального развития, хозяйственной активности и Показателя бюджетной самообеспеченности был построен Итоговый индекс, отражающий общее состояние экономики каждого из регионов в период 2021–2025 гг. Анализ полученных данных свидетельствует о наличии в целом повышательного тренда в динамике экономик регионов и высокой вероятности слома данного тренда после 2025 г.

Ключевые слова: регион, региональная экономика, тренды развития, индексы.

JEL: H11, O20, R10, R11, R22

Продолжая ежегодные исследования трендов социально-экономического развития субъектов Российской Федерации (далее – субъекты РФ), мы столкнулись с трудностями, обусловленными тем, что на момент подготовки материала на официальном сайте ФСГС не были опубликованы следующие официальные данные:

- по численности населения в разрезе субъектов РФ;
- миграционному приросту населения;
- естественному приросту населения;
- ожидаемой продолжительности жизни.

Исключение этих четырех показателей из расчета Индекса социального развития российских регионов противоречило авторской методологии, лишая изучение названных трендов экономического смысла. Выход из положения был найден в использовании *данных среднего варианта демографического прогноза на 2025 г.* по материалам статистического бюллетеня «Предположительная численность населения Российской Федерации до 2045 года»[1]. Поскольку для расчета Индекса социального развития используются преимущественно относительные значения показателей, предполагаемое нами незначительное отклонение фактических значений от прогнозных не могло существенно сказаться на оценках индекса. Авторы оставляют за собой право после обнародования официальных данных в случае существенного отклонения прогнозных значений, использованных для оценки индексов, от фактических, *произвести перерасчет показателей.*

При этом, как и в предшествующих исследованиях, субъекты РФ были распределены по 6 группам (*табл. 1*).

Таблица 1

Группировка субъектов РФ

Группы	Характеристика	Значение индекса
Группа I	Стабильно высокие значения индексов	Выше 0,5
Группа II	Средние значения индексов	0,4–0,5
Группа III	Низкие значения индексов	Ниже 0,4
Группа I-м	Мигрирующие по годам между группами с высокими и средними значениями индексов	Не ниже 0,4
Группа II-м	Мигрирующие по годам между группами со средними и низкими значениями индексов	Не выше 0,5
Группа III-м	Мигрирующие по годам между группами с высокими, средними и низкими значениями индексов	Выше 0,5 – ниже 0,4

[1] Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285 (дата обращения: 01.06.2026).

Результаты проведенных расчетов и результаты распределения субъектов РФ по сформированным группам представлены в приложении. При построении индексов не учитывались данные по новым субъектам РФ – ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областям.

Индекс социального развития регионов

В рамках рассматриваемого временного интервала (2021–2025 гг.) наблюдается выраженный рост Индекса социального развития для всех субъектов РФ. Для регионов страны его значения в 2025 г. были выше показателя 2021 г. При этом общий повышательный тренд *не был однозначно устойчивым для всех субъектов*. Наиболее проблемным стал 2022 г. Но и в завершающем году периода в некоторых регионах и некоторых их группах также стали просматриваться определенные проблемы.

В 2022 г. отмечается резкое снижения числа регионов, имеющих высокое и среднее значение Индекса социального развития, и соответственно – рост числа субъектов РФ с его низким значением. Однако в 2023 и 2024 гг. ситуация улучшается, а в 2025 г. число регионов с высокими значениями индекса несколько снижается, но одновременно снижается и число регионов с низкими значениями (*табл. 2*).

Таблица 2

Распределение групп с высоким, средним и низким значением Индекса социального развития

Группы регионов	2021	2022	2023	2024	2025
Регионы с высоким значением индекса	6	4	13	15	8
Регионы со средним значением индекса	17	14	49	55	58
Регионы с низким значением индекса	62	67	23	15	9

Составлено по: [1; 2; 3].

Анализ первичных статистических данных позволяет говорить о значительном вкладе в восстановление значения Индекса социального развития роста зарплат (почти двукратный рост средней начисленной заработной платы в России с 2021 по 2025 г. [3]) и социальных пособий, а также льготная ипотека для ряда льготных категорий.

Группа I. Только 4 региона (около 5% всех субъектов РФ) на протяжении рассматриваемого периода стабильно показывают высокие результаты по Индексу социального развития. Это основные нефтегазовые регионы (Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО) и Московский регион (Москва и Московская область).

В кризис 2022 г. динамика индекса в регионах группы была разнонаправленная – снижение индекса показала только Московская об-

ласть, а Москва, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО показали даже некоторый рост.

В 2023 г. всем регионам группы удалось превысить значения индекса в докризисном 2021 г. (*рис. 1*). В 2024 г. продолжился некоторый рост значения Индекса социального развития в Ямало-Ненецком АО и в Москве. В то же время в Ханты-Мансийском АО и Московской области значения Индекса социального развития незначительно снизились. В 2025 г. во всех регионах группы вновь *отмечался его рост, но крайне незначительный.*

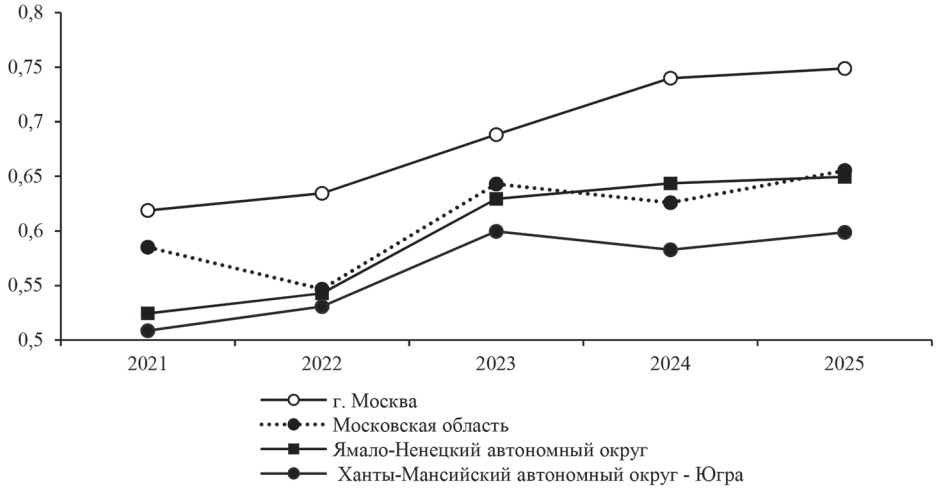

Рис. 1. Динамика Индекса социального развития регионов I группы

Составлено по: [1; 2; 3].

Группа I-м включает 10 регионов[1] с высокими, но неустойчивыми значениями индекса (около 12% всех регионов).

В 2022 г. во всех регионах группы, в отличие от группы I, выявлено снижение показателя ниже значения 0,5. При этом более выраженное падение отмечалось в добывающих регионах, а именно в Республике Саха (Якутия), Ненецком АО, Сахалинской области. Однако в 2023 г. в большинстве субъектов РФ группы значения индекса превысили 0,5 (кроме Республики Саха (Якутия) и Чукотского АО). Но в 2025 г. уровень 0,5 для данного показателя был превышен и в этих субъектах РФ. Таким образом, все регионы показали значения индекса выше 0,5 (т.е. вошли в группу I).

Группа II включает регионы[2] со стабильными средними значениями индекса (4 региона, или около 5% всех субъектов РФ).

[1] Санкт-Петербургская агломерация (Санкт-Петербург и Ленинградская область), Тюменская, Сахалинская и Магаданская области, Республики Татарстан и Саха (Якутия), Краснодарский край, Ненецкий и Чукотский АО.

[2] Воронежская, Ростовская и Липецкая области, Севастополь.

До 2023 г. самые высокие значения индекса наблюдались у Севастополя, но в дальнейшем его значения были самыми низкими в группе. Остальные регионы показали некоторое снижение индекса в 2022 г. с последующим резким ростом. В 2024–2025 гг. (*рис. 2*) значения индекса *менялись разнонаправленно, но не значительно.*

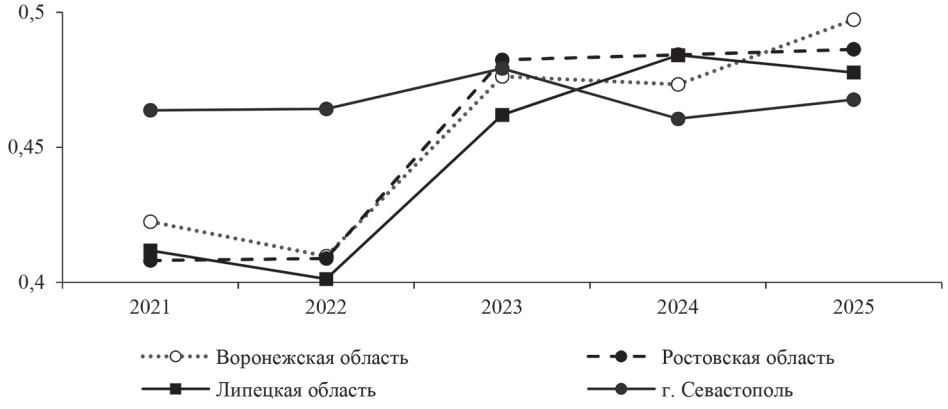

Рис. 2. Динамика Индекса социального развития регионов II группы

Составлено по: [1; 2; 3].

Группа II-м. Регионы со средним, но неустойчивым, уровнем благополучия (мигрирующие в рассматриваемый период между группой II со средним значением индекса и группой III с низким значением индекса (менее 0,4).

Это уже традиционно для рейтинга самая многочисленная группа – 57 регионов, или чуть более 67% субъектов РФ.

В 2021 г. все регионы, кроме Белгородской и Калининградской областей, относились к группе с низкими значениями Индекса социального развития, а в 2022 г. для всех регионов группы индекс опустился ниже отметки 0,4. Вместе с тем Чеченская и Удмуртская Республики, Республики Крым, Калмыкия, Мордовия, Тыва, Дагестан и Башкортостан, Забайкальский край, а также Тульская, Волгоградская, Омская, Саратовская, Вологодская, Смоленская и Владимирская области незначительно повысили эти значения. В дальнейшем отмечался значительный рост индекса практически во всех регионах группы. Число достигших средних значений индекса в 2023 г. равнялось 39, в 2024 г. – 47, а в 2025 г. – 53. Низкий уровень индекса в 2025 г. показали лишь Республика Коми, Брянская, Владимирская и Тверская области. Таким образом, в целом рассматриваемая группа неоднородна.

В **группу III** входят стабильно неблагополучные регионы (регионы с низким значением индекса в течение всего рассматриваемого периода (ниже 0,4) – всего 5 регионов (около 6% всех регионов РФ)[1].

[1] Кемеровская и Курганская области, Республики Марий-Эл и Ингушетия, Алтайский край.

Существенное снижение значения индекса отмечалось в 2022 г. у всех регионов, кроме Алтайского края. В 2023 г. значение индекса повысилось, превысив значение базового 2021 г. В дальнейшем также наблюдалось некоторое его повышение с незначительными колебаниями (*рис. 3*).

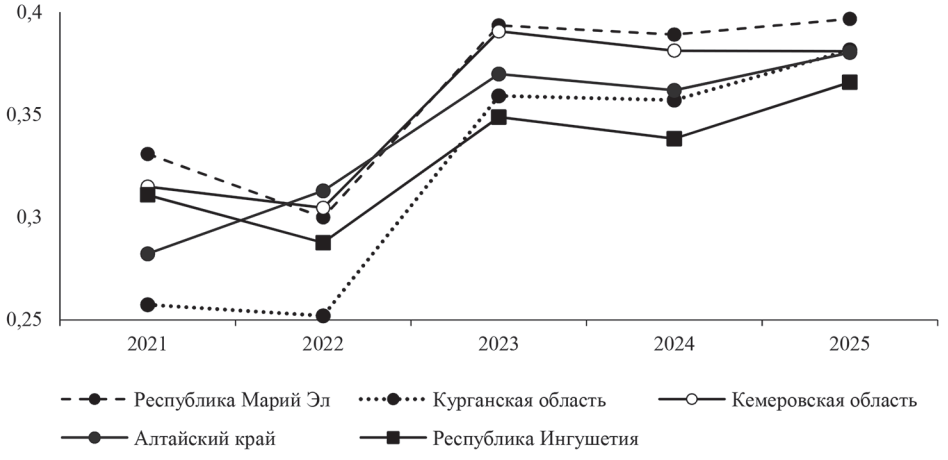

Рис. 3. Динамика Индекса социального развития регионов III группы

Составлено по: [1; 2; 3].

Группа III-м включает 4 региона[1], мигрирующих за рассматриваемый период между тремя группами. Практически все эти регионы показали только низкие значения индекса в 2022 г., затем последовательно существенно улучшали результаты до высоких значений (свыше 0,5) в 2024 г. (Свердловская область) и в 2025 г. остальные субъекты РФ.

Особняком стоит Республика Адыгея, в 2021 и 2022 гг. показывавшая низкие значения, а в последующие годы – высокие, превысившие 0,5.

Таким образом, почти все субъекты РФ *одинаково снижением значения Индекса социального развития отреагировали* на кризис 2022 г., связанный с тотальными экономическими санкциями. Вместе с тем уже в 2023 г. отмечается существенное улучшение ситуации, продолжившееся в 2024 г., хотя не столь выражено, что в большой степени обусловлено повышением зарплаты и социальных выплат. В 2025 г. произошла некоторая стабилизация и усреднение значений индекса по регионам: почти вдвое уменьшилось число субъектов РФ как с высокими, так и с низкими его значениями. Более 2/3 регионов показали средние значения индекса.

[1] Кабардино-Балкарская Республика, Камчатский край, Хабаровский край, Свердловская область.

Индекс хозяйственного развития регионов

Существенно отличается картина по Индексу хозяйственного развития. Прежде всего в целом отмечается больший разброс по трем основным группам. Так, если в 2025 г. 2/3 регионов имели среднее значение Индекса социального развития (в интервале 0,4–0,5), то по Индексу хозяйственного развития таковых было чуть менее 40%. При этом доля регионов с низким значением Индекса хозяйственного развития составила около 48%. Правда, необходимо отметить (*табл. 3*), что несколько подросла и доля регионов с высоким значением индекса (16,5% по Индексу хозяйственного развития против 9,4% по Индексу социальном развития).

Таблица 3

Распределение групп с высоким, средним и низким значением Индекса хозяйственного развития

Группы регионов	2021	2022	2023	2024	2025
Регионы с высоким значением индекса	12	16	12	14	14
Регионы со средним значением индекса	26	33	26	48	33
Регионы с низким значением индекса	47	36	47	23	38

Составлено по: [1; 2; 3].

Экономическая ситуация *в большей части субъектов РФ* в 2022 г., несмотря на тотальное усиление санкций, *характеризуется ростом результатов экономической активности*. В 2022 г. отмечается рост числа регионов, показавших высокие результаты, и уменьшение числа тех, что показали низкое значение индекса по сравнению с базисным 2021 г.[1]

В 2023 г. в условиях ужесточения санкций в отношении импорта высокотехнологичной продукции и экспорта сырьевых продуктов, а также усиления вторичных санкций, хозяйственная активность *в ряде регионов снизилась*.

Важным фактором, повлиявшим на ее снижение, стало повышение Банком России ключевой ставки с 8,5% в августе 2023 г. до 16% к концу года. Последующее повышение ставки до 21% негативно сказывалось на хозяйственной активности. В целом же ухудшение условий кредитования сказалось на инвестиционной активности и экономической динамике.

[1] Показатели Индекса хозяйственного развития часто носят несколько инерционный характер, что связано с выполнением работ по прошлогодним контрактам, реализации запланированных ранее инвестиций. В связи с этим снижение или повышение значения данного индекса, в отличие от Индекса социального развития, иногда носит отсроченный характер, что ниже будет показано на результатах по I и III групп (рис. 4 и 6).

Отчасти для некоторых экономических агентов масштабный бюджетный импульс этих лет позволял компенсировать негативное влияние ставок финансового рынка на бизнес-процессы.

Несмотря на неблагополучные условия, положение *в 2024 г. региональных экономик в целом улучшилось* – возросло число субъектов РФ с высоким значением Индекса хозяйственного развития. При этом наиболее высоким было количество регионов со средним значением индекса. Также самое малое число регионов за этот год оказалось с низким Индексом хозяйственного развития.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют *о достаточно высокой степени устойчивости экономики субъектов РФ к различным шокам*. Существенную роль сыграли правительственные решения по поддержке важных отраслей экономики[1].

Весомое *позитивное значение имел уход иностранных фирм* с российского рынка, что привело к освобождению места от зарубежных фирм с высоким уровнем конкурентоспособности. Это позволило отечественным предприятиям осуществлять реальное импортозамещение, что не замедлило сказаться на высоких результатах хозяйственной активности региональных экономик в 2023 и 2024 гг. Однако комплекс негативных условий, в том числе и высокая ключевая ставка Банка России, которая весь 2025 г. продержалась на уровне 20–21%, наряду с выраженным ограничением масштабов бюджетного импульса привел к снижению хозяйственной активности региональных экономик в 2025 г. В этом году *существенно снизилось число регионов со средними показателями и увеличилось число регионов с низкими значениями Индекса хозяйственного развития*.

В **Группу I** (значения индекса устойчиво превышают 0,5) вошли 8 регионов[2]. Динамика индекса в 2022 г. в регионах группы была неоднородна – в одних имело место снижение (например, Москва и Магаданская область), а в других выраженный рост (Ямало-Ненецкий АО, Амурская и Сахалинская области).

В 2023 г. во всех регионах, кроме Сахалинской области, отмечается отсроченное снижение Индекса хозяйственного развития. В 2024 г. все субъекты РФ показали повышение его значения. В 2025 г. рост индекса замедлился, а в Амурской и Сахалинской областях отмечалось его снижение (*рис. 4*).

В **группу I-м** включены 8 регионов, имевших в рамках рассматриваемого временного интервала значения Индекса хозяйственного развития как выше 0,5, так и ниже данного уровня (но выше 0,4). В этой группе лишь Ханты-Мансийский АО, Камчатский край и Республика Татарстан в 2025 г. показали высокие значения Индекса хозяйственного развития.

[1] Меры по повышению устойчивости экономики в условиях санкций // Правительство России. URL: http://government.ru/rugovclassifier/901/events/

[2] Москва, Амурская и Ленинградская области, а также 5 добывающих регионов (Республика Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий и Чукотский АО, Сахалинская и Магаданская области).

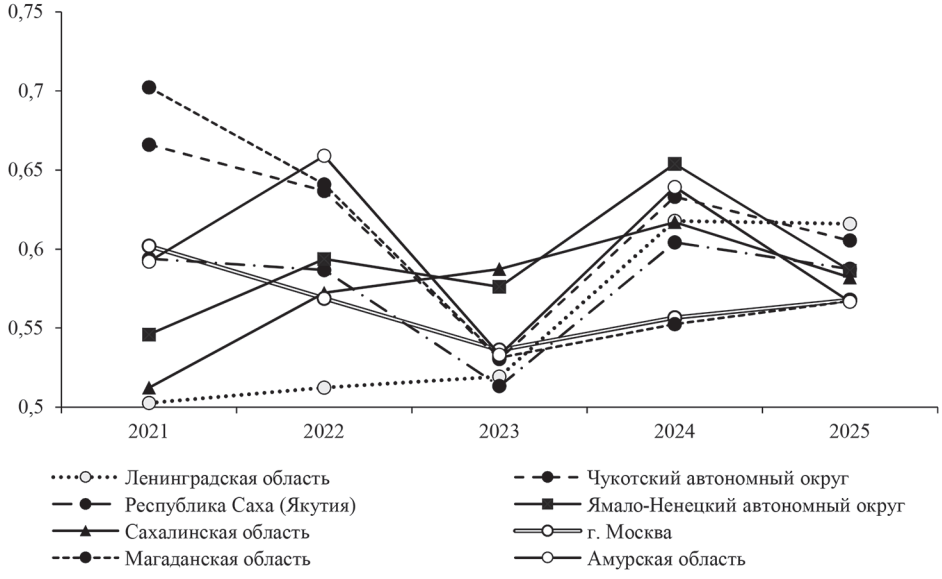

Рис. 4. Динамика Индекса хозяйственного развития регионов I группы

Составлено по: [1; 2; 3].

Данная группа неоднородна. Только Ханты-Мансийский АО, Камчатский край и Ненецкий АО 1 или 2 года из 5 имели высокие результаты. Остальные регионы группы большую часть рассматриваемого периода имели только средние значения индекса (в интервале 0,3–0,4). Наиболее успешным для регионов группы с высокими, но неустойчивыми значениями Индекса хозяйственного развития был 2024 г. Наименее успешными оказались 2021 и 2025 гг.

Обращает на себя внимание, что большая часть субъектов РФ, демонстрирующих стабильно высокие или слабо неустойчивые высокие значения Индекса хозяйственного развития, *относятся к аналогичным группам по Индексу социальному развития.* Исключением были Амурская, Нижегородская, Иркутская, Мурманская области, Хабаровский край.

Группа II включает 5 регионов со стабильно средними значениями[1]. На кризис 2022 г. резким снижением индекса отреагировали Московская и Ростовская области, Ставропольский край. В 2023 г. все регионы, кроме Приморского края улучшили показатели. В 2024 г. все субъекты РФ в основном показали рост. Но в 2025 г. (*рис. 5*) вновь *продемонстрировали снижение.*

Группа II-м – группа регионов со средним, но неустойчивым, уровнем благополучия (мигрирующих в рассматриваемый период между группой II со средним значением индекса и группой III с его низким значением (менее 0,4). Как и в случае с Индексом социального развития – это *самая многочисленная* группа – 50 субъектов РФ (60%).

[1] Московская область, Приморский край, Республика Адыгея, Ставропольский край и Ростовская область.

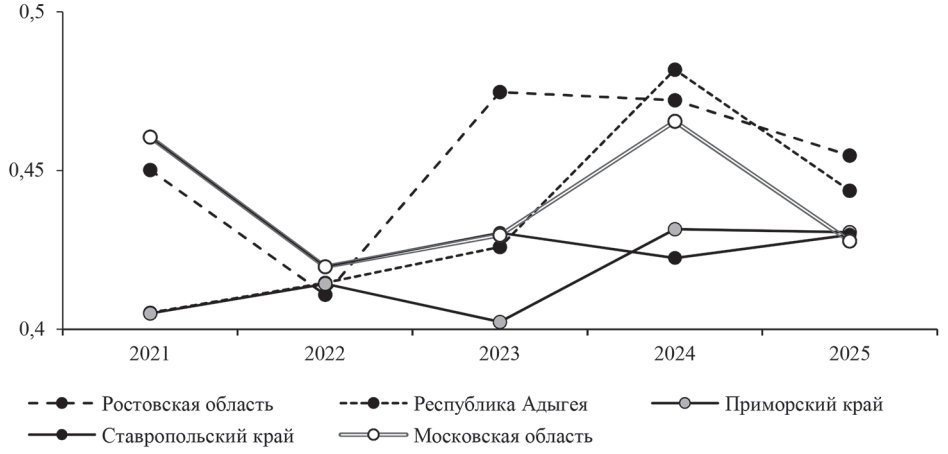

Рис. 5. Динамика Индекса хозяйственного развития регионов II группы

Составлено по: [1; 2; 3].

При этом средние значения Индекса хозяйственного развития показали 13 субъектов РФ в 2021 г., 22 региона – в 2022 г., и вновь 13 – в 2023 г. Самый успешным для регионов группы оказался 2024 г. В 2025 г. вновь наблюдается снижение числа субъектов РФ со средним значением Индекса хозяйственного развития (до 22).

Меньшая часть – 20 субъектов РФ [1] – имела в основном средние значения показателя индекса. В них лишь 1 или 2 года из 5 рассматриваемых лет отмечалось его низкое значение (менее 0,4), в то время как в остальные годы значения Индекса хозяйственного развития были средние (превысили этот уровень). Большая часть (30 регионов) 3 или 4 года из 5 имели низкие значения индекса[2].

Таким образом, в отличие от ситуации с Индексом социального развития, а также в отличие от трендов развития трех более сильных групп, описанных ранее, продолжающееся усиление санкций, затруднения с кредитованием на фоне сжатия бюджетного импульса и роста налоговой нагрузки на бизнес *не позволили быстро и эффективно преодолеть кризисные явления.*

Группа III включает регионы со стабильно низкими значениями Индекса хозяйственного развития *(рис. 6)*.

[1] Республики Алтай, Мордовия, Башкортостан, Крым, Карачаево-Черкесская, Красноярский, Забайкальский, Пермский, Краснодарский края, Тульская Тюменская, Вологодская, Белгородская, Самарская, Свердловская, Ульяновская, Волгоградская, Воронежская, Пензенская и Архангельское области.

[2] Республики Марий-Эл, Ингушетия, Карелия, Коми, Хакасия, Бурятия, Калмыкия, Удмуртская и Кабардино-Балкарская, Оренбургская, Тверская, Саратовская, Томская, Липецкая, Тамбовская, Калужская, Новосибирская, Костромская, Кемеровская, Рязанская, Омская, Смоленская, Курская, Ярославская, Калининградская, Челябинская, Кировская, Брянская и Псковская области, Алтайский край.

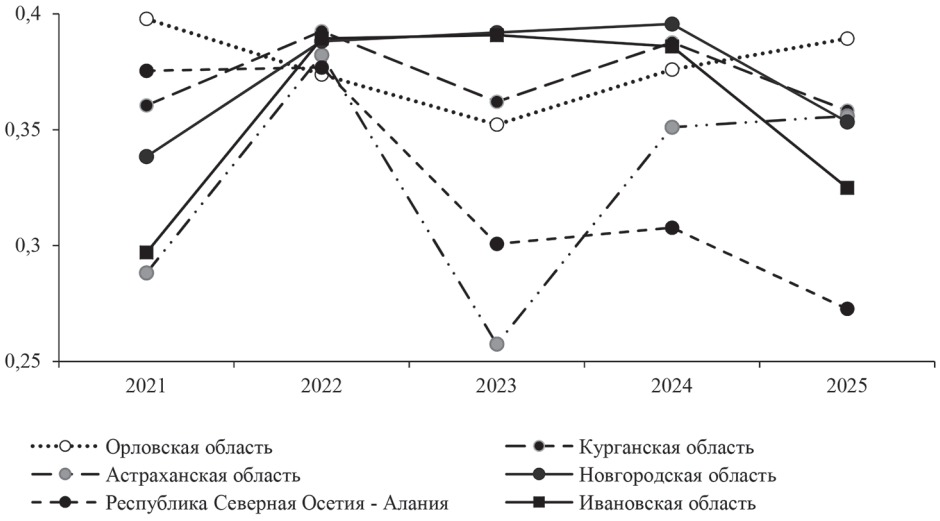

Рис. 6. Динамика Индекса хозяйственного развития регионов III группы

Составлено по: [1; 2; 3].

Стабильно низкие результаты хозяйственной активности в рассматриваемом периоде показали Республика Северная Осетия-Алания, Орловская, Курганская, Астраханская, Новгородская и Ивановская области. При этом резкий рост Индекса хозяйственного развития в 2022 г. в группе показали Астраханская, Курганская, Ивановская и Новгородская области. Его снижение показала лишь Орловская область. В 2023 г., наоборот, практически все регионы показали резкое снижение индекса, что можно интерпретировать как отсроченное снижение отчасти, возможно, вследствие эффекта высокой базы предшествующего года.

В 2024 г. ситуация несколько выровнялась, но 2025 г. принес большинству субъектов РФ новые проблемы. Только Астраханская и Орловская области сохранили растущие значения индекса (но не превысили 0,4).

Семь регионов, объединенные в **группу III-м**, демонстрировали выражено неустойчивые результаты по Индексу хозяйственного развития, имея то низкие, то средние, то высокие его значения. В 2022 г. только Чеченская Республика и Санкт-Петербург (последний в последующем только наращивал индекс) снизили значения. В 2023 г. практически все субъекты РФ (кроме Санкт-Петербурга) снизили результаты, а около 50% показали только низкие значения. В 2024 г. продолжили снижение индекса Республика Дагестан, Чувашская Республика, Владимирская область и Севастополь. В 2025 г. к ним прибавилась Республика Тыва.

Особое место заняла Еврейская автономная область, все годы показывавшая низкие результаты, а в 2025 г. – высокие. Этот регион не вписывается в сформированные и описанные выше группы.

В целом можно констатировать, что мероприятия федерального и регионального уровня, направленные на поддержку бизнеса, в сочетании с активностью экономических агентов по замещению товарных ниш и формированию новых логистических цепочек позволили *в значительной степени противостоять кризисным явлениям*. Вместе с тем в 2025 г. начинают просматриваться негативные тенденции, свидетельствующие *об исчерпании ресурсов* в предшествующие годы. Эти тенденции пока не сильно выражены, но уже проявляются в снижении значений Индекса хозяйственного развития для многих субъектов РФ. Наименее стрессоустойчивыми в этих условиях оказались регионы с неустойчивыми и низкими значениями индекса. Его инерционность может приводить к тому, что его снижение будет просматриваться для некоторых регионов в следующем году.

Показатель бюджетной самообеспеченности

Группировка регионов по Показателю бюджетной самообеспеченности (отношению собственных доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ к фактически осуществленным расходам) позволяет оценить с одной стороны бюджетные результаты хозяйственной активности в регионах, а с другой – возможности региональных бюджетов по финансированию необходимых расходов.

Число субъектов РФ с высокими значениями Показателя бюджетной самообеспеченности (более 0,8) после выраженного падения в 2022 г. устойчиво росло (*табл. 4*). В то же время группа регионов со средними значениями показателя (от 0,5 до 0,8) после роста в 2022 г. постепенно сокращалась. Аналогичным образом, но менее выражено вела себя и группа регионов с низкими показателями бюджетной самообеспеченности (менее 0,5).

Таблица 4

Распределение групп с высоким, средним и низким значением Показателя бюджетной самообеспеченности по годам

Группы регионов	2021	2022	2023	2024	2025
Регионы с высоким значением показателя	30	19	28	34	42
Регионы со средним значением показателя	39	49	43	41	36
Регионы с низким значением показателя	16	17	14	10	7

Составлено по: [4; 5].

Необходимо отметить, что после существенного перераспределения регионов между тремя группами в 2022 г. уже в следующем году практически восстановилось докризисное (2021 г.) их распределение. Период 2023–2025 гг. может быть охарактеризован как *годы постепенного*

улучшения бюджетной ситуации. За счет увеличения группы с высокими значениями показателя сократилась численность групп со средними и низкими его значениями (относительно базового года)[1].

Группа I включает 12 регионов со стабильно высоким уровнем Показателя бюджетной самообеспеченности (выше 0,8) [2]. Несколько снизили его значение в 2022 г. только Красноярский край, Ханты-Мансийский АО, Республика Татарстан и Свердловская область, Санкт-Петербург, Сахалинская область, Ямало-Ненецкий АО. В 2022 г. некоторые из них имели Показатель бюджетной самообеспеченности более 1. В 2023 г. они отсрочено понизили значения показателя и продолжили некоторое снижение в 2024 г. Остальные регионы его повысили, особенно выражено Красноярский край, Ленинградская область и Ненецкий АО. В 2025 г. некоторый рост показателя отмечался в ряде нефтедобывающих регионов. Невыраженное снижение отмечалось в Республике Татарстан, Красноярском крае, Свердловской области (*рис. 7*).

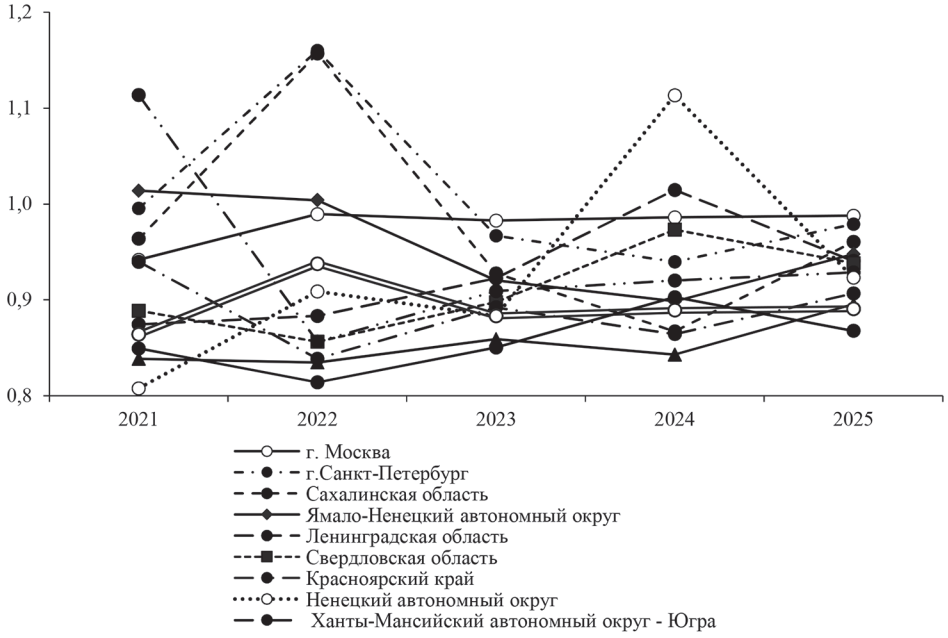

Рис. 7. Динамика Показателя бюджетной самообеспеченности регионов I группы

Составлено по: [4; 5].

[1] Особенность показателя – использование в его составе фактических расходов регионального бюджета. Это приводит к тому, что снижение объемов финансирования может приводить к росту данного показателя для субъекта РФ.

[2] Москва, Санкт-Петербург, Ленинградская, Свердловская, Сахалинская и Иркутская области, Республики Татарстан и Коми, Красноярский край, Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО.

Группа I-м является самой многочисленной группой и включает 36 регионов. Регионы данной группы на протяжении рассматриваемого периода имели показатели бюджетной самообеспеченности как выше 0,8, так и ниже (но выше 0,5). При этом 17 субъектов РФ лишь 1–2 года за период показали средние, а не высокие значения, в основном в 2022 г. (11 регионов) или отсрочено в 2023 г. (3 региона) или в 2024 г. (4 региона). В 2025 г. только у Тверской области не было высокого значения показателя.

Наоборот, 19 регионов чаще показывали средние результаты и лишь единожды – высокие. Из них почти все (18) в 2022 г. показали только средние значения, 16 – в 2023 г., только 10 – в 2024 г., и всего 7 – в 2025 г.

В 2022 г. у 10 субъектов РФ из 17 в подгруппе с высокими значениями и с невыраженной неустойчивостью выявлено снижение показателя, в то время как в группе с выраженной неустойчивостью – 17 из 19 регионов. Динамика показателя в 2023 и 2024 гг. для регионов группы в целом незначительно различалась.

В 2025 г. 29 субъектов РФ продемонстрировали значение показателя выше 0,8 (а для 10 – значение оказалось выше 0,9) и только для 7 регионов это значение было ниже данного уровня (но выше 0,7).

Таким образом, регионы данной группы *в целом продемонстрировали повышательный тренд.*

Второй по многочисленности оказалась **группа II** со стабильно средними значениями показателя –19 регионов (*рис. 8*).

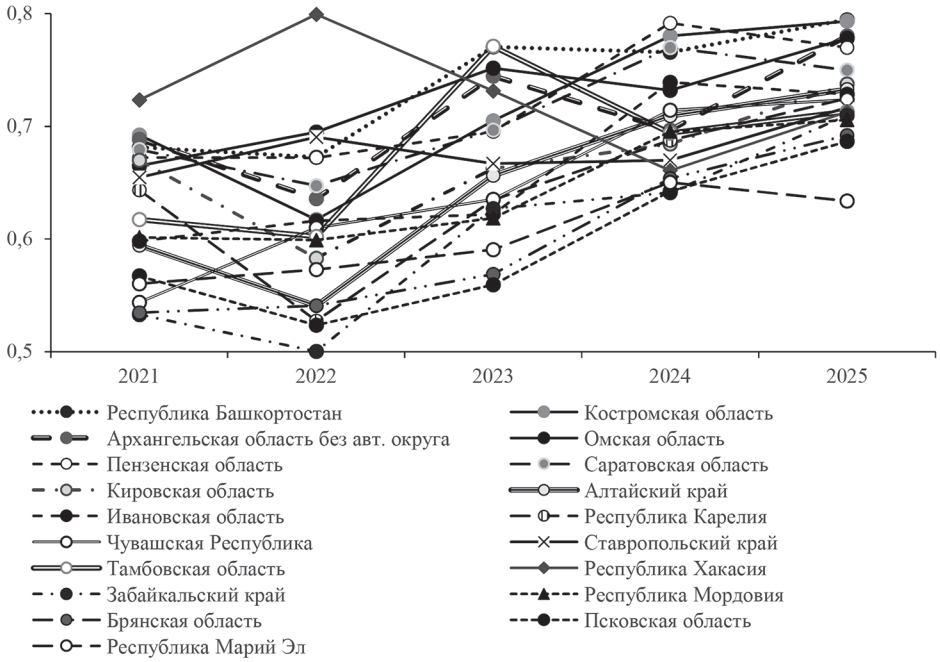

Рис. 8. Динамика Показателя бюджетной самообеспеченности регионов II группы

Составлено по: [4; 5].

В 2022 г. только 8 субъектов РФ группы продемонстрировали значительное падение показателя[1]. Остальные регионы или практически не изменили значения, или превысили. В 2023 г. все регионы группы, кроме Республики Хакасии и Ставропольского края, показали положительную динамику. В 2024 г. 13 регионов продолжили повышение значения показателя, остальные или остались на прежнем уровне, или понизили его значение. Выраженная отрицательная динамика в этом году отмечена в Архангельской и Тамбовской областях, Республике Хакасии.

В 2025 г. значительное повышение отмечалось в Архангельской, Омской, Кировской, Брянской и Псковской областях, в Республике Карелии и Забайкальском крае, а незначительное снижение показателя – в 3 регионах (Пензенской, Ивановской и Саратовской областях).

Группа II-м включает 10 регионов, мигрирующих между группой II со средним значением Показателя бюджетного самообеспечения (менее 0,8) и группой III с низким его значением (менее 0,5) (*рис. 9*).

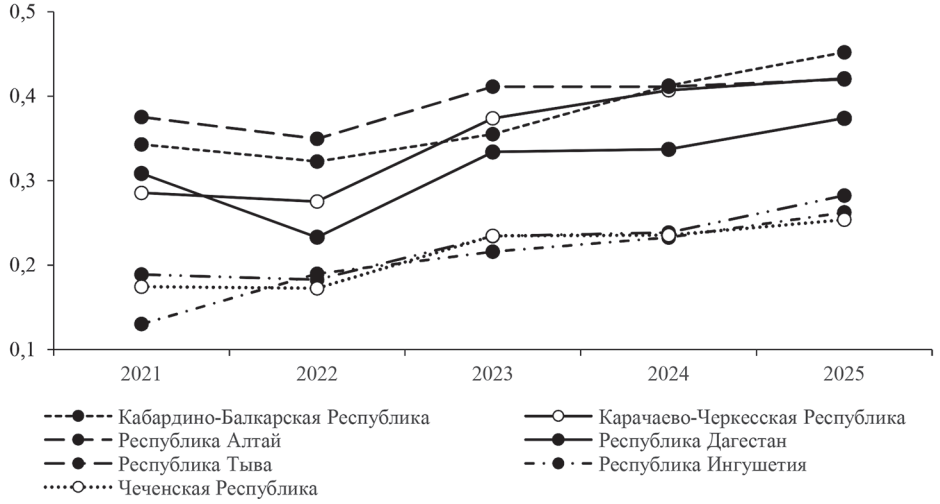

Рис. 9. Динамика Показателя бюджетной самообеспеченности регионов II-м группы

Составлено по: [4; 5].

В стартовом 2021 г. среднее значение Показателя бюджетного самообеспечения выше 0,5 показали только Чукотский АО и Республика Адыгея. Остальные имели значения в интервале 0,3–0,5. Падение Показателя бюджетной самообеспеченности в этой группе имело место в 2022 г. для большинства субъектов РФ. Исключение составили только Республика Адыгея, Севастополь и Курганская область, где имело место незначительное снижение показателя. Начиная с 2023 г.

[1] Костромская, Архангельская, Саратовская, Псковская и Кировская области, Алтайский и Забайкальский края, Республика Карелия.

для большинства регионов просматривается в целом повышение показателя, и по итогам 2025 г. уже все субъекты РФ превышают отметку 0,5.

Группа III включает в целом неблагополучные регионы с устойчивым трендом (регионы с низким значением показателя в течение всего рассматриваемого периода – ниже 0,5). Стабильно низкие значения Показателя бюджетного самообеспеченности (выражено проблемные регионы) имеют 7 регионов (*рис. 10*).

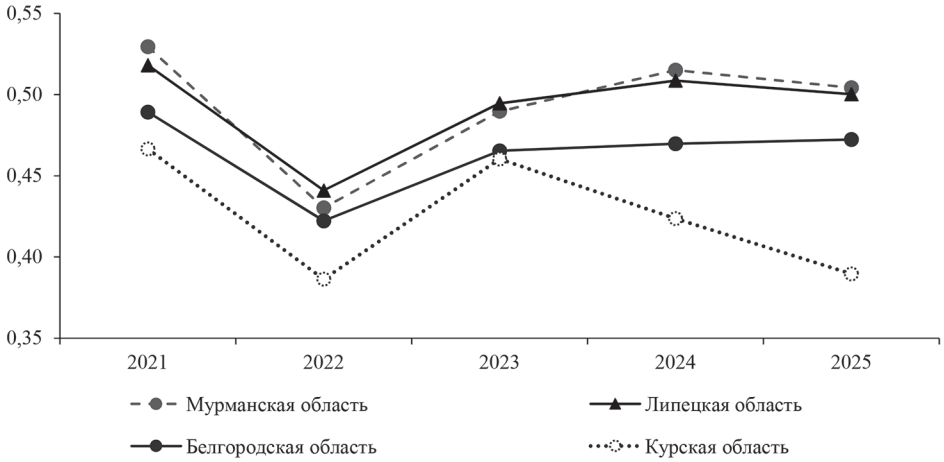

Рис. 10. Динамика Показателя бюджетной самообеспеченности регионов III группы

Составлено по: [4; 5].

В 2022 г. большая часть субъектов РФ группы имела те же значения, что и в 2021 г. Отмечается выраженное понижение показателя только у Республик Дагестан и Алтай. А в Республике Ингушетии он заметно подрос. После незначительного повышения у всех регионов группы в 2023 г. рост показателя в последующие два года фактически приостановился. Тем не менее по итогам 2025 г. Показатель бюджетной самообеспеченности в группе превысил свое значение для базового года. Заметим, что в данной группе присутствуют субъекты РФ, где данный показатель находится ниже отметки 0,3 (но в базовом году периода его значение для этих регионов находилось в интервале 0,13–0,19).

Особняком (не включена в группы) стоит Калининградская область, в которой поступательно показатель рос с низкого уровня в 2021 и 2022 гг., до среднего в 2023 и 2024 гг. и до высокого в 2025 г.

Подводя итоги сказанному, отметим, что динамика Индекса социального развития в рамках рассматриваемого временного интервала в целом носила повышательный характер во всех выделенных группах субъектов РФ. При этом стабильность и параметры этого повышения выражено различались по группам. Обращает на себя внимание, что последний (2025) год, рассмотренный в рамках настоящего исследования,

продемонстрировал настораживающую неустойчивость общей динамики этого показателя.

Индекс хозяйственного развития в 2021–2025 гг. демонстрировал более выраженную неустойчивость как по годам периода, так и в рамках каждой из выделенных групп. По-прежнему *не просматривается выраженная связь между двумя указанными индексами.*

При этом Показатель бюджетной самообеспеченности (обеспеченности собственными доходами расходов региональных бюджетов) имел в целом тенденцию к повышению, в ряде субъектов РФ просматривалось *существенное его колебание по годам.*

Рейтинг субъектов РФ по Итоговому индексу

Значения Итогового индекса были получены как средневзвешенное значение Индекса социального развития (вес – 0,5), Индекса хозяйственного развития (вес – 0,3) и Показателя бюджетной самообеспеченности (вес – 0,2).

В 2022 г. имело место снижение числа регионов с высоким показателем Итогового индекса (с 15 до 11), и незначительное увеличение числа субъектов РФ с его средним (с 30 до 33) и низким значением (с 40 до 41).

Наиболее значительной по числу регионов в 2021–2022 гг. является группа с низким значением индекса (*табл. 5*). С 2023 г. ситуация постепенно меняется. При относительно стабильном числе регионов со средними значениями индекса увеличивается число субъектов РФ с высокими показателями и сокращается число с низкими показателями. В итоге 2025 г. демонстрирует наибольшее число регионов с высокими значениями индекса и наименьшее число с низкими значениями (в рамках рассматриваемого временного интервала).

Таблица 5

Распределение групп с высоким, средним и низким значением Итогового индекса

Группы регионов	2021	2022	2023	2024	2025
Регионы с высоким значением индекса	15	11	16	25	27
Регионы со средним значением индекса	30	33	50	49	51
Регионы с низким значением индекса	40	41	19	11	7

Составлено по: [1–5].

Для оценки полученных результатов значения индекса были сформированы группы и подгруппы по методике, позволяющей *более точно выявить основные тренды* (повышательный и понижательный), исходя из следующих критериев:

- динамика Итогового индекса за 2025 г. по отношению к базовому (2021) году и по отношению к 2024 г. Последний критерий использовался для выделения подгрупп;
- значение Итогового индекса в 2025 г. и предшествующие годы. Были выделены интервалы: свыше 0,5; от 0,4 до 0,5 и менее 0,4.

По результатам оценки индекса были выделены следующие группы (*табл. 6*).

Группа 1. Регионы с понижательным трендом в 2025 г. относительно значения базового года (2021 г.).

Группа 2 включает 12 регионов с высокими значениями Итогового индекса (свыше 0,5) на протяжении всего рассматриваемого временного интервала 2021–2025 гг.

Группа 3 включает 15 субъектов РФ, в которых показатель 0,5 был превышен в 2025 г., но в рамках всего рассматриваемого периода его значение колебалось.

Группа 4 состоит из 29 регионов (наиболее значительная по численности группа) с Итоговым индексом в интервале от 0,4 до 0,5 (менее 0,5) и сохраняющимся и в 2025 г. (по отношению к предшествующему году) повышательным трендом в динамике рассматриваемого индекса.

Группа 5 включает 19 субъектов РФ, где значения Итогового индекса также находятся в интервале от 0,4 до 0,5 (менее 0,5). Но значения Индекса по итогам 2025 г. оказались ниже предшествующего (2024) года.

Группа 6 включает 6 регионов с относительно низкими значениями Итогового индекса (ниже 0,4).

Таблица 6

Распределение регионов по группам

Группа	Интервалы значений итогового индекса	Дополнительный критерий (повышательный или понижательный тренд), стабильность показателя	Количество субъектов РФ в группе
1	–	Снижение значения итогового индекса в 2025 г. относительно 2021 г.	4
2	Свыше 0,5	Стабильно выше 0,5	11
3	Свыше 0,5 (в 2025 г.)	Нестабильно выше 0,5	14
4	От 0,4 до 0,5	Устойчивый повышательный тренд	29
5	От 0,4 до 0,5	Неустойчивый повышательный тренд (снижение в 2025 г. относительно 2024 г.)	21
6	Ниже 0,4	–	6

Составлено по: [1–5].

Рассмотрим более подробно ситуацию в рамках выделенных групп.

Группа 1 относительно невелика – 4 субъекта РФ. Регионы группы *выпадают из общего повышательного тренда* – значения Итогового индекса в 2025 г. для них ниже показателя базового (2021) года. В состав группы включены Белгородская и Курская области (ситуация здесь не нуждается в комментариях), а также Мурманская и Липецкая области (*рис. 11*). После выраженного падения Итогового индекса в 2022 г. в 2023 г. имело место некоторое восстановление его значения до уровня, остававшегося существенно ниже показателя базового года. В последующие годы в 3 субъектах РФ имела место повышательная тенденция, а в Курской области значение индекса снижалось. При этом ни в одной из 3 областей Итоговый индекс в 2025 г. не превысил базового значения.

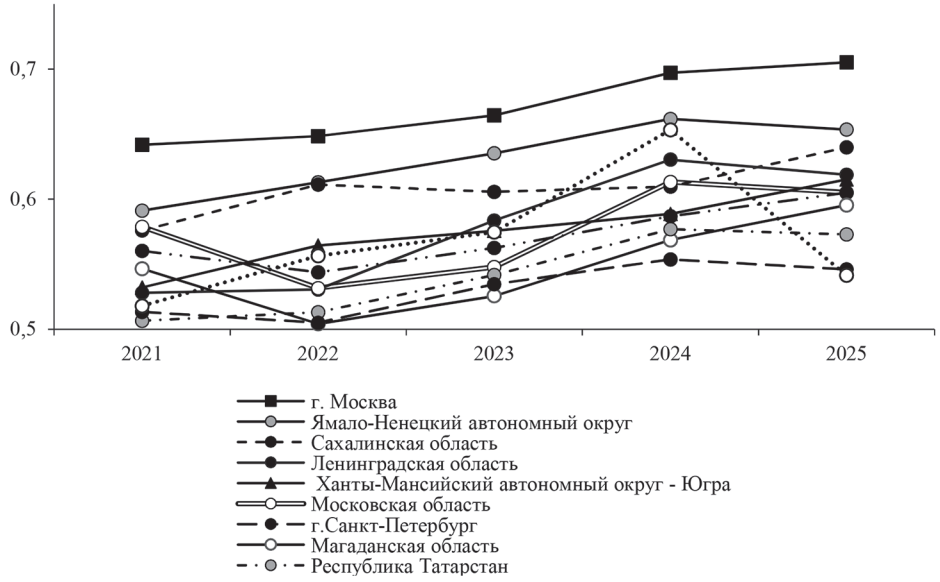

Рис. 11. Динамика Итогового индекса в 2021–2025 гг. регионов группы 1

Составлено по: [1–5].

Снижение Итогового индекса в регионах группы имело место на фоне роста Индекса социального развития и было связано с падением Индекса хозяйственной деятельности (в трех из четырех регионах группы) и снижением обеспеченности расходов собственными доходами (во всех регионах). Наиболее значительное снижение обеспеченности собственными доходами имело место в Курской области, несколько меньшее падение было в Белгородской и Липецкой областях. Минимальное снижение бюджетной самообеспеченности (применительно к данному исследованию) наблюдалось в Мурманской области. Некоторое оживление экономической активности (судя по Индексу хозяйственной активности) имело место в Липецкой области в 2025 г. по сравнению с 2021 г. Однако увеличение этого индекса было минимальным и не привело

к росту Итогового индекса для региона (*табл. 7*)[1]. Необходимо отметить, что снижение индекса в Мурманской и Липецкой областях, как по отношению к базовому году, так и по отношению к 2024 г. относительно незначительно и позволяет обоим регионам оставаться с высокими его показателями (выше 0,5).

Таблица 7

Изменения индексов (прирост) рейтинга в группе 1

Субъект РФ	Итоговый индекс 2025 к 2021	Итоговый индекс 2025 к 2024	Индекс социального развития	Индекс хозяйственного развития	Отношение собственных доходов к расходам
Мурманская область	-0,025	-0,011	0,082	-0,126	-0,142
Липецкая область	-0,018	-0,009	0,066	0,030	-0,299
Белгородская область	-0,017	0,003	0,063	-0,007	-0,232
Курская область	-0,077	-0,034	0,071	-0,072	-0,453

Составлено по: [1–5].

Группа 2 включает 11 *наиболее мощных с точки зрения экономического потенциала регионов.* Значения индекса по итогам 2025 г. для них находятся в интервале 0,70521 (Москва) – 0,59543 (Магаданская область).

На протяжении 2021–2025 гг. значение Итогового индекса для всех регионов превышало 0,5. Его динамика в субъектах РФ группы 2 в этот период *не была однозначно повышательной.* Исключение составляют Москва и Санкт-Петербург, где Итоговые индексы стабильно росли. Не наблюдалось их снижения ни в 2022 г., ни в 2025 г. в связи с затуханием всплеска экономической активности и переходом в режим стагнации (*рис. 12*).

В то же время в ряде субъектов РФ ситуация в 2025 г. может указывать на формирование понижательного тренда по Итоговому индексу. На основании *одного года сложно говорить о тенденции или тренде.* Но снижение индекса относительного его значения в 2024 г. имело место в 6 регионах[2]. При этом, несмотря на некоторое снижение рассматриваемого показателя, его значения в этих регионах и в 2025 г. оставались достаточно высокими (выше 0,5).

[1] Значения в таблицах 7–12 приведены без учета весовых коэффициентов и носят иллюстративный характер, позволяя оценить общее направление движения показателя.
[2] Ямало-Ненецком АО, Ленинградской и Московской областях, Республике Татарстан, Краснодарском крае и Ненецком АО.

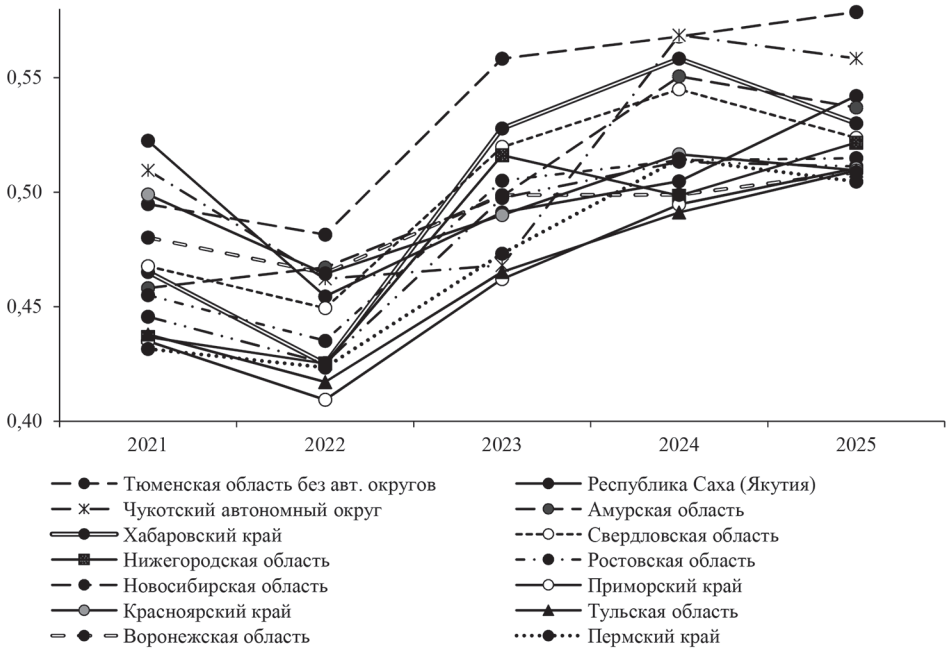

Рис. 12. Динамика Итогового индекса в 2021–2025 гг. регионов группы 2

Составлено по: [1–5].

Динамика составляющих Итогового индекса в регионах группы не была однородной. Если Индекс социального развития увеличился в рамках рассматриваемого периода во всех 11 субъектах РФ, то динамика Индекса хозяйственного развития и Показателя бюджетной самообеспеченности собственными доходами не была однонаправленной (*табл. 8*). Так, ухудшение бюджетной ситуации (снижение доли расходов, покрываемых собственными доходами) имело место в 4 регионах, бюджетные доходы которых связаны с добычей углеводородов (Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, Сахалинской области и Санкт-Петербурге). При этом Индекс хозяйственного развития в них не снижался. В остальных регионах группы данный показатель увеличился. Общее ухудшение хозяйственной активности зафиксировано в 5 субъектах РФ, включая Москву. Рост Итогового индекса вследствие повышения всех трех рассматриваемых показателей имел место в Ленинградской области и Республике Татарстан, но при этом его значения в этих субъектах РФ в 2025 г. снизилось относительно предшествующего года.

В **группу 3** включены 14 регионов, для которых *значения Итогового индекса в 2025 г. превысили 0,5* и находились в интервале 0,5787 (Тюменская область) – 0,5094 (Тульская область). На протяжении рассматриваемого временного интервала значения этого индекса для регионов группы колебались и хотя бы в одном году опускались ниже указанного уровня (*рис. 13*).

Таблица 8

Изменения индексов (прирост) рейтинга в группе 2, 2025 г. относительно 2021 г.

Субъект РФ	Итоговый индекс 2025 относительно 2021	Итоговый индекс 2025 относительно 2024	Индекс социального развития	Индекс хозяйственного развития	Отношение собственных доходов к расходам
Москва	0,063	0,008	0,130	-0,034	0,043
Ямало-Ненецкий АО	0,062	-0,008	0,125	0,040	-0,062
Сахалинская область	0,064	0,030	0,087	0,070	-0,003
Ханты-Мансийский АО	0,083	0,027	0,090	0,147	-0,031
Ненецкий АО	0,024	-0,112	0,064	-0,100	0,108
Санкт-Петербург	0,045	0,018	0,083	0,021	-0,015
Московская область	0,026	-0,008	0,070	-0,033	0,006
Ленинградская область	0,091	-0,012	0,089	0,113	0,062
Республика Татарстан	0,066	-0,004	0,094	0,053	0,017
Краснодарский край	0,033	-0,008	0,079	-0,036	0,021
Магаданская область	0,049	0,027	0,135	-0,135	0,109

Составлено по: [1–5].

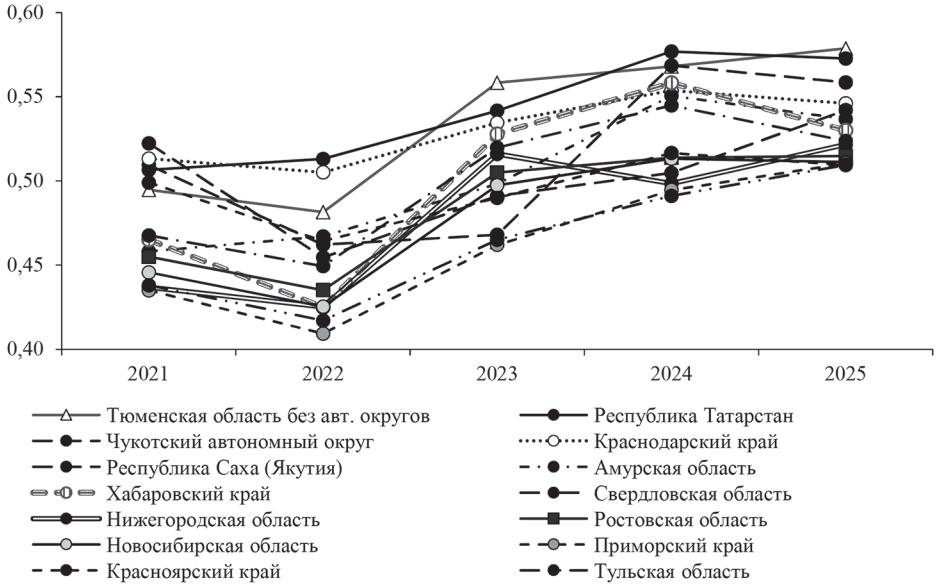

Рис. 13. Динамика Итогового индекса в 2021–2025 гг. регионов группы 3

Составлено по: [1–5].

Во всех субъектах РФ наблюдалось существенное падение индекса в 2022 г. ниже уровня 0,5 с последующим восстановлением его значения. Индекс в 2022 г. находился в интервале 0,4094 (Приморский край) – 0,4815 (Тюменская область).

Восстановление показателя в регионах *было неравномерным*. Так, его значение для Тюменской, Свердловской, Ростовской областей превысило 0,5 уже в 2023 г. и оставалось выше этого уровня в 2023–2025 гг. В то же время в Приморском крае и Тульской области уровень 0,5 был превышен только в 2025 г. Необходимо отметить, что для большинства субъектов РФ в базовом году значение Итогового индекса было ниже 0,5. Исключение составляют Республика Саха (Якутия) и Чукотский АО.

Ухудшение показателя Итогового индекса в 2025 г. по сравнению с предшествующим годом имело место в 7 регионах группы. Наиболее значительным оно было Республике Саха (Якутия).

Таблица 9

Изменения индексов (прирост) рейтинга в группе 3, 2025 г. относительно 2021 г.

Субъект РФ	Итоговый индекс 2025 относительно 2021	Итоговый индекс 2025 относительно 2024	Индекс социального развития	Индекс хозяйственного развития	Отношение собственных доходов к расходам
Тюменская область	0,084	0,011	0,128	0,109	-0,063
Свердловская область	0,056	-0,021	0,079	0,025	0,046
Ростовская область	0,060	0,001	0,078	0,005	0,097
Хабаровский край	0,065	-0,028	0,070	0,056	0,064
Амурская область	0,079	-0,014	0,098	-0,025	0,186
Новосибирская область	0,066	-0,002	0,095	-0,029	0,133
Республика Саха (Якутия)	0,020	0,037	0,076	-0,007	-0,083
Красноярский край	0,011	-0,007	0,054	0,060	-0,173
Пермский край	0,073	-0,010	0,079	0,117	-0,007
Чукотский АО	0,049	-0,010	0,093	-0,061	0,103
Воронежская область	0,028	0,010	0,075	-0,057	0,040
Нижегородская область	0,085	0,023	0,117	0,019	0,103
Приморский край	0,075	0,016	0,101	0,026	0,086
Тульская область	0,072	0,018	0,112	-0,017	0,104

Составлено по: [1–5].

Рост Итогового индекса по сравнению с базовым годом происходил в значительной мере за счет выраженного повышения Индекса социального развития (*табл. 9*). При этом Индекс хозяйственного развития снизился в 6 субъектах РФ. Наиболее значительным это снижение было в Чукотском АО. Ухудшение обеспеченности расходов собственными доходами зафиксировано в 4 регионах (Тюменской области, Республике Саха (Якутия), Красноярском и Пермском краях). При этом только в Республике Саха (Якутия) имело место ухудшение как хозяйственной ситуации, так и бюджетной обеспеченности. В то же время повышательная динамика социальной составляющей привела к росту Итогового индекса для данного субъекта РФ.

Наиболее многочисленной группой является **группа 4**, в состав которой включены 29 регионов. В целом *для регионов группы* по Итоговому индексу *просматривается выраженный повышательный тренд.* Но прирост этого показателя различался. Для удобства представления информации на *рисунке 14* показаны его значения для регионов с меньшими показателями прироста индекса (подгруппа 4А), а на *рисунке 15* – с более значительными (подгруппа 4Б).

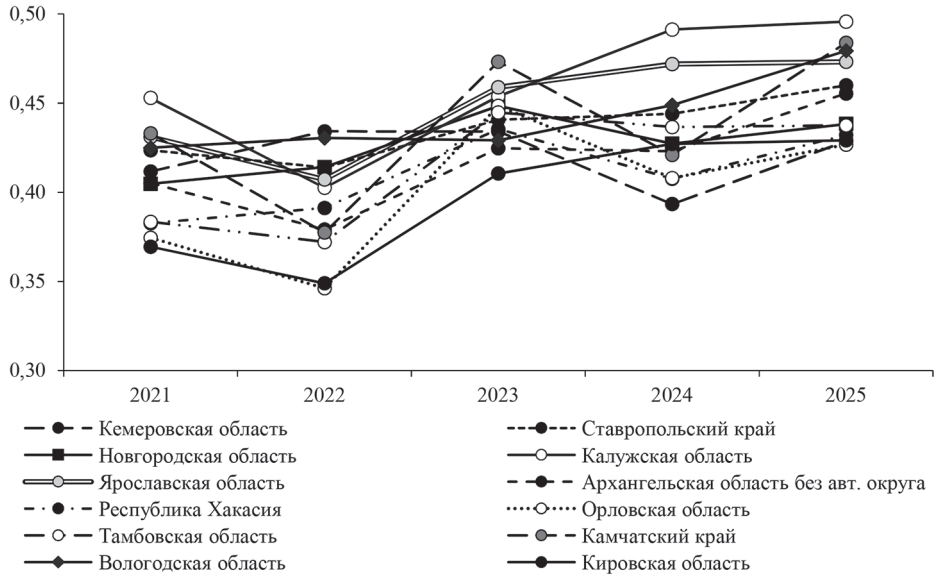

Рис. 14. Динамика Итогового индекса в 2021–2025 гг. регионов подгруппы 4А

Составлено по: [1–5].

Обращает на себя внимание более *выраженный повышательный тренд в подгруппе 4Б* – более существенные значения прироста Итогового индекса относительного базисного года. В значительной мере это связано с *эффектом низкой базы* 2021 г. Так, среднее значение этого показателя в 2021 г. составляло 0,3534, в то время как в подгруппе 4А –

0,4081. Соответственно, в подгруппе 4Б снижение рассматриваемого показателя в 2022 г. было в меньшем числе субъектов РФ (в 5) и менее выраженным, чем в подгруппе 4А (снижение Итогового индекса в 2022 г. затронуло 8 регионов).

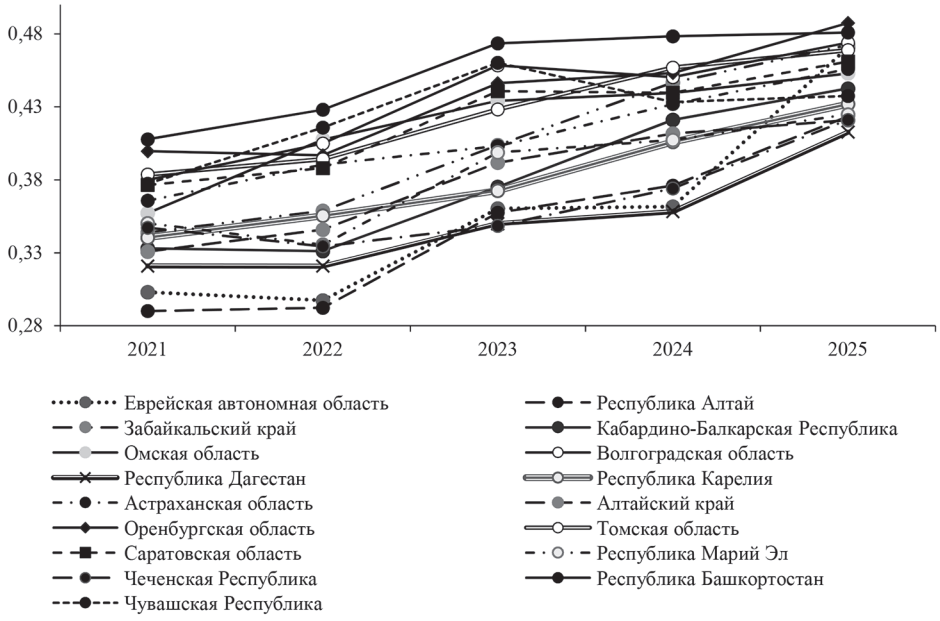

Рис. 15. Динамика Итогового индекса в 2021–2025 гг. регионов подгруппы 4Б

Составлено по: [1–5].

Особенность регионов группы – *отсутствие снижения Итогового индекса* в 2025 г. по сравнению предшествующим годом, что имело место во многих регионах из других групп, в том числе групп 2 и 3.

Одновременно в большинстве регионов группы 4 имело место снижение Индекса хозяйственного развития. В подгруппе 4А оно наблюдалось в 11 субъектах РФ из 12, а в подгруппе 4Б – в 9 из 17 (*табл. 10*). В 2 регионах наблюдалось и снижение Индекса социального развития (Камчатском крае и Чеченской Республике).

При этом общая динамика Итогового индекса относительно значений базового года для всех регионов была повышательной. Также обращает на себя внимание *снижение обеспеченности расходов собственными доходами только в 5 регионах* (Камчатском крае, Чеченской Республике, Республике Дагестан, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Алтай). Снижение имело место на фоне, как правило, низких исходных показателей бюджетной обеспеченности собственными доходами (22,8% – в Республике Дагестан, 11,6% – в Чеченской Республике).

Таблица 10

Изменения индексов (прирост) рейтинга в группе 4, 2025 г. относительно 2021 г.

Субъект РФ	Итоговый индекс 2025 относительно 2021	Итоговый индекс 2025 относительно 2024	Индекс социального развития	Индекс хозяйственного развития	Отношение собственных доходов к расходам
1	2	3	4	5	6
Подгруппа 4А					
Кемеровская область	0,017	0,035	0,043	-0,434	0,284
Новгородская область	0,034	0,011	0,079	-0,293	0,212
Ставропольский край	0,037	0,016	-0,018	-0,061	0,125
Ярославская область	0,042	0,001	0,021	-0,282	0,289
Калужская область	0,043	0,004	0,034	-0,228	0,267
Республика Хакасия	0,049	0,025	0,080	-0,201	0,162
Архангельская область	0,050	0,032	0,026	-0,150	0,203
Камчатский край	0,051	0,063	-0,016	0,196	-0,067
Орловская область	0,052	0,019	0,007	-0,114	0,163
Тамбовская область	0,054	0,001	0,073	-0,058	0,162
Вологодская область	0,054	0,031	0,076	-0,421	0,299
Кировская область	0,060	0,002	0,023	-0,124	0,199
Подгруппа 4Б					
Чувашская Республика	0,060	0,004	0,033	0,000	0,178
Республика Башкортостан	0,073	0,003	0,070	-0,084	0,214
Чеченская Республика	0,074	0,047	-0,014	0,458	-0,232
Республика Марий Эл	0,075	0,018	0,049	0,039	0,121
Саратовская область	0,085	0,021	0,065	-0,078	0,203
Томская область	0,085	0,012	0,105	-0,080	0,244
Оренбургская область	0,088	0,034	0,115	-0,191	0,232
Алтайский край	0,090	0,009	0,037	-0,041	0,233

Составлено по: [1–5].

Окончание табл. 10

1	2	3	4	5	6
Астраханская область	0,090	0,024	0,149	-0,199	0,287
Республика Карелия	0,091	0,026	0,087	-0,082	0,216
Республика Дагестан	0,092	0,054	0,011	0,369	-0,093
Волгоградская область	0,094	0,024	0,098	-0,089	0,249
Омская область	0,096	0,013	0,139	-0,112	0,249
Кабардино-Балкарская Республика	0,110	0,022	0,169	0,188	-0,032
Забайкальский край	0,129	0,026	0,040	0,069	0,198
Республика Алтай	0,133	0,047	0,073	0,241	-0,019
Еврейская автономная область	0,168	0,109	0,083	0,330	0,074

Группа 5 включает 21 регион, у которых значение Итогового индекса в 2025 г. находилось в интервале 0,4–0,5, но *сформировавшийся в целом повышательный тренд носил неустойчивый характер* (снижение этого показателя в 2025 г. относительно 2024 г.).

Повышательный тренд в динамике Итогового индекса в целом просматривается с незначительными отклонениями до 2024 г. В 2025 г. во всех субъектах группы наблюдается снижение этого показателя. Однако его значение все еще остается существенно выше значения базового (2021) года.

Для большей наглядности представления данных регионы группы были распределены на подгруппы 5А и 5Б. В подгруппу 5А включены субъекты РФ с относительно незначительным превышением Итогового индекса базового года, а в подгруппу 5Б – с более значительным превышением (*рис. 16* и *17*).

Далеко не во всех регионах группы имело место снижение Итогового индекса в 2022 г. (в 7 по подгруппе 5А и в 6 по подгруппе 5Б). Для регионов группы 5 *просматривается вероятность формирования понижательного тренда* после незначительного снижения показателя в последнем году рассматриваемого временного интервала.

Для регионов группы, как и для других (в подавляющем большинстве случаев) *характерно повышение Индекса социального развития*. Ни в одном из субъектов РФ не наблюдалось его снижение по сравнению с базовым годом. Снижение Итогового индекса в группе 5 было связано преимущественно с понижательной динамикой Индекса хозяйственного развития (в 10 регионах) и Показателя бюджетной самообеспеченности собственными доходами (в 2 регионах). Наиболее значительное снижение Индекса хозяйственного развития имело место в Севастополе

и Костромской области), а снижение Показателя бюджетной самообеспеченности – в Смоленской и Челябинской областях (*табл. 11*). Необходимо отметить, что снижение Показателя обеспеченности расходов собственными доходами имело место в регионах с довольно высокими значениями данного показателя (более 45%).

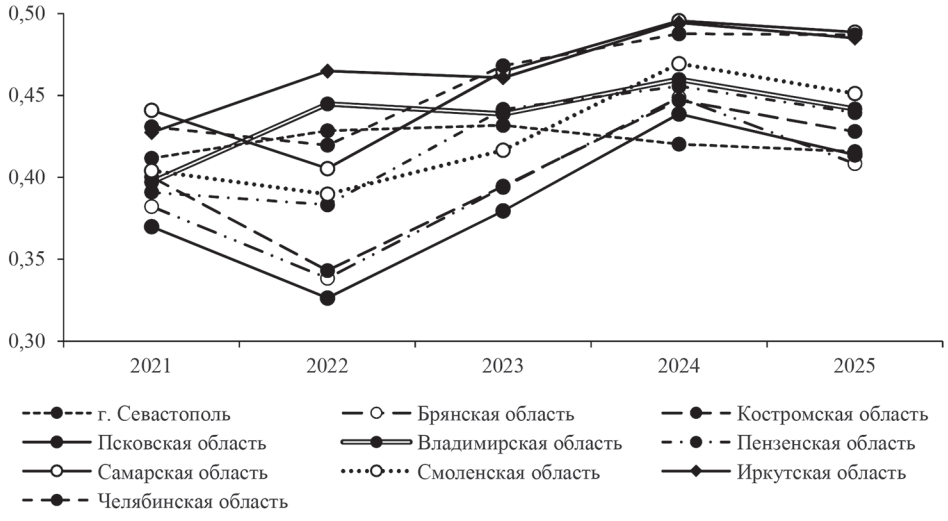

Рис. 16. Динамика Итогового индекса в 2021–2025 гг. регионов подгруппы 5А

Составлено по: [1–5].

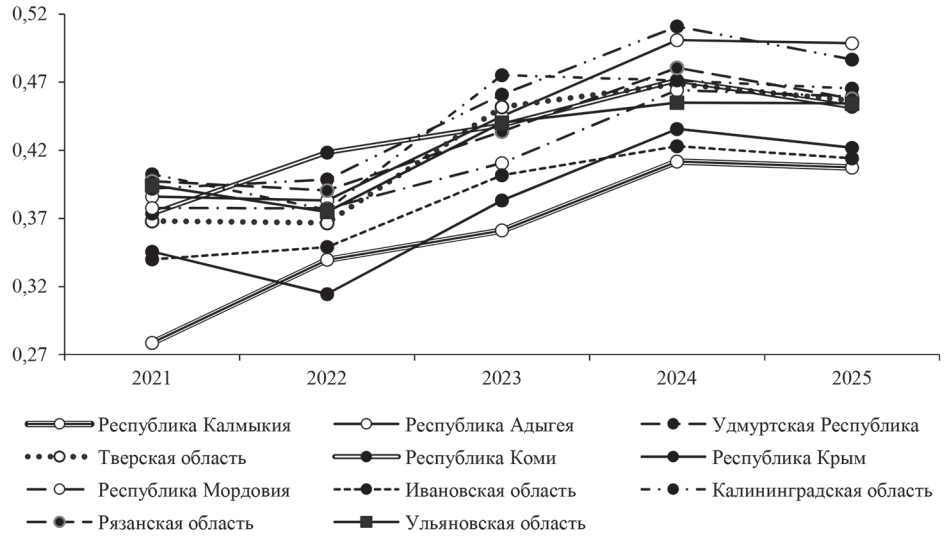

Рис. 17. Динамика Итогового индекса в 2021–2025 гг. регионов подгруппы 5Б

Составлено по: [1–5].

Таким образом, в целом повышательный тренд в динамике Итогового индекса для субъектов группы *в значительной мере был обеспечен повышением Индекса социального развития.* Это повышение отчасти компенсировало проблемы, связанные с динамикой хозяйственной активности и в некоторых случаях с бюджетными проблемами.

Таблица 11

Изменения индексов (прирост) рейтинга в группе 5, 2025 г. относительно 2021 г.

Субъект РФ	Итоговый индекс 2025 относительно 2021	Итоговый индекс 2025 относительно 2024	Индекс социального развития	Индекс хозяйственного развития	Отношение собственных доходов к расходам
Подгруппа 5А					
Севастополь	0,004	-0,005	0,004	-0,122	0,194
Брянская область	0,026	-0,040	0,023	-0,049	0,147
Костромская область	0,028	-0,019	0,077	-0,099	0,094
Псковская область	0,044	-0,025	0,068	-0,043	0,112
Владимирская область	0,045	-0,018	0,088	-0,019	0,031
Смоленская область	0,047	-0,018	0,103	0,005	-0,030
Самарская область	0,048	-0,007	0,065	0,022	0,042
Пензенская область	0,049	-0,016	0,058	0,005	0,091
Челябинская область	0,056	-0,001	0,087	0,050	-0,012
Иркутская область	0,058	-0,010	0,100	-0,010	0,053
Подгруппа 5Б					
Ульяновская область	0,060	-0,001	0,055	-0,008	0,175
Рязанская область	0,061	-0,023	0,107	-0,001	0,036
Калининградская область	0,063	-0,006	0,047	-0,001	0,198
Ивановская область	0,074	-0,009	0,083	0,028	0,122
Республика Крым	0,076	-0,014	0,079	-0,008	0,197
Республика Коми	0,078	-0,019	0,076	0,119	0,025
Республика Мордовия	0,082	-0,005	0,091	0,056	0,097
Тверская область	0,088	-0,012	0,071	0,143	0,051
Удмуртская Республика	0,095	-0,024	0,117	0,036	0,127
Республика Адыгея	0,112	-0,002	0,146	0,038	0,140
Республика Калмыкия	0,129	-0,004	0,165	0,046	0,164

Составлено по: [1–5].

Группа 6 включает регионы (*рис. 18*), где по итогам 2025 г. значения Итогового индекса *не превысили 0,4* (на протяжении всего рассматриваемого периода)*; их всего 6.* Регионы группы в целом не выпадают из общего повышательного тренда по индексу. По итогам 2025 г. его значения у всех субъектов превысили значения базового года. Наиболее существенный прирост Итогового индекса имел место в Курганской области (*табл. 12*). Его снижение в 2025 г. относительно предшествующего года имело место только в Республике Тыва. Ситуация 2022 г. в регионах группы также в целом укладывается в картину большинства субъектов РФ – имеет место снижение Итогового индекса по сравнению с базовым годом. Исключение составляет Республика Тыва, где именно в этом году фиксируется наиболее высокое для региона значение индекса.

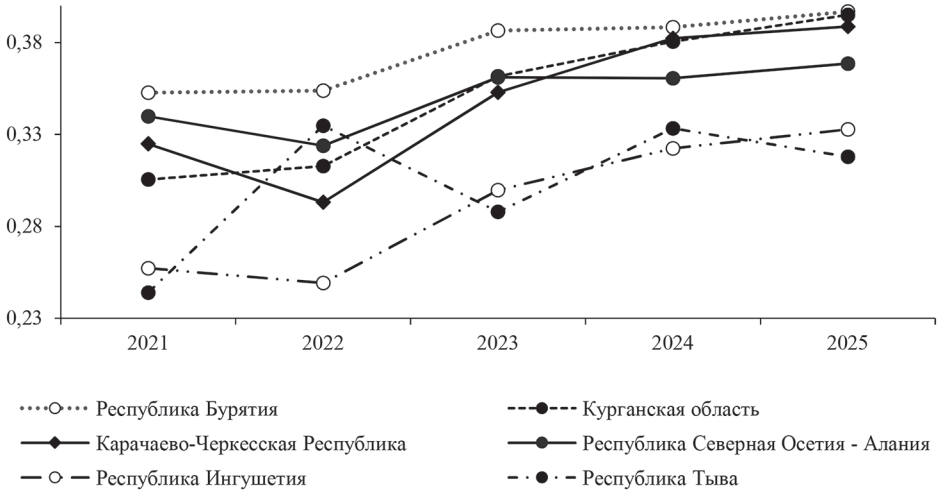

Рис. 18. Динамика Итогового индекса в 2021–2025 гг. регионов группы 6

Составлено по: [1–5].

Повышение Итогового индекса у регионов *в значительной мере определяется повышением Индекса социального развития*, рост которого наблюдается у всех субъектов группы. В то же время для 5 из 6 регионов имело место снижение Индекса хозяйственного развития. Исключение составляет Республика Ингушетия, где его значение увеличилось. Обращает на себя внимание рост показателя отношения собственных доходов к расходам для всех регионов группы. Наиболее значительный прирост этого показателя наблюдался для Курганской области, где доля расходов, покрываемых собственными доходами, оказалась довольно высока (48,4% по итогам 2025 г.).

Отметим еще одно обстоятельство. В целом по совокупности регионов, имеющих низкие значения Итогового индекса, наблюдались более высокие темпы роста рассматриваемого показателя, чем у регионов с высокими показателями. Так, минимальное значение Итогового индекса

увеличилось с 0,244 в 2021 г. до 0,318 в 2025 г., т.е. более, чем на 30%. В то же время максимальное значение индекса возросло с 0,642 в 2021 г. до 0,705 в 2025 г. (менее чем на 10%). Можно было бы ожидать сокращения размаха вариации и снижения разрыва между минимальным и максимальным значением. Однако ситуация не столь однозначна. После некоторого сокращения размаха вариации показателя с более чем 0,398–0,399 в 2021–2022 гг. до 0,377–0,375 в 2023–2024 гг. в 2025 г. этот показатель снова увеличился (до 0,387). Таким образом, на фоне общего повышательного тренда в динамике Итогового индекса для подавляющего большинства субъектов РФ *устойчивого снижения этого показателя не наблюдается.*

Таблица 12

Изменения индексов (прирост) рейтинга в группе 6, 2025 г. относительно 2021 г.

Субъект РФ	Итоговый индекс 2025 относительно 2021	Итоговый индекс 2025 относительно 2024	Индекс социального развития	Индекс хозяйственного развития	Отношение собственных доходов к расходам
Республика Бурятия	0,044	0,008	0,095	-0,077	0,098
Курганская область	0,090	0,015	0,124	-0,002	0,141
Карачаево-Черкесская Республика	0,064	0,006	0,100	-0,038	0,127
Республика Северная Осетия – Алания	0,029	0,008	0,067	-0,103	0,132
Республика Ингушетия	0,076	0,010	0,055	0,078	0,124
Республика Тыва	0,074	-0,015	0,138	-0,043	0,087

Составлено по: [1–5].

Подводя итоги сказанному, отметим, что, во-первых, в целом позитивный тренд в динамике Итогового индекса имел место для подавляющего большинства субъектов РФ. Исключение составляют лишь 4 региона, 2 из которых существенно пострадали (и все еще испытывают более чем серьезные проблемы) в ходе СВО (Курская и Белгородская области).

Во-вторых, ситуация 2025 г. для 38 субъектов РФ характеризуется снижением Итогового индекса (при сохранении превышения по сравнению с базовым годом).

В-третьих, в значительной мере общий повышательный тренд по Итоговому индексу определяется повышением Индекса социального развития, позволившего компенсировать снижение Индекса хозяйственного развития (для 59 субъектов РФ), а также Показателя бюджетной

самообеспеченности (обеспеченности расходов собственными доходами).

В-четвертых, на фоне повышения Итогового индекса подавляющего большинства регионов, существенного *сокращения размаха вариации данного показателя не происходит, а незначительное его снижение носит неустойчивый характер.*

Заключение

Выше мы достаточно подробно описали пространственную картину изменения Индексов социального и хозяйственного развития, Показателя бюджетной самообеспеченности субъектов РФ, а также то, как в российских регионах в 2021–2025 гг. менялся Итоговый индекс социально-экономического развития. Не дублируя сказанное ранее, кратко обобщим результаты анализа.

За рассматриваемый период субъекты РФ в целом продемонстрировали относительную устойчивость экономик, но в 2025 г. произошел спад хозяйственной активности, повысивший уровень неопределенности в их развитии. Этот негативный тренд обусловили не только внешние, но и внутренние факторы. Политика высоких процентных ставок, приводящая к росту ставок финансового рынка, рост налоговой нагрузки на бизнес (в том числе нагрузки на малое и среднее предпринимательство), сжатие бюджетного импульса и ограничение объемов поддержки критически значимых видов деятельности привели в совокупности в большинстве регионов к снижению темпов экономического роста, что нашло отражение в динамике Индекса хозяйственного развития и Показателя бюджетной самообеспеченности субъектов РФ.

На этом фоне диссонансом выглядит повышение Индекса социального развития, позволившего компенсировать снижение Индекса хозяйственного развития и в некоторых случаях Показателя бюджетной самообеспеченности, что инициировало общий повышательный тренд по Итоговому индексу. Так, практически все субъекты РФ отреагировали снижением значения Индекса социального развития на кризис 2022 г., связанный с тотальными экономическими санкциями. Вместе с тем уже в 2023 г. зафиксировано существенное улучшение ситуации, которое продолжилось и в дальнейшем, хотя положительная динамика была неустойчивой и замедлилась.

Однако ничего необычного в произошедшем нет, поскольку данный тренд *был вызван распределительно-перераспределительной политикой федерального Центра*, которая за счет различного рода трансфертов фактически обеспечивала поддержку социальной сферы в субъектах РФ. В рамках рассмотренного временного интервала виден все больший отрыв состояния и динамики социальной сферы от состояния экономики региона. С одной стороны, это позволяет гарантировать необходимый (иногда минимально необходимый) уровень социальных услуг независимо от отраслевой структуры экономики и хозяйственной динамики, но с другой – способно провоцировать иждивенческие настроения руководства субъектов РФ и неэффективное использование имеющихся ресурсов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Распределение регионов по индексам и группам, Итоговый индекс в 2025 г.

Субъект РФ	Группа регионов по Индексу			Итоговый индекс		
	социального развития	хозяйственного развития	бюджетной самообеспеченности	Группа	Значение индекса	Ранг
1	2	3	4	5	6	7
Белгородская область	II-м	II-м	I-м	1	0,47233	41
Брянская область	II-м	II-м	II	5	0,40835	77
Владимирская область	II-м	III-м	I-м	5	0,44180	57
Воронежская область	II	II-м	I-м	3	0,50871	24
Ивановская область	II-м	III	II	5	0,41417	74
Калужская область	II-м	II-м	I-м	4	0,49572	29
Костромская область	II-м	II-м	II	5	0,42798	66
Курская область	II-м	II-м	I-м	1	0,38963	81
Липецкая область	II	II-м	I-м	1	0,50020	27
Московская область	I	II	I-м	2	0,60518	6
Орловская область	II-м	III	I-м	4	0,42665	67
Рязанская область	II-м	II-м	I-м	5	0,45793	48
Смоленская область	II-м	II-м	I-м	5	0,45115	55
Тамбовская область	II-м	II-м	II	4	0,43741	61
Тверская область	II-м	II-м	I-м	5	0,45645	49
Тульская область	II-м	II-м	I-м	3	0,50947	23
Ярославская область	II-м	II-м	I-м	4	0,47312	39
г. Москва	I	I	I	2	0,70521	1
Республика Карелия	II-м	II-м	II	4	0,43190	63
Республика Коми	II-м	II-м	I	5	0,45203	54
Ненецкий автономный округ	I-м	I-м	I	2	0,54156	14
Архангельская область	II-м	II-м	II	4	0,45540	51
Вологодская область	II-м	II-м	I-м	4	0,47931	37
Калининградская область	II-м	II-м	Б/г	5	0,46540	44
Ленинградская область	I-м	I	I	2	0,61873	4
Мурманская область	II-м	I-м	I-м	1	0,50419	26

Продолжение приложения

1	2	3	4	5	6	7
Новгородская область	II-м	III	I-м	4	0,43833	59
Псковская область	II-м	II-м	II	5	0,41373	75
Санкт-Петербург	I-м	III-м	I	2	0,60494	7
Республика Адыгея	Б/г	II	III-м	5	0,49850	28
Республика Калмыкия	II-м	II-м	III-м	5	0,40744	78
Республика Крым	II-м	II-м	III-м	5	0,42188	70
Краснодарский край	I-м	II-м	I-м	2	0,54616	12
Астраханская область	II-м	III	I-м	4	0,45598	50
Волгоградская область	II-м	II-м	I-м	4	0,47406	38
Ростовская область	II	II	I-м	3	0,51488	19
Севастополь	II	III-м	II-м	5	0,41578	73
Республика Дагестан	II-м	III-м	III	4	0,41271	76
Республика Ингушетия	III	II-м	III	6	0,33278	84
Кабардино-Балкарская Республика	III-м	II-м	III	4	0,44260	56
Карачаево-Черкесская Республика	II-м	II-м	III	6	0,38877	82
Республика Северная Осетия – Алания	II-м	III	III-м	6	0,36862	83
Чеченская Республика	II-м	III-м	III	4	0,42117	71
Ставропольский край	II-м	II	II	4	0,45997	46
Республика Башкортостан	II-м	II-м	II	4	0,48098	36
Республика Марий Эл	III	II-м	II	4	0,42489	68
Республика Мордовия		II-м	II	5	0,45945	47
Республика Татарстан	I-м	I-м	I	2	0,57283	10
Удмуртская Республика	II-м	II-м	I-м	5	0,48674	33
Чувашская Республика	II-м	III-м	II	4	0,43752	60
Пермский край	II-м	II-м	I-м	3	0,50468	25
Кировская область	II-м	II-м	II	4	0,42908	64
Нижегородская область	II-м	I-м	I-м	3	0,52167	18
Оренбургская область	II-м	II-м	I-м	4	0,48747	31
Пензенская область	II-м	II-м	II	5	0,43962	58
Самарская область	II-м	II-м	I-м	5	0,48875	30
Саратовская область	II-м	II-м	II	4	0,46104	45
Ульяновская область	II-м	II-м	I-м	5	0,45448	52
Курганская область	III	III	III-м	6	0,39508	80
Свердловская область	III-м	II-м	III-м	3	0,52375	17

Окончание приложения

1	2	3	4	5	6	7
Тюменская область	I-м	II-м	I-м	3	0,57870	9
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	I	I-м	I	2	0,61516	5
Ямало-Ненецкий автономный округ	I	I	I	2	0,65365	2
Челябинская область	II-м	II-м	Iм	5	0,48708	32
Республика Алтай	II-м	II-м	III	4	0,42348	69
Республика Тыва	II-м	III-м	III	6	0,31794	85
Республика Хакасия	II-м	II-м	II	4	0,43201	62
Алтайский край	III	III	II	4	0,42090	72
Красноярский край	II-м	II-м	I	3	0,50959	22
Иркутская область	II-м	I-м	I	5	0,48499	34
Кемеровская область	III	II-м	I-м	4	0,42854	65
Новосибирская область	II-м	II-м	I-м	3	0,51131	20
Омская область	II-м	II-м	II	4	0,45294	53
Томская область		II-м	I-м	4	0,46888	43
Республика Бурятия	II-м	II-м	III-м	6	0,39679	79
Республика Саха (Якутия)	I-м	I	I-м	3	0,54207	13
Забайкальский край	II-м	II-м	II	4	0,47241	40
Камчатский край	III-м	I-м	III-м		0,48386	35
Приморский край	II-м	II	I-м	3	0,51046	21
Хабаровский край	III-м	I-м	I-м	3	0,53011	16
Амурская область	II-м	II-м	I-м	3	0,53689	15
Магаданская область	I-м	I	I-м	2	0,59543	8
Сахалинская область	I-м	I	I		0,63988	3
Еврейская автономная область	II-м	БГ	III-м	4	0,47073	42
Чукотский автономный округ	I-м	I	III-м	3	0,55848	11

Список литературы

1. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2045 г (по среднему варианту демографического прогноза) // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285

2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016-2025 гг. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

3. Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259

4. Доходы бюджета // Единый портал бюджетной системы РФ (Электронный бюджет). URL: https://budget.gov.ru/бюджет/доходы?message=eyJJTkRNT0JGQl9wYXJhbVBlcmlvZCI6eyJuYW1lIjoiSU5ETU9CRkJfcGFyYW1QZXJpb2QiLCJ2YWx1ZSI6IjIwMjYtMDYtMjZUMDA6MDA6MDAuMDAwWiIsInR5cGUiOiJEQVRFIn0sInZpZXdDb2RlIjp7Im5hbWUiOiJ2aWV3Q29kZSIsInZhbHVlIjoiRGF5RmVkVmlldyJ9fQ==

5. Расходы бюджета // Единый портал бюджетной системы РФ (Электронный бюджет). URL: https://budget.gov.ru/бюджет/расходы?message=eyJJTkRNT0JGQl9wYXJhbVBlcmlvZCI6eyJuYW1lIjoiSU5ETU9CRkJfcGFyYW1QZXJpb2QiLCJ2YWx1ZSI6IjIwMjYtMDYtMjZUMDA6MDA6MDAuMDAwWiIsInR5cGUiOiJEQVRFIn0sInZpZXdDb2RlIjp7Im5hbWUiOiJ2aWV3Q29kZSIsInZhbHVlIjoiRVBCU18wMDNfMDQ2X3JlcG9ydCJ9fQ==

References

1. Predpolozhitel'naya chislennost' naseleniya Rossiiskoi Federacii do 2045 g (po srednemu variantu demograficheskogo prognoza) [Estimated Population of the Russian Federation until 2045 (Medium Variant of the Demographic Forecast)], *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285

2. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2016-2025 gg. [Regions of Russia. Socioeconomic Indicators. 2016-2025], *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

3. Informaciya dlya vedeniya monitoringa social'no-ekonomicheskogo polozheniya sub''ektov Rossiiskoi Federacii [Information for Monitoring the Socioeconomic Situation of Subjects of the Russian Federation], *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259

4. Dohody byudzheta [Budget Revenues], *Edinyi portal byudzhetnoi sistemy RF* (Elektronnyi byudzhet) [Unified Portal of the Budget System of the Russian Federation (Electronic Budget)]. (In Russ.). Available at: https://budget.gov.ru/бюджет/доходы?message=eyJJTkRNT0JGQl9wYXJhbVBlcmlvZCI6eyJuYW1lIjoiSU5ETU9CRkJfcGFyYW1QZXJpb2QiLCJ2YWx1ZSI6IjIwMjYtMDYtMjZUMDA6MDA6MDAuMDAwWiIsInR5cGUiOiJEQVRFIn0sInZpZXdDb2RlIjp7Im5hbWUiOiJ2aWV3Q29kZSIsInZhbHVlIjoiRGF5RmVkVmlldyJ9fQ==

5. Raskhody byudzheta [Budget Expenditures], *Edinyi portal byudzhetnoi sistemy RF* (Elektronnyi byudzhet) [Unified Portal of the Budget System of the Russian Federation (Electronic Budget)]. (In Russ.). Available at: https://budget.gov.ru/бюджет/расходы?message=eyJJTkRNT0JGQl9wYXJhbVBlcmlvZCI6eyJuYW1lIjoiSU5ETU9CRkJfcGFyYW1QZXJpb2QiLCJ2YWx1ZSI6IjIwMjYtMDYtMjZUMDA6MDA6MDAuMDAwWiIsInR5cGUiOiJEQVRFIn0sInZpZXdDb2RlIjp7Im5hbWUiOiJ2aWV3Q29kZSIsInZhbHVlIjoiRVBCU18wMDNfMDQ2X3JlcG9ydCJ9fQ==

ECONOMIES OF RUSSIAN REGIONS IN 2025

A reliable assessment of the socio-economic processes taking place in Russia is impossible without taking into account the regional characteristics of their course. The spatial picture of these processes is much more complicated than the sectoral one: the economy of the constituent entities of the Russian Federation is not an arithmetic sum of enterprises and social facilities. This is a polysyllabic organism, the characteristics of which impose special requirements on the methodology for determining problems and directions of its development. Special requirements are also imposed on the organization of management of processes occurring within the boundaries of the regions. The economic space of a constituent entity of the Russian Federation includes several decision-making niches (federal, regional, municipal, sectoral). This makes the functions of the regional management system in many ways similar to the federal, that is, state. This level determines the requirements for information support of decisions. For this reason, the methods of static analysis and forecasting of the development of regional economies are qualitatively different from the methods used at the sectoral level. In the presented article, as in the previous publications of the authors, the relationship of the three basic components of the economic space of the Russian regions is investigated: the quality of the social environment, economic and investment activities, sources of financing for the development of the social sphere. Based on the constructed indices of social development, economic activity and the indicator of budgetary self-sufficiency, a Final index was built reflecting the general state of the economy of each region in the period 2021–2025. The analysis of the data obtained indicates that there is a generally upward trend in the dynamics of regional economies and a high probability of breaking this trend after 2025.

Keywords: region, regional economy, development trends, indices.

JEL: H11, O20, R10, R11, R22

Дата поступления – 02.06.2026 *Принята к печати* – 24.06.2026

ВАЛЕНТЕЙ Сергей Дмитриевич
доктор экономических наук, профессор, главный редактор журнала, руководитель Научно-исследовательского объединения;
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 109992.
e-mail: Valentey.SD@rea.ru

БАХТИЗИН Альберт Рауфович
член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Центральный экономико-математический институт Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 47, г. Москва, 117418.
e-mail: albert.bakhtizin@gmail.com

БОРИСОВА Светлана Валерьевна
кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории Динамических моделей экономики и оптимизации;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Центральный экономико-математический институт Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 47, г. Москва, 117418.
e-mail: sv-borissova@yandex.ru

КОЛЬЧУГИНА Анастасия Владимировна
кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра федеративных отношений и регионального развития;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218.
e-mail: vostokza@mail.ru

ЛЫКОВА Людмила Никитична
доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218.
e-mail: Lykoval@inecon.ru

VALENTEY Sergey D.
Dr. Sc. (Econ.), Professor, Editor in Chief, Head of Research Association;
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Plekhanov Russian University of Economics" / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992.
e-mail: Valentey.SD@rea.ru

BAKHTIZIN Albert R.
Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head;
Federal State Budgetary Institute of Science Central Institute of Economics and Mathematics of the Russian Academy of Sciences / 47, Nakhimovsky Av., Moscow, 117418.
e-mail: albert.bakhtizin@gmail.com

BORISOVA Svetlana V.
Cand. Sc. (Physico-Mathematical), Leading Researcher of the Laboratory of Dynamic Models of Economics and Optimization;
Federal State Budgetary Institute of Science Central Institute of Economics and Mathematics of the Russian Academy of Sciences / 47, Nakhimovsky Av., Moscow, 117418.
e-mail: sv-borissova@yandex.ru

KOL'CHUGINA Anastasiya V.
Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher of the Center for Federal Relations and Regional Development;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.
e-mail: vostokza@mail.ru

LYKOVA Lyudmila N.
Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.
e-mail: Lykoval@inecon.ru

Для цитирования:
Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Борисова С.В., Кольчугина А.В., Лыкова Л.Н. Экономики российских регионов в 2025 г. // Федерализм. 2026. Т. 31. № 2 (122). С. 159–196. DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2026-2-159-196

DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2026-2-197-215

С.Е. ЖУРА, Р.В. ФИЛИППОВА, С.С. ТИТОВА, Е.В. СУДАРИКОВА

ОСОБЕННОСТИ И АНАЛИЗ ПЕРЕХОДА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) К ЭКОНОМИКЕ ЗАМКНУТОГО ЦИКЛА

Переход к экономике замкнутого цикла в ресурсодобывающих регионах представляет собой сложную задачу, связанную с необходимостью обеспечения экологической устойчивости, рационального использования ресурсов и снижения антропогенного воздействия при сохранении экономической активности. Особую актуальность данная проблема приобретает для северных территорий, где природно-климатические условия и пространственная удаленность усиливают требования к эффективности хозяйственных процессов и экологической безопасности. В статье исследуются особенности формирования элементов экономики замкнутого цикла в Республике Саха (Якутия). Проведена оценка текущего состояния циркулярной трансформации региона с учетом специфики его сырьевой специализации, экологических и инфраструктурных ограничений. Рассмотрены направления совершенствования системы обращения с отходами, развития вторичного использования ресурсов в строительстве, модернизации транспортно-логистической инфраструктуры и сервисной экономики. Особое внимание уделено вопросам декарбонизации, снижению углеродоемкости хозяйственной деятельности и повышению транспортной мобильности населения как важным компонентам устойчивого развития территории. Выявлены ключевые ограничения, препятствующие дальнейшему распространению принципов циркулярной экономики, и предложены подходы к их преодолению. Показано, что реализуемые в регионе инициативы формируют предпосылки для достижения долгосрочных экологических и социально-экономических целей, а накопленные практики могут быть использованы при разработке аналогичных решений в других субъектах Российской Федерации, функционирующих в условиях сложной климатической и транспортной доступности.

Ключевые слова: Республика Саха (Якутия), экономика замкнутого цикла, выбросы парниковых газов, декарбонизация экономики, обращение с отходами, углеродное регулирование.

JEL: R11

Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» предусмотрено формирование экономики замкнутого цикла, обеспечивающей к 2030 г. сортировку 100% объема ежегодно образуемых твердых коммунальных отходов, захоронение не более чем 50% таких отходов и вовлечение в хозяйственный оборот не менее чем 25% отходов производства и потребления в качестве вторичных ресурсов и сырья. Также поставлена задача по обеспечение значимого роста энергетической и ресурсной эффективности в промышленном и инфраструктурном строительстве; увеличению к 2030 г. в агломерациях и городах доли парка общественного транспорта, имеющего срок эксплуатации не старше нормативного, не менее чем до 85%; поэтапному снижению к 2036 г. в два раза выбросов опасных загрязняющих веществ, оказывающих наибольшее негативное воздействие на окружающую среду и здоровье человека, в городах с высоким и очень высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха и т.д.

Все субъекты Российской Федерации до конца 2025 г. должны разработать региональные программы по экономике замкнутого цикла [1; 2]. Программы должны отражать конкретные пути достижения ключевых показателей национального проекта «Экономика замкнутого цикла» к 2030 г. Региональная программа должна представлять собой комплекс мероприятий, направленных на реализацию задачи по переходу к экономике замкнутого цикла и включать несколько обязательных разделов:

- комплексный анализ сферы обращения со вторичными ресурсами и анализ сферы материального производства для формирования планов по объемам производства продукции с использованием вторсырья;
- выявление существующих барьеров для вовлечения вторичных ресурсов и сырья (в частности, законодательные ограничения регионального уровня, логистические проблемы, отсутствие инфраструктуры, нехватка квалифицированных кадров);
- формирование плана мероприятий по устранению указанных барьеров и определение конкретных мероприятий и этапов по их реализации с указанием сроков, ответственных лиц и источников финансирования.

Кроме этого, цели и показатели региональных программ *должны быть синхронизированы с отраслевыми программами*, утвержденными правительством в 2022 г. для обеспечения соответствия региональных показателей общефедеральным целям.

Оценка выполнения региональных программ будет проводиться ежегодно. Ключевой критерий оценки – достижение целевых показателей по доле вторичных ресурсов в экономике региона. Дополнительные критерии – объем инвестиций в создание мощностей по переработке, количество созданных рабочих мест, снижение объема отходов, направляемых на полигоны.

Органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации предстоит провести значительную работу с федеральными органами исполнительной власти, местного самоуправления и представителями бизнеса для обеспечения работающей системы экономики замкнутого цикла на местах. В этой связи государственной задачей Республики Саха (Якутия), занимающей 11% от общероссийского объема образования промышленных отходов (946 млн т в 2024 г.), что связано с мощной добычей угля, природного газа, алмазов, нефти и золота, ставится сохранение уникальных экосистем для будущих поколений с учетом климатической повестки.

Отметим, что хотя экономика республики является *классически сырьевой*, рейтинг циркулярной трансформации показывает первые шаги по переходу к экономике замкнутого цикла (ЭЗЦ). На этом пути для обеспечения эффективной циркулярности экономики, по мнению авторов статьи, в первую очередь следует модернизировать пять направлений:

1) управление ресурсами и воздействие на экосистемы (сфера обращения с отходами);

2) промышленное и инфраструктурное строительство, инвестиции, вторичное использование материалов в строительстве;

3) развитие сервисной экономики и социально значимых услуг (общественный транспорт, зимники, северные завозы);

4) снижение углеродного следа и декарбонизация транспорта;

5) обеспечение транспортной мобильности населения.

Управление ресурсами и воздействие на экосистемы (сфера обращения с отходами), эколого-экономический анализ Республики Саха (Якутия)

Платформа ИНФРАГРИН разработала интегрированный рейтинг субъектов Российской Федерации по циркулярной трансформации 2025. Методология доклада ИНФРАГРИН «Ре^3» базируется на оценке трех ключевых измерений циркулярности:

- управления ресурсами через работу с отходами, водой и энергией, возвращением ресурсов в оборот или их утилизацию;
- воздействия на экосистемы посредством способности территории не только брать у природы, но и восстанавливать ее естественные циклы;
- сервисной экономики и здоровой среды через развитие таких моделей, как ремонт вместо покупки нового продукта, аренда вместо владения, общественный транспорт вместо личных автомобилей.

В рейтинге циркулярной трансформации регионов 2025 Республика Саха (Якутия) заняла 1-е место в Дальневосточном федеральном округе (ДФО)[1], демонстрируя хорошие показатели по переходу к ЭЗЦ.

[1] Кожемова М. Республика Саха (Якутия), Сахалинская и Магаданская области в рейтинге циркулярной трансформации ИНФРАГРИН 2025. URL: https://infragreen.ru/riespublika-sakha-iakutiia-sakhalinskaia-i-maghadanskaia-oblasti-v-rieitinghie-tsirkuliarnoi-transformatsii-infragrin-2025/

По блоку рейтинга «Управление ресурсами» Якутия занимает 2-е место в ДФО (55 баллов), но, несмотря на высокую позицию, регион сталкивается с серьезными структурными проблемами, характерными для ресурсодобывающих территорий. Прежде всего можно отметить масштаб образования отходов, что связано с формированием в Якутии колоссальных объемов отходов из-за добывающей промышленности. Как уже отмечалось, республика обеспечивает 11% от общероссийского объема образования промышленных отходов, что связано с добычей угля, алмазов, золота и нефти[1].

По блоку «Воздействие на экосистемы» республика занимает 1-е место в ДФО (50 баллов). Для данного региона это достаточно хороший показатель, что говорит о потенциале сбалансированной политики между интенсивной добывающей промышленностью и сохранением уникальных природных комплексов. В то же время быстрое развитие горнодобывающей промышленности создает возрастающую нагрузку на уязвимую природу Арктики и Севера и низкий уровень повторного использования и обезвреживания отходов является ключевой проблемой. Специфика региона, обусловленная вечной мерзлотой, суровым климатом, *делает восстановление экосистем крайне сложным и длительным процессом.*

В то же время блок «Сервисная экономика и здоровая среда» показывает, что республика занимает лишь 7-е место в ДФО, набрав 40 баллов, и требуется дальнейшее развитие, направленное на сферы ремонта, аренды, развития общественного транспорта и формирования комфортной городской среды.

Анализ выбросов и улавливания загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников Республики Саха (Якутия), по данным Росстата, представлен на *рисунке.*

Наблюдаемый в Республике Саха (Якутия) рост эмиссии загрязняющих веществ в атмосферный воздух на фоне снижения эффективности их улавливания может быть обусловлен *комплексом детерминирующих факторов.*

Во-первых, это увеличение количества стационарных источников эмиссии, что подтверждается Докладом об экологической ситуации в Республике Саха (Якутия) в 2024 г.[2], где отмечается, что по состоянию на 2024 г. на территории республики зафиксировано 24 961 источник загрязнения атмосферы, что на 3 346 единиц превышает показатель 2023 г. Данная динамика связана с экстенсивным развитием промышленного сектора, в частности интенсификацией добывающих отраслей

[1] Гурьева М. Регионы ДФО вошли в число лидеров России по количеству промышленных отходов. URL: https://prim.rbc.ru/prim/freenews/68a3bf849a79475b0efd6d87 (дата обращения: 15.04.2026).

[2] Доклад об экологической ситуации в Республике Саха (Якутия) в 2024 году. URL: https://minpriroda.sakha.gov.ru/api/containers/attachments/download/42181-filename (дата обращения: 29.04.2026).

(алмазодобывающей и нефтегазовой промышленности), а также прочих видов экономической деятельности, функционирование которых сопровождается значительным объемом стационарных выбросов[1].

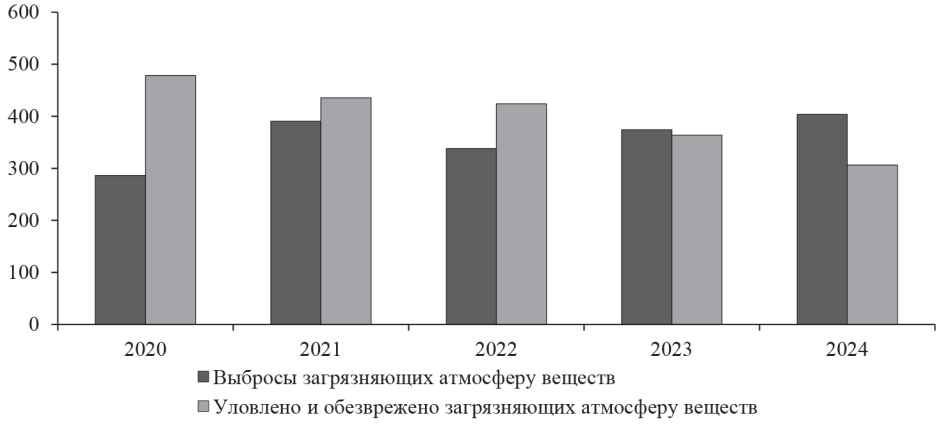

Рис. Выбросы и улавливание загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников Республики Саха (Якутия), тыс. т

Составлено на основе данных Росстата[2].

Во-вторых, это снижение степени улавливания и нейтрализации загрязнителей. В 2024 г. объем уловленных и обезвреженных загрязняющих веществ составил 306,36 тыс. т, что эквивалентно 76% от суммарного количества отходящих вредных веществ. Для сравнения: в 2023 г. аналогичный показатель достигал лишь 49,2%. Снижение эффективности газоочистного оборудования может объясняться физическим и моральным износом основных фондов, дефицитом финансирования природоохранной инфраструктуры, а также применением технологий очистки, не обеспечивающих должного уровня экстракции поллютантов.

В-третьих, это отраслевая специфика хозяйственной деятельности. Основной вклад в негативное антропогенное воздействие на окружающую среду вносят предприятия по добыче полезных ископаемых и организации, обеспечивающие производство и распределение электрической и тепловой энергии. В данных секторах зачастую эксплуатируются технологические решения, не предполагающие глубокой очистки выбросов.

В-четвертых, это климатические особенности региона. Расположение Республики Саха (Якутия) в зоне неблагоприятных климатических условий с пониженной рассеивающей способностью атмосферы создает предпосылки для аккумуляции примесей в приземном слое воздуха.

[1] Доклад об экологической ситуации в Республике Саха (Якутия) в 2024 году. URL: https://minpriroda.sakha.gov.ru/api/containers/attachments/download/42181-filename (дата обращения: 29.04.2026).

[2] Информационно-аналитические материалы «Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000–2024 гг.». URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13279

Указанный эффект проявляется даже при относительно невысоких абсолютных объемах эмиссии.

В-пятых, это экономические детерминанты. Высокая капиталоемкость мероприятий по модернизации очистных сооружений в сочетании с недостаточными экономическими стимулами для природоохранной деятельности формирует у ряда хозяйствующих субъектов низкую заинтересованность в снижении выбросов, что объективно лимитирует потенциал минимизации антропогенной нагрузки на атмосферу.

Анализ расходов на охрану окружающей среды по Республике Саха (Якутия) представлен в *таблице 1.*

Таблица 1

Расходы на охрану окружающей среды по Республике Саха (Якутия)

Расходы	2019	2020	2021	2022	2023	2024
В фактически действовавших ценах, млн руб.	19,266	16,843	18,55	24,56	32,535	30,572
В % к предыдущему году, в сопоставимых ценах	94,6	84,2	97,1	119,6	120,8	83,7

Составлено на основе данных Росстата[1].

В период с 2019 по 2024 г. в республике наблюдается *нестабильность объемов финансирования* мероприятий в области охраны окружающей среды. Данная динамика обусловлена совокупностью следующих факторов.

Произошли изменения в государственной экологической политике и целевых программах региона. В 2018 г. 27 сентября был принят Указ Главы Республики Саха (Якутия) от № 2 «Об экологическом благополучии Республики Саха (Якутия) до 2030 года». Документ зафиксировал стратегические цели и задачи в сфере обеспечения экологического благополучия, включая снижение антропогенной и техногенной нагрузки на окружающую среду, повышение экологической безопасности и формирование экологически безопасной среды обитания.

Осуществлялось реформирование системы управления отходами. Начиная с 2019 г. в республике внедрена новая система обращения с твердыми коммунальными отходами, в рамках которой начал функционировать институт региональных операторов. Территориальное разграничение зон деятельности указанных операторов могло оказывать влияние на распределение финансовых и материально-технических ресурсов, а также на величину затрат при реализации природоохранных проектов в различных муниципальных образованиях.

Большое влияние на природоохранные мероприятия оказали и экономические детерминанты. Изменения показателей социально-

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 19.04.2026).

экономического развития региона и бюджетно-налоговой политики, дефицит бюджета выступают значимыми факторами, определяющими объемы расходов на природоохранную деятельность. Их динамика могла также находится в зависимости от этапов выполнения отдельных целевых проектов, в частности, связанных с ликвидацией объектов накопленного вреда окружающей среде, а также с внедрением наилучших доступных технологий, требующих значительных единовременных капитальных вложений.

Промышленное и инфраструктурное строительство, инвестиции, вторичное использование материалов в строительстве

Анализ показывает, что в Республике Саха (Якутия) на фоне масштабного промышленного и инфраструктурного строительства начинают формироваться *первые практики вторичного использования материалов*. Данный процесс проходит на фоне больших объемов строительства и больших логистических издержек, что создает уникальную экономическую мотивацию для развития циркулярных подходов.

Строительный комплекс Якутии демонстрирует высокую динамику. По итогам 2025 г. фактический ввод жилья составил 1 млн 12 тыс. м^2, что на 17% превысило плановые показатели[1]. Требуется большой объем ресурсов, что делает тему их вторичного использования особенно актуальной [3–5].

Выделим наиболее значимые инфраструктурные проекты, формирующие инвестиционный ландшафт региона (*табл. 2*).

Помимо этого, в портфеле региона находится большое количество других инвестиционных проектов, включая реконструкцию аэропортов, строительство газовых сетей и социальных объектов (школ, детских садов)[2].

С 1 марта 2023 г. в России вступили в силу поправки в закон «Об отходах производства и потребления», которые вводят понятие «вторичные ресурсы». Отходы, включенные в этот перечень, не подлежат захоронению, они должны утилизироваться в обязательном порядке, что создает правовую основу для развития отрасли переработки в строительстве.

Следует отметить, что положительный опыт республики по вторичному использованию стройматериалов находится на начальном этапе. Ключевым драйвером здесь выступают экономические ограничения, связанные с высокой стоимостью завоза традиционных материалов в условиях арктического и субарктического климата, *что делает переработку местных отходов все более привлекательной*. В частности, Якутская экологическая компания во взаимодействии с региональным оператором

[1] Сергеева Е. В Якутии впервые ввели более 1 млн м^2 недвижимости. URL: https://yakutiamedia.ru/news/2438642/ (дата обращения: 14.04.2026).
[2] Инвестиционные проекты. URL: https://investyakutia.ru/investment-projects/ (дата обращения: 25.04.2026).

Центральной зоны ООО «Якутскэкосети» запустила переработку нового вида вторсырья, и из регионального бюджета на оборудование им выделено 23 млн руб. В линейке производства выделено несколько видов продукции – тротуарные плитки разных размеров и форм, бордюры и скамейки, – где переработанный пластик применяется как связующий компонент в производстве[1].

Таблица 2

Инфраструктурные проекты Республики Саха (Якутия)

Проект	Инвестиции	Характеристика и текущий статус
Ленский мост	4,7 млрд руб. (казначейский кредит)	Является ключевым объектом нацпроекта «Инфраструктура для жизни». По информации на март 2026 г. высота центрального пилона моста достигнет 285 м, а общая протяженность мостового перехода с подходами превысит 14 км
Микрорайон «Спортивный»	5,3 млрд руб. (казначейский кредит)	Средства направлены на строительство инженерной инфраструктуры (энерго-, водо-, теплоснабжение) для возведения 46 многоквартирных домов
Производство инертных материалов	350 млн руб. (частные инвестиции)	Создание производства щебня, отсева и асфальта в ТОР «Якутия» (переработка 150 тыс. т сырья в год). Резидент получит налоговые льготы
Переработка пенопласта	52 млн руб.	Запуск линии по переработке пенопласта во вторичные полистирольные блоки (50 м^3 в смену)

Составлено на основе анализа данных[2].

Важнейшей точкой роста является развитие инфраструктуры обработки твердых коммунальных отходов (ТКО). Планируется строительство станций комплексной обработки ТКО практически во всех районных центрах. Завершено строительство полигона размещения ТКО в Якутске с проектной годовой мощностью 132 тыс. т[3].

---

[1] Экологическая компания запустила переработку стекла в Якутске. URL: https://exo-ykt.ru/articles/ekologicheskaya-kompaniya-zapustila-pererabotku-stekla-v-yakutske (дата обращения: 25.04.2026).

[2] Отчет Правительства Республики Саха (Якутия) за 2025 год. URL: https://www.sakha.gov.ru/otchet_pravitelstva2025; Около 5 млрд руб. на Ленский мост выделят Якутии. URL: https://www.eastrussia.ru/news/okolo-5-mlrd-rubley-na-lenskiy-most-vydelyat-yakutii/ (дата обращения: 14.04.2026); Карпов Е. Как 17 квартал превратится в Спортивный. URL: https://vecherniy.com/news/kak_17_kvartal_prevratitsja_v_sportivnyj/2025-11-08-2481 (дата обращения: 15.04.2026); ВЭФ-2024: производство инертных материалов для дорожного строительства запустят в Якутии. URL: https://ysia.ru/vef-2024-proizvodstvo-inertnyh-materialov-dlya-dorozhnogo-stroitelstva-zapustyat-v-yakutii/ (дата обращения: 15.04.2026); Линию по вторичной переработке пенопласта запустил резидент территории опережающего развития «Якутия». URL: https://minvr.gov.ru/presscenter/news/liniyu-po-vtorichnoy-pererabotke-penoplasta-zapustil-rezident-territorii-operezhayushchego-razvitiya-32085/ (дата обращения: 15.04.2026).

[3] В Якутске построили крупнейший мусорный полигон на вечной мерзлоте. URL: https://национальныепроекты.рф/news/v-yakutske-postroili-krupneyshiy-musornyy-poligon-na-vechnoy-merzlote-/ (дата обращения: 26.04.2026).

Переход к модели замкнутого цикла в строительстве Якутии имеет как значительные перспективы, так и серьезные ограничения.

Перспективы перехода связаны:

- во-первых, с государственной поддержкой, поскольку правительство региона активно субсидирует перевозку стройматериалов в арктические районы, в частности, на 2025 г. на данное направление выделено 41 млн руб.[1] В будущем аналогичные меры могут быть распространены на вторичные материалы, делая их еще более конкурентоспособными;
- во-вторых, с масштабами строительства, что подтверждается планом на 2026 г. по вводу не менее 800 тыс. м^2 жилья[2] и созданием стабильного спроса на все виды строительных материалов, включая инновационные;
- в-третьих, с развитием инфраструктуры, связанным с планами по строительству станций сортировки отходов в рамках реформы обращения с ТКО и формированием сырьевой базы для производителей вторичных материалов.

В свою очередь вызовы переходу к модели замкнутого цикла республики обусловлены:

- логистикой вторсырья: здесь главная проблема в дороговизне вывоза накопленного вторсырья (например, картона, пластика) за пределы республики для глубокой переработки;
- недостатком мощностей: существующее производство (например, плитки из вторсырья) пока не может конкурировать по объемам с традиционной промышленностью стройматериалов;
- технологической зависимостью: производство сложных конструкционных материалов из вторсырья, пригодных для капитального строительства и благоустройства территорий, требует дальнейших технологических решений и инвестиций.

Развитие сервисной экономики и социально значимых услуг в условиях перехода к экономике замкнутого цикла (общественный транспорт, зимники, северные завозы)

Развитие сервисной экономики в Республике Саха (Якутия) приобретает ключевое значение в условиях формирования экономики замкнутого цикла, поскольку именно сервисный сектор обеспечивает устойчивость пространственно рассредоточенной системы жизнеобеспечения [6]. В регионе, характеризующемся крайне низкой плотностью населения (менее 0,3 чел./км^2) и высокой долей труднодоступных тер-

[1] Ручкина Т. В Якутии ввели компенсации за доставку стройматериалов в арктические районы. URL: https://dvizhenie.ru/media/2637/v-yakutii-budut-kompensirovat-zatraty-na-dostavku-strojmaterialov-v-arkticheskie-rajony (дата обращения: 16.04.2026).

[2] В Якутии планируют ввести не менее 800 тысяч квадратных метров жилья в 2026 г. URL: https://ysia.ru/v-yakutii-planiruyut-vvesti-ne-menee-800-tysyach-kvadratnyh-metrov-zhilya-v-2026-godu/ (дата обращения: 16.04.2026).

риторий, *сервисная экономика реализует* не вспомогательную, а *системообразующую функцию*, обеспечивая непрерывность материальных, логистических и социальных потоков.

Особое место занимает система северного завоза, обеспечивающая доставку жизненно важных ресурсов в арктические и северные районы. По данным Минтранса России, логистическая составляющая в структуре конечной стоимости товаров в отдельных северных муниципалитетах может достигать 40–60%, что формирует существенные ограничения для развития обратных материальных потоков и вовлечения вторичных ресурсов в хозяйственный оборот. В этих условиях цифровизация северного завоза, включая внедрение систем мониторинга поставок и оптимизации маршрутов, выступает важнейшим инструментом повышения ресурсной эффективности [7].

Значимую роль в обеспечении транспортной доступности играют зимники – сезонные автомобильные дороги, формирующие значительную часть грузопотоков в зимний период. По экспертным оценкам, в отдельных арктических районах до 50% годового грузооборота осуществляется именно через зимники. При этом их эксплуатация сопряжена с экологическими ограничениями, включая воздействие на тундровые экосистемы и высокую углеродную интенсивность транспортных операций. В контексте экономики замкнутого цикла актуализируется задача оптимизации сезонной логистики, снижения избыточных пробегов и внедрения низкоэмиссионных транспортных решений.

Общественный транспорт в условиях Республики Саха (Якутия) выполняет не только функцию мобильности населения, но и функцию социально-территориального выравнивания. В городских агломерациях, прежде всего в Якутске, реализуются программы модернизации автобусного парка, цифровизации маршрутов и повышения качества транспортного обслуживания. Вместе с тем в ряде муниципальных образований сохраняется проблема износа транспортных средств, где доля техники, соответствующей нормативному сроку эксплуатации, не достигает целевого ориентира 85%, установленного федеральными стратегическими документами [8].

Таким образом, сервисная экономика региона *формирует специфическую модель жизнеобеспечивающей логистики*, в которой транспорт, снабжение и социальные услуги выступают неотъемлемой частью ресурсного цикла территории, а не только сферой конечного потребления.

Снижение углеродного следа и декарбонизация транспорта в Республике Саха (Якутия)

Регион активно включился в реализацию государственной климатической политики в последние 10 лет [9; 10, с. 35]. В частности, в целях обеспечения благоприятной окружающей среды и экологической безопасности в марте 2024 г. главой республики был подписан Указ «Об экологическом благополучии Республики Саха (Якутия)», в рамках которого

поставлена задача определить углеродный баланс региона и разработать концепцию достижения углеродной нейтральности[1].

В апреле 2026 г. Экологический совет при главе Якутии поддержал проект Концепции углеродной нейтральности (низкоуглеродного развития) региона. Документ рассчитан до 2030 г. с горизонтом планирования до 2050 г. и определяет приоритетные направления обеспечения низкоуглеродного развития. Целевая установка – обеспечение к 2040 г. устойчивого роста поглощающей способности лесов и иных экосистем, а также снижение углеродоемкости региональной экономики.

Важно отметить, что Якутия вошла в число *шести пилотных регионов* России, где отрабатываются механизмы климатического эксперимента, наряду с Республиками Татарстан и Коми, Иркутской и Архангельской областями, а также Ставропольским краем. В декабре 2025 г. это решение было закреплено Госсоветом. Для обмена опытом регион подписал дорожную карту сотрудничества с Сахалинской областью, где климатический эксперимент уже успешно реализован.

Научное сопровождение концепции осуществляет Арктический научно-исследовательский центр совместно с Сибирским отделением РАН и ведущими вузами страны. С 2025 г. ведется работа по созданию ретроспективного и актуального углеродного баланса республики.

Климатическая повестка в Якутии имеет ярко выраженную социально-экономическую составляющую: снижение выбросов связано с экономией средств жителей и развитием транспортной инфраструктуры.

Основные направления декарбонизации транспорта региона должны быть связаны:

- с переводом автомобилей на газомоторное топливо (КПГ и СПГ);
- снижением транспортного налога на 50% для владельцев газовых, гибридных и электроавтомобилей;
- развитием сети газозаправочной и зарядной транспортной инфраструктуры.

Экономический эффект от использования газа очевиден. Природный газ в два раза дешевле бензина или дизеля. Помимо экономии, снижаются выбросы токсичных веществ в окружающую среду.

Переход на экологичные виды транспорта – это часть общей стратегии низкоуглеродного развития, закрепленной в Стратегии социально-экономического развития Якутии до 2036 г.

К 2040 г. в республике прогнозируется снижение углеродоемкости генерации за счет внедрения гидроэнергетики, возобновляемых источников энергии, газификации, а также развития новых видов транспорта, «сжатия пространства» (оптимизации транспортной логистики) и циркулярной экономики.

Важным аспектом является также повышение поглотительной способности лесов. На долю Якутии приходится 22,3% лесного фонда России

[1] О новой редакции Указа Главы Республики Саха (Якутия) от 27 сентября 2018 г. № 2 «Об экологическом благополучии Республики Саха (Якутия)». URL: https://docs.cntd.ru/document/407143214

и 19,8% покрытой лесами территории. Сокращение площади лесных пожаров через климатические проекты по охране лесов – прямой вклад в компенсацию выбросов от транспорта и энергетики.

Транспортная мобильность населения в условиях циркулярной трансформации региональной экономики

Транспортная мобильность населения Республики Саха (Якутия) характеризуется высокой степенью пространственной фрагментации и сезонной детерминированности. В условиях экстремально низкой плотности населения и значительной протяженности территории формируется многоуровневая транспортная система, включающая авиационный, автомобильный, речной и зимний виды транспорта, каждый из которых выполняет специализированные функции в обеспечении связности региона.

С позиции экономики замкнутого цикла транспортная мобильность рассматривается как элемент ресурсной эффективности, поскольку структура перевозок напрямую влияет на уровень потребления топлива, выбросов загрязняющих веществ и интенсивность использования инфраструктуры. По данным Минтранса Российской Федерации, стоимость транспортировки грузов и пассажиров в северных районах Якутии превышает среднероссийский уровень в 3–5 раз, а в отдельных арктических зонах – до 7 раз в зимний период, что формирует объективные ограничения для развития устойчивых логистических контуров, включая обратные потоки вторичных ресурсов.

Одним из ключевых направлений повышения транспортной мобильности является развитие мультимодальных перевозок, предполагающих интеграцию авиационного, речного и автомобильного транспорта в единую систему планирования. Такая интеграция позволяет снижать транзакционные и временные издержки, повышать коэффициент загрузки транспортных средств и обеспечивать более равномерное распределение потоков в течение года.

Дополнительным направлением выступает цифровизация транспортной системы, включая внедрение интеллектуальных платформ управления маршрутами, систем мониторинга движения транспорта и электронных сервисов планирования поездок. Это особенно значимо в условиях высокой сезонной изменчивости транспортной доступности, характерной для северных и арктических территорий региона.

Отдельного внимания требует вопрос экологизации транспортной системы. Несмотря на объективные ограничения климатического характера, в регионе *формируются предпосылки для постепенного перехода к более экологичным видам транспорта*, включая использование газомоторного топлива и пилотные проекты электротранспорта в городских агломерациях. Данные меры позволяют не только снижать углеродный след, но и повышать энергетическую эффективность транспортной системы.

В целом транспортная мобильность населения в республике должна рассматриваться как элемент пространственной устойчивости региона и как ключевой фактор реализации принципов экономики замкнутого цикла, обеспечивающий сопряжение социальной доступности, ресурсной эффективности и экологической безопасности.

Заключение

Актуальность перехода к экономике замкнутого цикла (циркулярной экономике) для Республики Саха (Якутия) обусловлена необходимостью снижения антропогенной нагрузки на уникальные природные экосистемы при сохранении высоких темпов промышленного развития [11].

Перспективы перехода Республики Саха (Якутия) к экономике замкнутого цикла оцениваются как высокие. Регион занимает лидирующие позиции в ДФО по циркулярной трансформации, обладает развитой инфраструктурой обращения с отходами, реализует масштабные проекты модернизации экономики, энергетики, строительства и транспортной инфраструктуры. Дальнейшее развитие сервисной экономики, внедрение наилучших доступных технологий и повышение эффективности использования ресурсов позволят республике укрепить свои позиции и достичь стратегических целей.

Исходя из изложенного выше, можно отметить, что, несмотря на первые шаги Республики Саха (Якутия) по переходу к ЭЗЦ текущее состояние соответствует линейной экономике, а текущая экономика региона базируется на добыче нефти, газа, угля, алмазов, где основная добавленная стоимость создается на этапе добычи, а не переработки.

В *таблице 3* представлены основные барьеры и рекомендации по переходу к ЭЗЦ в ключевых секторах.

Таблица 3

Барьеры и меры перехода к экономике замкнутого цикла в ключевых секторах Республики Саха (Якутия)

Отрасль	**Особенности перехода на экономику замкнутого цикла**	**Существующие барьеры**	**Меры**
1	2	3	4
Обращение с отходами	Высокая доля промышленных отходов (до 90% структуры отходов региона)	Дефицит инфраструктуры, высокая стоимость логистики	Кластеризация переработки, мобильные комплексы, субсидирование логистики
Строительство	Потенциал вторичных материалов в инфраструктурных проектах	Отсутствие рынка вторсырья, климатические ограничения	Нормативы применения вторичных материалов, BIM-учет ресурсов

Окончание табл. 3

1	2	3	4
Транспорт и логистика	Многоукладная система (авиация, реки, зимники)	Сезонность, высокая стоимость перевозок (3–5 раз выше в целом по России)	Цифровизация северного завоза, мультимодальные перевозки
Общественный транспорт	Социальная функция мобильности	Низкий пассажиропоток, убыточность маршрутов	Транспорт по запросу, субсидирование, цифровые платформы
Декарбонизация транспорта	Снижение выбросов в городах	Ограниченная инфраструктура ЭЗС	Газомоторное топливо, пилотный электротранспорт

Как мы полагаем, опыт Якутии ценен для регионов России со схожими климатическими и логистическими условиями: низкими температурами, длительным отопительным сезоном (до 12 месяцев в Арктике), протяженными расстояниями между населенными пунктами (до 700 км) и высокими издержками энергоснабжения. Достигнутые успехи создают основу для достижения углеродной нейтральности к 2040 г. и могут быть масштабированы на другие территории Российской Федерации.

Список литературы

1. *Фоменко Н.М., Жура С.Е., Коваленко М.А.* Формирование экологической политики субъектов Российской Федерации для перехода на экономику замкнутого цикла // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2025. № 5 (155). С. 32–39.

2. *Гаевская Е.Ю., Дубовик Д.М.* Государственно политика экономики замкнутого цикла как основы промышленного потенциала России и средства обеспечения экологической безопасности // Государственная экологическая политика: правовые механизмы развития экономического потенциала Российской Федерации: сборник научных статей. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2026. С. 25–30.

3. *Филиппова Н.А., Иванова А.Е.* Перспективы развития транспортной инфраструктуры в Арктической зоне Республики Саха (Якутия) // Инфокоммуникационные и интеллектуальные технологии на транспорте: сборник статей международной научно-практической конференции, Липецк, 20–21 апреля 2022 года. Липецк: Липецкий государственный технический университет, 2022. С. 195–198.

4. *Филиппова Н.А., Иванова А.Е., Ишков А.М.* Перспективы развития транспортной доступности Арктических улусов Республики Саха (Якутия) // Мир транспорта и технологических машин. 2023. № 1-2 (80). С. 50–56.

5. *Стрек Я.М., Львов А.П.* Развитие транспортной инфраструктуры Республики Саха Якутия // Транспортные системы: безопасность, новые технологии, экология: сборник докладов V Международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию высшего образования в Якутском ин-

ституте водного транспорта, Якутск, 21 апреля 2023 года. Якутск: Якутский институт водного транспорта – филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский государственный университет водного транспорта», 2023. С. 308–314.

6. *Паньшин И.В.* Экономика замкнутого цикла: интеграция моделей жизненных циклов продукта и материальных ресурсов // Экономика и предпринимательство. 2026. № 2 (187). С. 506–512.

7. *Ерамасова А.В.* Экономика замкнутого цикла в АПК: возможности для переработки отходов и повышения эффективности ресурсов // Теория и практика современной аграрной науки: сборник IX национальной (всероссийской) научной конференции с международным участием, Новосибирск, 27 февраля 2026 года. Часть 2. Новосибирск: ИЦ Университета биотехнологий «Золотой колос», 2026. С. 285–289.

8. *Титова С.С.* Транспортная доступность труднодоступных территорий Арктики: анализ потенциала системы DRT // Арктика: перспективы, инновации и развитие регионов: IX Международный Арктический Саммит: сборник материалов, Москва – Санкт-Петербург, 22–25 апреля 2025 года. Часть 2. М.: Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России (федеральный центр науки и высоких технологий), 2025. С. 287–303.

9. *Брижанин В.В., Киселева С.П., Филиппова Р.В., Остах С.В.* Перспективы углеродного регулирования в России и повышение ответственности и вовлеченности предприятий в деятельность по сокращению выбросов парниковых газов // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2023. Т. 20. № 2 (128). С. 130–142.

10. *Брижанин В.В., Филиппова Р.В., Сударикова Е.В., Судариков М.Д.* Вклад Российской Федерации в сокращение выбросов парниковых газов: механизмы регулирования и современное технологическое решение их реализации // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2022. Т. 19. № 5 (125). С. 35–43.

11. *Жура С.Е.* Устойчивое развитие российской Арктики в контексте экономической безопасности // Арктика: перспективы, инновации и развитие регионов: IX Международный Арктический Саммит: сборник материалов, Москва – Санкт-Петербург, 22–25 апреля 2025 года. М.: Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России (федеральный центр науки и высоких технологий), 2025. С. 314–320.

References

1. Fomenko N.M., Zhura S.E., Kovalenko M.A. Formirovanie ekologicheskoi politiki sub”ektov Rossiiskoi Federacii dlya perekhoda na ekonomiku zamknutogo cikla [Formation of Environmental Policy of the Constituent Entities of the Russian Federation for the Transition to a Circular Economy], *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics], 2025, No. 5 (155), pp. 32–39. (In Russ.).

2. Gaevskaya E.Yu., Dubovik D.M. Gosudarstvenno politika ekonomiki zamknutogo cikla kak osnovy promyshlennogo potenciala Rossii i sredstva obespecheniya ekologicheskoi bezopasnosti [State Policy of a Circular Economy as the Basis of Russia’s Industrial Potential and a Means of Ensuring Environmental Safety], *Gosudarstvennaya*

ekologicheskaya politika: pravovye mekhanizmy razvitiya ekonomicheskogo potenciala Rossiiskoi Federacii, sbornik nauchnyh statei [State Environmental Policy: Legal Mechanisms for the Development of the Economic Potential of the Russian Federation. Collection of Scientific Articles]. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet im. V.F. Yakovleva, 2026, pp. 25–30. (In Russ.).

3. Filippova N.A., Ivanova A E. Perspektivy razvitiya transportnoi infrastruktury v Arkticheskoi zone Respubliki Saha (Yakutiya) [Prospects for the Development of Transport Infrastructure in the Arctic Zone of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Infokommunikacionnye i intellektual'nye tekhnologii na transporte, sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii* [Infocommunication and Intelligent Technologies in Transport. Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference], Lipeck, 20–21 April 2022. Lipeck, Lipeckii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 2022, pp. 195–198. (In Russ.).

4. Filippova N.A., Ivanova A.E., Ishkov A.M. Perspektivy razvitiya transportnoi dostupnosti Arkticheskih ulusov Respubliki Saha (Yakutiya) [Prospects for the Development of Transport Accessibility in the Arctic Districts of the Republic of Sakha (Yakutia)], *Mir transporta i tekhnologicheskih mashin* [World of Transport and Technological Machines], 2023, No. 1-2 (80), pp. 50–56. (In Russ.).

5. Strek Ya.M., L'vov A.P. Razvitie transportnoi infrastruktury Respubliki Saha Yakutiya [Development of Transport Infrastructure of the Sakha Republic Yakutia]. *Transportnye sistemy: bezopasnost', novye tekhnologii, ekologiya, sbornik dokladov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii, posvyashchennoi 65-letiyu vysshego obrazovaniya v Yakutskom institute vodnogo transporta* [Transport Systems: Safety, New Technologies, Ecology. Collection of Reports of the V International Scientific and Practical Conference dedicated to the 65th anniversary of Higher Education at the Yakutsk Institute of Water Transport], Yakutsk, 21 April 2023. Yakutsk: Yakutskii institut vodnogo transporta – filial Federal'nogo gosudarstvennogo byudzhetnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya "Sibirskii gosudarstvennyi universitet vodnogo transporta", 2023, pp. 308–314. (In Russ.).

6. Pan'shin I.V. Ekonomika zamknutogo cikla: integraciya modelei zhiznennyh ciklov produkta i material'nyh resursov [Circular Economy: Integration of Product Life Cycle Models and Material Resources], *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economy and Entrepreneurship], 2026, No. 2 (187), pp. 506–512. (In Russ.).

7. Eramasova A.V. Ekonomika zamknutogo cikla v APK: vozmozhnosti dlya pererabotki othodov i povysheniya effektivnosti resursov [Circular Economy in the Agro-Industrial Complex: Opportunities for Waste Recycling and Increasing Resource Efficiency], *Teoriya i praktika sovremennoi agrarnoi nauki, sbornik IX nacional'noi (vserossiiskoi) nauchnoi konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Theory and Practice of Modern Agricultural Science. Materials of the IX National (All-Russian) Scientific Conference with International Participation], Novosibirsk, 27 February 2026. Part 2. Novosibirsk, IC Universiteta biotekhnologii "Zolotoi kolos", 2026, pp. 285–289. (In Russ.).

8. Titova S.S. Transportnaya dostupnost' trudnodostupnyh territorii Arktiki: analiz potenciala sistemy DRT [Transport Accessibility of Hard-To-Reach Arctic Territories: Analysis of the DRT System Potential], *Arktika: perspektivy, innovacii i razvitie regionov. IX Mezhdunarodnyi Arkticheskii Sammit, sbornik materialov* [The Arctic: Prospects, Innovations and Regional Development: IX International Arctic Summit. Collection of Materials], Moscow – Saint-Petersburg, 22–25 April 2025. Part 2. Moscow, Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut po problemam grazhdanskoi oborony i chrezvychajnyh situacii MChS Rossii (federal'nyi centr nauki i vysokih tekhnologij), 2025, pp. 287–303. (In Russ.).

9. Brizhanin V.V., Kiseleva S.P., Filippova R.V., Ostah S.V. Perspektivy uglerodnogo regulirovaniya v Rossii i povyshenie otvetstvennosti i vovlechennosti predpriyatii v deyatel'nost' po sokrashcheniyu vybrosov parnikovyh gazov [Prospects for Carbon Regulation in Russia and Increasing Responsibility and Involvement of Enterprises in Activities to Reduce Greenhouse Gas Emissions], *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova* [Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics], 2023, Vol. 20, No. 2 (128), pp. 130–142. (In Russ.).

10. Brizhanin V.V., Filippova R.V., Sudarikova E.V., Sudarikov M.D. Vklad Rossiiskoi Federacii v sokrashchenie vybrosov parnikovyh gazov: mekhanizmy regulirovaniya i sovremennoe tekhnologicheskoe reshenie ih realizacii [Russian Federation's Contribution to the Reduction of Greenhouse Gas Emissions: Regulation Mechanisms and Modern Technological Solutions for Their Implementation], *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova* [Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics], 2022, Vol. 19, No. 5 (125), pp. 35–43. (In Russ.).

11. Zhura S.E. Ustoichivoe razvitie rossiiskoi Arktiki v kontekste ekonomicheskoi bezopasnosti [Sustainable Development of the Russian Arctic in the Context of Economic Security], *Arktika: perspektivy, innovacii i razvitie regionov. IX Mezhdunarodnyi Arkticheskii Sammit, sbornik materialov* [The Arctic: Prospects, Innovations and Regional Development: IX International Arctic Summit. Collection of Materials]. Moscow – Saint-Petersburg, 22–25 April 2025. Moscow, Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut po problemam grazhdanskoi oborony i chrezvychainyh situacii MChS Rossii (federal'nyi centr nauki i vysokih tekhnologii), 2025, pp. 314–320. (In Russ.).

FEATURES AND ANALYSIS OF THE TRANSITION OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA) TOWARDS A CLOSED-CYCLE ECONOMY

The article considers and analyzes the current steps of the Republic of Sakha (Yakutia) towards the transition to a circular economy, taking into account the fact that the main revenue-generating activity in the region is the extraction of oil, gas, coal, and diamonds. The authors emphasize the high relevance of the transition to a circular economy for the region due to the need to reduce anthropogenic pressure on unique natural ecosystems while maintaining high rates of industrial development. The authors emphasize that the experience gained in the Republic of Sakha (Yakutia) is of significant practical value for subjects of the Russian Federation characterized by comparable climatic and infrastructural constraints, such as extremely low temperature conditions, prolonged heating periods, significant remoteness of settlements from each other, as well as increased operating costs for energy supply. The results achieved in the region form a solid foundation for the implementation of the carbon neutrality strategy by 2040 and have a high potential for replication to other territories of the Russian Federation.

Keywords: Sakha Republic (Yakutia), closed-loop economy, greenhouse gas emissions, decarbonization of the economy, waste management, carbon regulation.

JEL: R11

Дата поступления – 18.05.2026 *Принята к печати* – 25.06.2026

ЖУРА Светлана Егоровна
доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика»;
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский технологический университет “МИСИС”» / Ленинский проспект, д. 4, стр. 1, г. Москва, 119049.
e-mail: sgura2015@yandex.ru

ФИЛИППОВА Римма Владимировна
кандидат экономических наук, доцент кафедры «Автомобильные перевозки»;
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)» / Ленинградский проспект, д. 64, г. Москва, 125319.
e-mail: filippovaRV@transport.mos.ru

ТИТОВА Светлана Семеновна
старший преподаватель кафедры «Автомобильные перевозки»;
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)» / Ленинградский проспект, д. 64, г. Москва, 125319.
e-mail: s.titova@madi.ru

СУДАРИКОВА Елена Валерьевна
кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник научной школы «Химия и технология полимерных материалов»;
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 109992.
e-mail: sudarikova.ev@rea.ru

ZHURA Svetlana E.
Dr. Sc. (Econ.), Professor of the Department of Economics;
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “National University of Science and Technology “MISIS” / 4, Building 1, Leninskiy Av., Moscow, 119049.
e-mail: sgura2015@yandex.ru

FILIPPOVA Rimma V.
Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor of the Department of “Automobile Transportation”;
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI)” / 64, Leningradskiy Av., Moscow, 125319.
e-mail: rimma-filippova@yandex.ru

TITOVA Svetlana S.
Senior Lecturer of the Department of “Automobile Transportation”;
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI)” / 64, Leningradskiy Av., Moscow, 125319.
e-mail: s.titova@madi.ru

SUDARIKOVA Elena V.
Cand. Sc. (Pedagogic), Leading Researcher at the Scientific School "Chemistry and Technology of Polymer Materials";
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Plekhanov Russian University of Economics" / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992.
e-mail: evs023@mail.ru

Для цитирования:
Жура С. Е., Филиппова Р. В., Титова С. С., Сударикова Е. В. Особенности и анализ перехода Республики Саха (Якутия) к экономике замкнутого цикла // Федерализм. 2026. Т. 31. № 2 (122). С. 197–215. DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2026-2-197-215

Требования к оформлению рукописей
для авторов журнала «Федерализм»

По структуре. Статья должна быть структурирована, иметь подзаголовки и сноски. Объем рукописи для кандидатов и докторов наук должен составлять – от 40 000 до 50 000 печатных знаков, включая пробелы, для аспирантов – от 20 000 до 25 000 печатных знаков (раздел «Молодые ученые»). Оригинальность текста должна быть не менее 80%.

В сопровождении к статье должны быть **обязательно представлены** (отдельным файлом):

- фамилия, имя, отчество автора (авторов) на русском и английском языках;
- ученая степень, звание, должность, место работы на русском и английском языках, для аспирантов – название вуза;
- e-mail (публикуется в журнале как контактная информация автора);
- аннотация объемом 6–8 строк (100–250 слов) на русском языке; по своей структуре аннотация должна отражать содержание статьи, то есть кратко обосновывать актуальность выбранной темы, раскрывать основное содержание исследования и полученные автором результаты;
- ключевые слова к статье (5–7 слов на русском и английском языках);
- тематический классификатор Journal of Economic Literature (JEL);
- контактный **телефон** с кодом города, почтовый адрес с указанием индекса.

Требования к оформлению статьи. Текст статьи предоставляется в формате WORD (*.doc, *.docx). Основной текст печатается шрифтом Times New Roman 14 обычный, межстрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Название раздела, пунктов и подпунктов печатается шрифтом Times New Roman 14 полужирный, наклонный, выравнивание по центру. Разделы отделяются от предыдущего раздела одной пустой строкой и от последующего текста также одной пустой строкой.

Ссылки на литературу – затекстовые. Печатаются шрифтом Times New Roman 12 обычный, межстрочный интервал – 1,0. Отступ – 1,25 см. Все ссылки указываются списком в конце статьи, нумерация в списке литературы – по мере упоминания источника в тексте. В тексте, в квадратных скобках, указывается порядковый номер ссылки и страница.

Ссылки на законодательные акты даются постранично. Примечания подстрочные (сквозная нумерация); размер шрифта примечаний – 12 при интервале 1. Нумерация таблиц, рисунков и формул (сквозная). Параметры страницы: верхнее поле – 2,0; нижнее поле – 2,5; левое поле – 2,0; правое поле – 1,5.

Принятые сокращения: год – г. годы – гг.; то есть – т.е.; тому подобное – т.п.; тысячи – тыс.; миллионы – млн; миллиарды – млрд; рубли – руб.; доллары – долл.; век – в.

Иностранные слова в тексте статьи выделяются курсивом.

Таблицы должны быть выполнены табличными ячейками Word. Шрифт Times New Roman 12 обычный, межстрочный интервал 1,0. Стремитесь к тому, чтобы каждому пункту таблицы соответствовала своя ячейка (не пользуйтесь символами абзаца для смысловой разбивки строк). Выравнивание текста и цифр внутри ячеек необходимо выполнять только стандартными способами, а не с помощью пробелов, абзацев или дополнительных пустых строк. Не используйте в таблице выделение цветом, он «потеряется» при верстке.

Графики оформляются в черно-белом варианте, предпочтительно делать в Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные, связанные с рисунком) или CorelDraw (не переводите текст в кривые, так как он всегда редактируется. Не импортируйте файлы в графических форматах в файл *.cdr и не экспортируйте файлы *.cdr в другие форматы). По возможности избегайте построения графиков в Word, так как их подготовка к верстке требует большой дополнительной работы. Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word. Качество таких материалов в большинстве случаев непригодно для полиграфии.

Для всех рисунков и таблиц необходимо указывать источник: в случае если рисунок или таблица заимствованы из какого-либо источника, под названием дается ссылка на источник заимствования; если рисунок или таблица рассчитаны автором(ами) по какому-либо источнику, под ними пишется «Составлено/Рассчитано по» и указывается источник; если рисунок или таблица разработаны лично автором (ами) работы, то ничего не пишется.

После текста статьи приводятся два тождественных пронумерованных *списка литературы*. Один список (для русскоговорящих читателей) оформляется в соответствии с действующим ГОСТ Р 7.0.5–2008. Второй список (*References*) для иностранных читателей оформляется в соответствии с требованиями журналов, включенных в базу данных Scopus. Нумерация в двух списках должна полностью совпадать. Они должны быть идентичными по содержанию, но разными по оформлению. Транслитерировать можно автоматически с помощью translit.ru, режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

Требования к оформлению References см. на сайте журнала https://federalizm.rea.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines

За достоверность представляемых библиографических данных авторы несут ответственность вплоть до отказа в праве на публикацию.

Научный журнал
«Федерализм»
ISSN 2073-1051

2026
Том 31
№ 2
(122)

Scientific Journal
“Federalism”
ISSN 2073-1051

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»)

Основан в 1996 г.
Издание перерегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС 77-74878 от 11 февраля 2019 г.

Журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования

Подписка по каталогу Агентства «Урал-Пресс».
Подписной индекс 72005

Founder
Plekhanov Russian University of Economics (PRUE)

Founded in 1996
The edition is registered in the Federal Service for communication, informational technologies and media control:
PI No. FS 77-74878 dated 11 February 2019

The journal was included in the List of leading scientific journals and publications of the Higher Attestation Board, publication in which is mandatory for defending PhD and Doctorate dissertations

The journal is included in the Russian index of scientific citing

Subscription by “Ural-Press” catalogue.
Index 72005

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Федерализм» обязательна.
Рукописи, не принятые к публикации, не возвращаются.
Мнение редакции и членов редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

In case materials from “Federalism” are reproduced, the reference to the source is mandatory. Materials not accepted for publication are not returned.
Opinions of editorial council and editorial board may not coincide with those of the authors of publications.

Редактор **Б.Ю. Соколова**
Технический редактор **Е.И. Аникеева**

Адрес редакции:
109992, Москва, Стремянный пер., 36.
Тел.: **8 (495) 800-12-00, доб. 16-52**
E-mail: **federalizm@rea.ru**

Подписано в печать 30.06.2026.
Формат 70x108 1/16
Печ. л. 13,75. Усл. печ. л. 19,25.
Уч.-изд. л. 17,00.
Тираж 1000 экз. Заказ № .
Цена свободная.

Отпечатано в ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова».
109992, Москва, Стремянный пер., 36.

© ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2026

Editor **B.Iu. Sokolova**
Technical editor **E.I. Anikeeva**

Editorial office address:
36 Stremyanny Lane, 109992, Moscow.
Tel.: **8 (495) 800-12-00, ext. 16-52**
E-mail: **federalizm@rea.ru**

Signed for print 30.06.2026.
Format 70x108 1/16
Printed sheets 13.75. Conv. sheets 19.25.
Publ. sheets 17.00.
Circulation 1,000. Order № .
Free price.

Printed in Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, 109992, Moscow.

© Russian University of Economics, 2026